

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 2 • Том 17 • 2024 •
АПРЕЛЬ – ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 2 • Volume 17 • 2024 •
APRIL—JUNE

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания);

Кольцова Юлия Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Марусенко Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуроев Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Пан Кёён, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovsky, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Eleferios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolahti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Roman A. Matasov**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mikhail N. Marusenko, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Методология перевода

- Гребенюк А.В. Проблема типологии ошибок машинного перевода:
стремление к универсальности vs таргетированность 7

История перевода

- Тетенова М.А. Обзор истории перевода произведений Эдгара Аллана По на французский язык в XIX веке..... 26

Лингвистические и культурологические вопросы перевода

- Ван Юе, Ван Пинъюань. Культурное искажение и стратегии культурного факсимиле в процессе перевода с китайского языка на русский 41

- И Лицунь. Перевод метафор в современном дипломатическом дис-
курсе (на основе материалов русского, китайского и английско-
го языков)*.....60

- Макарова О.С., Маркосян Г.Э., Савелло Е.В. Лингвокультурологический принцип перевода метафор в малой прозе Стивена Кинга (на примере рассказов "The Apt Pupil" и "Rainy Season"). 73

Рецензии

- Лебедева А.А. Рецензия на монографию: Мишкурин Э.Н., Новикова М.Г. «Переводимость — непереводаемость: былые и думы... = Translatability — untranslatability: yesteryears and thoughts...»: монография. 93

Хроника научной жизни

- Чович Л.И. Новое и традиционное в переводоведении и преподавании РКИ 106

- Костикова О.И.* Ломоносовские чтения — 2024 в Высшей школе
перевода Московского университета..... 110

- Воюцкая А.А., Зигмантович Д.С. Круглый стол «Переводческие технологии» 115

- Мешикова Е.М., Немонезная В.Ю. Круглый стол «Теория перевода и сопоставительное изучение языков» 117

- Алевич А.В., Воюцкая А.А., Лыткина О.И., Мешкова Е.М., Немо-
нечная В.Ю. Теория, история и методология перевода на XXXI
Международной научной конференции студентов, аспирантов
и молодых учёных «Ломоносов-2024» 119

- Зигмантович Д.С. «Русский язык и культура в зеркале перевода»
XIV Международная научная конференция к 225-летию со дня
рождения А.С. Пушкина 125

- Костикова О.И. «Трансформация модели переводческой деятельности: открытость и интеграция». Международная конференция CIUTP 2024. 131

CONTENTS

Translation Methodology

- Grebenyuk A.V.* Towards building a taxonomy of machine translation errors: versatility vs targeted approaches 7

History of Translation

- Tetenova M.A.* A review of the history of the translation of Edgar Allan Poe's works into the French language in the XIX century 26

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Wang Yue, Wang Pinyuan.* Cultural distortion and strategies for cultural facsimile in the process of translation from Chinese into Russian. 41
- Yi Liqun.* Translation of metaphors in modern diplomatic discourse (based on Russian, Chinese and English materials) 60
- Makarova O.S., Markosyan G.E., Savello E.V. (2024).* Search for the linguoculturological principle of translating metaphors in Stephen King's small works (Based on stories "The Apt Pupil" and "Rainy Season") 73

Reviews

- Lebedeva A.A.* Monograph Review: Mishkurov E.N., Novikova M.G. "Translatability — untranslatability: yesteryears and thoughts...": monograph 93

Chronicles of Scientific Life

- Čović L.I.* New and Traditional in Translation Studies and Teaching Russian as a Foreign Language. International Scientific Conference. 106
- Kostikova O.I.* Lomonosov Colloquia — 2024 at MSU Higher School of Translation and Interpreting. 110
- Voyutskaya A.A., Zigmantovich D.S.* Roundtable discussion Translation and Interpreting Technologies. 115
- Meshkova E.M., Nemonezhnaya V.Yu.* Roundtable discussion Translation Theory and Contrastive Study of Languages 117
- Alevich A.A., Voyutskaya A.A., Lytkina O.I., Meshkova E.M., Nemonezhnaya V.Yu.* Theory, History, and Methodology of Translation at the 31st International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists Lomonosov-2024 119
- Zigmantovich D.S.* 14th International Scientific Conference Russian Language and Culture Reflected in Translation 125
- Kostikova O.I.* Reshaping the T&I Paradigm: Openness and Integration. CIUTI International Conference 2024 131

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-1: 81'322.4

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ОШИБОК МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: СТРЕМЛЕНИЕ К УНИВЕРСАЛЬНОСТИ VS ТАРГЕТИРОВАННОСТЬ

Андрей Владимирович Гребенюк

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Для контактов: yax-light@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена выявлению проблем, имеющих в существующих подходах к типологизации ошибок машинного перевода (МП), а также поиску путей к её совершенствованию. Несмотря на то, что подобные классификации могут быть основаны на типологии, разработанной на материале переводов, выполненных человеком, ошибки МП имеют свою специфику, которая также должна учитываться в системе классификации. В первой части статьи обсуждается понятие машинного перевода и переводческой ошибки и даётся обзор основных подходов к классификации переводческих ошибок в традиционном, «человеческом» переводе. Во второй части статьи обсуждаются классификации, предлагаемые для анализа перевода, выполненного системами автоматического перевода, и некоторые их ограничения. Изучался материал, преимущественно связанный с переводами в паре с русским языком и выполненными с помощью наиболее популярных в России сервисов машинного перевода «Яндекс Переводчик», “Google Translate” и “Promt”. В частности, обсуждаются выделяемые различными авторами основные классы ошибок, их частотность, а также их «вес» с точки зрения их способности приводить к коммуникационному сбою. Констатируется отсутствие в настоящее время единого подхода к построению подобных классификаций, а также зависимость существующих типологий от типа текста, языковой пары и конкретной системы автоматического перевода. Делается вывод о том, что

оптимальным подходом к классификации ошибок МП является подход не универсальный, а таргетированный, то есть зависящий от определенных параметров перевода. Также обсуждается возможность практического применения машинного перевода при обучении иностранному языку и в работе профессиональных переводчиков, а также необходимость пост-редактуры переведённых текстов.

Ключевые слова: машинный перевод, системы автоматического перевода, переводческие ошибки, типология ошибок, постредактирование

Для цитирования: Гребенюк А.В. Проблемы типологии ошибок машинного перевода: стремление к универсальности vs таргетированность // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024, № 2. С. 7–25. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25

Статья поступила в редакцию 27.04.2024;
одобрена после рецензирования 08.07.2024;
принята к публикации 08.07.2024.

TOWARDS BUILDING A TAXONOMY OF MACHINE TRANSLATION ERRORS: VERSATILITY VS TARGETED APPROACHES

Andrey V. Grebenyuk

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

For contacts: yax-light@yandex.ru

Abstract. This study examines problems in existing approaches to classifying machine translation (MT) errors. Despite the fact that such classifications can be based on a taxonomy developed on the material of traditional translations, MT errors have their own specifics, which should also be considered in the classification system. The first part of the presented paper discusses the concepts of machine translation and translation error per se and provides an overview of the main approaches to building a taxonomy of translation errors in traditional, “human” translation. In the second part, we discuss the existing classification systems proposed for the analysis of machine translation output and some of their limitations. The research material in the discussed papers is mainly focused on translations in pairs with the Russian language and obtained through the use of the most popular in Russia machine translation services, viz. Yandex Translator, Google Translate and Promt. In particular, we discuss the main classes of errors identified by various authors, the frequency of the errors of the said classes, as well as their gravity in terms of their ability to cause a communication failure. This study argues that there is currently no unified approach to the construction

of such classifications, as well as that they are inevitably dependent on the type of the analysed text, the language pair and the chosen automated translation system. It is concluded that the optimal approach to classifying MT errors is not a universal approach, but a targeted one, that is, depending on certain translation parameters. The possibility of practical applications of machine translation in teaching foreign languages and in the work of professional translators, as well as the need for post-editing of translated texts, are also discussed.

Keywords: machine translation, automated translation systems, translation errors, taxonomy of errors, error analysis, post-editing

For citation: Grebenyuk A. V. (2024). Towards building a taxonomy of machine translation errors: versatility vs targeted approaches. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2. P. 7–25. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25

The article was received on April 27, 2024;
approved after reviewing on July 08, 2024;
accepted for publication on July 08, 2024.

Введение

В соответствии с одним из определений перевода (по данным И.С. Алексеевой), перевод — это деятельность (и результат этой деятельности), которая «заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порождённого на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности» (Алексеева, 2008: 7). Несмотря на то, что в приведённое определение явным образом входит указание на человеческий характер данной деятельности, с середины XX века существует и иной вид перевода — машинный (Воронович, 2013: 3; Wang, 2022). Вызывая скепсис ряда специалистов на протяжении многих десятилетий, методы машинного перевода (МП) тем не менее непрерывно развивались и в настоящее время являются инструментом, хоть и требующим, как правило, постредактуры, но всё же позволяющим решать широкий ряд практических задач (Wang, 2022; Беляева, 2022).

Для совершенствования машинного перевода необходимо как можно более отчётливое понимание специфики возникающих в нём ошибок. Классификации этих ошибок был посвящён значи-

тельный ряд исследований, но этими же исследованиями выявлен целый ряд проблем, затрудняющих такую классификацию в принципе. В настоящей работе критически рассматриваются результаты этих исследований: основные классы ошибок, их частотность, а также их «вес» с точки зрения их способности приводить к коммуникационному сбою. Констатируется зависимость существующих типологий от типа текста, языковой пары и конкретной системы автоматического перевода. По итогам данного исследования автор отдаёт предпочтение таргетированной классификации ошибок МП перед классификацией универсальной. Помимо теоретических выводов, настоящее исследование содержит практические наблюдения и рекомендации, связанные с работой наиболее распространённых в России средств МП.

Типологизация ошибок традиционного перевода

Общим местом современного переводоведения является признание недостижимости «абсолютно точного» перевода без каких-либо потерь. Вместо этого принято говорить об эквивалентности и адекватности — мерах соответствия переведённого текста тексту исходному и цели перевода соответственно, и о необходимости передачи инварианта перевода — тех, компонентов содержания, которые не могут быть опущены или заменены (Алексеева, 2008: 145–146; Шамова, 2005). Не останавливаясь подробно на различных подходах к соотношению и строгому определению данных понятий, разграничению уровней эквивалентности и степеней инвариантности, отметим, что содержание данных понятий будет также зависеть от типа текста.

Упомянутые потери информации при переводе часто называются ошибками перевода. Мы будем понимать их в широком смысле, необязательно проистекающими из некомпетентности переводчика (в некоторых работах предлагается разделение на «ошибки» и «деформации» по критерию обоснованности/необоснованности (Гарбовский, 2007: 535–536). Приведём более строгое, данное Р.К. Миньяр-Белоручевым (Миньяр-Белоручев, 1996: 131–132), определение ошибки перевода: «некоторое количество переданной или добавленной информации, вычлняемой в виде либо непереведённого речевого отрезка в исходном тексте, либо добавленного речевого отрезка в переводном тексте». Соответственно возникает вопрос о создании классификации подобных ошибок.

Обзор литературы показывает, что в качестве признака классификации как правило выбирается или источник (причина) воз-

никновения ошибки, или уровень языковой системы (и/или аспект коммуникации), на котором проявляется данная ошибка (Федорова, 2020). В качестве классификации первого типа можно привести пример одной из типологий, предложенных Н.К. Гарбовским (Гарбовский, 2007: 514):

- 1) недостаточное владение языком оригинала;
- 2) недостаточный когнитивный опыт, недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности;
- 3) невнимательное отношение к системе смыслов, заключённой в исходном тексте, непонимание того, что автор говорит о предмете;
- 4) неумение различить особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения.

Н.К. Гарбовский в своей работе приводит и классификацию второго типа, в которой ошибки соответствуют уровням семантики слова, словосочетания, предложения и предметной ситуации в целом, и, дополнительно, в отдельную категорию выделяются стилистические ошибки (Там же: 517–535). Ко второму типу также относятся типологии таких теоретиков советского переводоведения, как Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров и Л.С. Бархударов, сравнительный анализ которых представлен в обзоре (Терентьева, 2020). В качестве примера приведём классификацию Л.С. Бархударова, во многом основанную на семиотической триаде Ч. Морриса (семантика, прагматика, синтактика):

- 1) лексические:
 - 1.1) референциальные (денотативное содержание);
 - 1.2) прагматические (регистр, коннотации, эмоциональная окраска);
 - 1.3) внутрилингвистические (рифма, ритм, звукопись);
- 2) грамматические (ошибки передачи грамматических категорий числа, модальности, времени и т.д.).

Разумеется, существуют и классификации, едва ли однозначно попадающие в одну из двух рассмотренных групп. Так, встречаются классификации, основанные на этапах процесса перевода, учитывающие уже упоминавшийся критерий обоснованности (мотивированности), а также разнообразные гибридные типологии (Самсонов, 2022; Гу Цзюньлин, 2016). Представляется интересной классификация, предложенная Д.М. Бузаджи и соавторами (Бузаджи, 2009), распределяющая ошибки по четырём категориям в

порядке убывания значимости и, далее, по нескольким группам в каждой категории:

- 1) ошибочная передача денотативного содержания текста:
 - 1.1) опущение, добавление, замена информации (значимые ошибки);
 - 1.2) неточная передача денотативного содержания текста (менее значимые: инвариант перевода сохраняется);
- 2) стилистические ошибки:
 - 2.1) нарушения в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей;
 - 2.2) калькирование;
 - 2.3) нарушения узуса переводящего языка;
- 3) ошибки передачи авторской оценки:
 - 3.1) ошибки, связанные с ослаблением или усилением экспрессии оригинала;
 - 3.2) собственно ошибки авторской оценки;
- 4) очевидные нарушения нормы и узуса переводящего языка:
 - 4.1) нарушение орфографических и пунктуационных норм;
 - 4.2) неверная передача имён собственных;
 - 4.3) нарушения стилистических норм переводящего языка;
 - 4.4) ошибочная передача специфических видов цифровых данных;
 - 4.5) несоответствие нормам оформления текстов данного типа.

Типологизация ошибок машинного перевода

На протяжении последнего десятилетия внимание исследователей было также обращено и к проблеме типологизации ошибок машинного перевода. Нужно отметить, что к анализу соответствующих публикаций следует подходить с осторожностью, потому что полученные результаты могут зависеть не только от рассматриваемой языковой пары и типа текста, как это было ранее, но и от конкретной системы автоматического перевода. Кроме того, все подобные системы непрерывно совершенствуются, и переводы одного текста, разделённые значимым промежутком времени, могут существенно отличаться. Ниже предлагается анализ основных публикаций, посвящённых анализу ошибок машинного перевода, преимущественно в наиболее популярных (Кочеткова, 2017) нейросетевых системах «Яндекс Переводчик» (также использует статистический подход) и Google Translate.

Одной из ранних и уже классических работ в области типологизации ошибок машинного перевода является работа 2006 года Дэвида Вилара и соавторов (Vilar, 2006). Классификация, предложенная в статье, была разработана на четырёх языковых парах: английский/испанский и английский/китайский. Для машинного перевода использовались различные алгоритмы, основанные на статистическом подходе. Классификация является преимущественно двухуровневой:

- 1) Пропущенные слова
 - 1.1) знаменательные слова (7,9%; 7,2%)
 - 1.2) служебные слова (12,0%; 18,8%)
- 2) Ошибка порядка слов
 - 2.1) уровень слов (13,3%; 13,3%)
 - 2.2) фразовый уровень (2,1%; 7,1%)
- 3) Неправильные слова
 - 3.1) неверное лексическое значение (21,9%; 28,2%)
 - 3.2) неверная форма (33,9%; 9,9%)
 - 3.3) лишнее слово (0,0%; 1,1%)
 - 3.3) стилистическая ошибка (7,9%; 9,9%)
 - 3.4) передача идиом (0,7%; 1,7%)
- 4) Неизвестные слова (в исходном тексте)
 - 4.1) неизвестная основа (0,3%; 1,1%)
 - 4.2) неизвестная форма (0,0%; 1,6%)
- 5) Пунктуация

Некоторые подгруппы этой классификации имеют третий уровень. Так, подкатегории «уровень слов» и «фразовый уровень» категории «порядок слов» далее делятся на неправильный порядок ближнего и дальнего расположения в тексте (*local / long range*), а в ошибках лексического значения отдельно выделяется группа, связанная с неверным выбором контекстуального значения. Сами авторы указывают на трудность построения логически последовательной классификации и зачастую невозможности однозначного отнесения ошибки в ту или иную группу. В схеме классификации указаны частотности ошибок разных категорий (в процентах от общего числа; пунктуационные ошибки не учитывались) для перевода с английского на испанский и с испанского на английский соответственно. Как видно из статистики, самыми частотными оказываются ошибки подкатегорий «неверное лексическое значение», «неверная форма» и «стилистическая ошибка», при этом распределение зависит от направления перевода в паре: в силу большей

морфологической сложности испанского языка подкатегория «неверная форма» составляет треть всех ошибок (против одной десятой в переводе на английский).

В уже упоминавшейся работе Л.Н. Беляевой (Беляева, 2022) рассматриваются возможные проблемы машинного перевода в контексте постредактирования: неправильный перевод фрагмента текста в целом; пропуск или вставка дополнительной информации; некорректный выбор терминологии; проблемы, относящиеся к грамматике, орфографии и пунктуации (объединены в одну группу); несоблюдение стилистических норм переводящего языка; нарушение стандартов страны языка перевода (наименований валюты и разделителей десятичных чисел, неверное использование прописных букв); несогласованность (использование нестандартизированной терминологии). Особый интерес здесь представляет последний пункт. Действительно, при автоматическом переводе одно и то же слово может быть переведено несколькими разными способами в пределах одного абзаца (в зависимости лишь от локального контекста), что, хотя и не исключено в переводе человеком, является в значительной степени специфичными именно для машинного перевода.

Перевод немецкоязычных СМИ на русский системами Яндекс и Google исследуется в работе (Иванченко, 2021). Первый класс, который выделяют авторы — класс лексико-семантических ошибок, совершенных вследствие: омонимии, полисемии, наличия нетривиальных контекстуальных значений, эллиптических конструкций, имён собственных, реалий и иноязычных включений. Ошибки данного класса оказываться самыми частотными. Далее в порядке уменьшения частотности идут: нормативно узусные, грамматические (неверная передача грамматических категорий падежа, времени, рода) и самые малочисленные — пунктуационные и орфографические. В работе также указывается, что, хотя обе системы в целом хорошо справляются с орфографией и пунктуацией, большее количество ошибок данного типа совершает «Яндекс Переводчик».

В работе Н.С. Кочетковой и Е.В. Ревиной (Кочеткова, 2017) также исследуют автоматический перевод с немецкого на русский сервисами компаний Яндекс, Google, и Promt, но уже на материале научно-технического доклада посвящённого электроэнергетике. Авторы выделяют три категории ошибок: лексико-семантические, синтаксические и морфологические. К первой группе относились случаи пропуска и неверного перевода лексической единицы, а также ситуации, когда смысл предложения в целом трудно понять.

Отметим, что последнее — это тоже проблема специфичная именно для автоматического перевода. Категория лексико-семантических ошибок оказалась самой частотной (52% всех ошибок), затем идут морфологические (неправильная передача категорий рода, числа и т.д., 27%) и синтаксические (неверный порядок слов, 23%).

Схожая классификация использовалась в работе Л.Э. Щекиной (Щекина, 2021), посвящённой особенностям работы системы «Яндекс Переводчик» в переводе с французского языка на русский. В ней дополнительно выделяется четвёртая категория пунктуационных ошибок. Как и в предыдущей работе, самой частотной оказалась категория лексико-семантических ошибок (63% всех ошибок), далее идут синтаксические (20%), морфологические (15%) и пунктуационные ошибки (2%). Различие результатов может быть обусловлено различием как языковой пары, так и анализируемых систем машинного перевода. Кроме того, работа Н.С. Кочетковой вышла на 4 года позже и застала другое состояние сервиса «Яндекс Переводчик».

В работе М.А. Зайцевой (Зайцева, 2023) также исследовалась работа сервиса Яндекса, но уже в переводе с английского на русский. Для классификации обнаруженных ошибок перевода использовалась система из двух основных категорий (лексико-семантические ошибки и ошибки передачи культурных реалий), которые затем делились на группы. В лексико-семантические вошли ошибки перевода отдельных слов и словосочетаний и, отдельными группами, ошибки перевода сленга и метафор. Во второй категории выделялись ошибки передачи исторических, культурных, географических реалий и культурно-обусловленные ошибки, вызванные недостатком контекста. Частотности ошибок различного вида в работе не приводится.

Приведённая выше классификация Д.М. Бузаджи легла в основу исследования В.Г. Красильниковой (Красильникова, 2021), посвящённого сравнительному анализу работы систем компаний Google и Яндекс в переводе англоязычного научно-популярного текста медицинской тематики на русский язык. Специфика текста обусловила отказ от категории ошибок передачи авторской оценки. В статью приведена подробная статистика ошибок: в обеих системах самыми частотными оказались нарушения при передаче денокативного содержания текста, 46,7% и 42,8% от всех ошибок для Google и Яндекс переводчиков соответственно. При этом основной является подкатегория неточной передачи информации (34,3% и 32,6% всех ошибок), а опущения, добавления и замены, напротив,

относительно маловероятны. Далее в обеих системах идут стилистические ошибки (40,0% и 42,4%) и ошибки нарушения нормы и узуса переводящего языка (13,3% и 14,8%). Из приведённых данных видно, что обе системы демонстрируют схожее распределение ошибок.

В следующей публикации Ф.Б. Ситдикова и соавторы (Ситдикова, 2019) исследуют особенности работы системы Google Translate в переводе англоязычных субтитров к фильмам на русский язык. К первой категории (53% ошибок) относились лексико-семантические ошибки (неспособность выбрать верное контекстуально-обусловленное значение отдельной лексической единицы, неверный перевод словосочетаний с непрямым значением, перевод имён собственных). Ко второй категории (28%) принадлежат морфологические ошибки, к третьей (19%) — синтаксические и стилистические. В работе также отмечается, что именно лексико-семантические ошибки затрудняли понимание в наибольшей степени.

В исследовании Г.А. Шушариной и Ж.В. Петруниной (Шушарина, 2021) проводится сравнительный анализ работы сервисов Google и Promt в переводе на русский язык англоязычных текстов различных функциональных стилей. Интересно отметить, что в основе классификации ошибок лежит классификация переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова: лексические, грамматические и лексико-грамматические. Авторы не приводят частотности ошибок каждой группы, ограничиваясь конкретными примерами перевода. В работе также делается вывод о сопоставимом качестве перевода обеими системами (Google всё же демонстрирует меньшее количество грамматических ошибок).

Интересная типология приводится в работе О.Ю. Павловой и М.Ю. Рябовой (Павлова, 2022). В ней исследовался перевод системой Google Translate русскоязычных научно-технических текстов на английский. Они дали следующее определение ошибке перевода: «любой вариант машинного перевода, который был подвергнут редактированию профессиональным переводчиком» и предложили следующую классификацию: группа А — передача смысла (точность, полнота), группа Б — содержание (логика, факты), группа В — язык и стиль (плавность, адаптация, подъязык, идиоматичность, технические ошибки). Не останавливаясь подробно на каждом из подразделов, укажем, что 88% ошибок относились к группе «Язык и стиль». Для ряда подразделов не было выявлено ни одной ошибки: полнота (опущение/добавление информации) и подраздел «факты». Технические ошибки (орфография и пунктуация) также

оказались малочисленными — 4% от общего числа ошибок. В работе также перечислены основные причины нарушения плавности: «1) рамочная структура предложения; 2) чрезмерное использование предлога “of” при переводе многокомпонентных генитивных словосочетаний; 3) многословие; 4) неестественная тема-рематическая структура предложения; 5) избыточное синтаксическое членение; 6) тавтология». В публикации Е.В. Шевчук (Шевчук, 2021), также посвященной переводу на английский язык, отмечалась высокая частотность пропуска или ошибочного использования артиклей и в целом значительная языковая интерференция на уровне синтаксиса.

Выводы

Машинный перевод на современном этапе своего развития прочно вошёл в арсенал инструментов переводчиков и, в сочетании с последующей постобработкой, позволяет решать широкий ряд задач в сфере профессионального, в т.ч. коммерческого, перевода (см. результаты опросов переводчиков и сотрудников переводческих компаний (Нечаева, 2018)), а также в сфере обучения иностранному языку и теории перевода. Среди основных достоинств МП отмечаются его непрерывное развитие и улучшение качества, доступность, простота в использовании, скорость, конфиденциальность и возможность встраиваться в другие программы и ресурсы и в автоматическом режиме переводить, например, сайты и субтитры к видео (Федорова, 2020; Кочеткова, 2017; Ситдикова, 2019; Шушарина, 2021; Шевчук, 2021). Вместе с тем, подавляющее большинство авторов отмечают необходимость осторожного отношения к результатам такого перевода и, следовательно, постредактуры с целью исправления возможных ошибок перевода.

Проблеме типологии ошибок перевода (в т.ч. машинного) посвящена обширная литература (см. также (Бадулин, 2022; Краснова, 2015; Лютковская, 2021; Переходько, 2017; Daems, 2017; Freitag, 2021)), при этом единого подхода на данный момент не существует. Общими ограничениями, свойственными ряду предложенных типологий и, безусловно, отражающими сложность данной проблемы, являются: невозможность выделить единый классификационный признак, пересечение предложенных классов (и, следовательно, невозможность однозначно отнести ошибку к одному из них) и неполное покрытие предложенными классами всего множества возможных ошибок. Тем не менее представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Классификация ошибок перевода в значительной степени определяется языковой парой (и направлением перевода в этой паре), типом текста и целью перевода. Иными словами, представляется целесообразным строить классификации, привязанные к определённым параметрам перевода и, возможно, в целях изучения конкретного языкового явления (пример подобной, таргетированной, классификации см. в (Гончаров, 2019; Кирсанова, 2023)).

2. В случае машинного перевода влияние на классификацию ошибок теоретически может также оказывать рассматриваемая система МП, однако, на практике, распределение ошибок в наиболее популярных в России системах Google Translate, «Яндекс Переводчик» и Promt (Красильникова, 2021; Шушарина, 2021; Арестова, 2015) оказывается весьма близким.

3. Классификация ошибок машинного перевода может быть основана на типологии, разработанной на материале переводов, выполненных человеком, но должна содержать существенные изменения, связанные со спецификой МП.

4. Большинство предложенных классификаций являются двухуровневыми. На первом уровне чаще всего выделяются группы лексических (лексико-семантических) ошибок, грамматических ошибок (морфологических и/или синтаксических) и ошибок, связанных с нарушением узуса переводящего языка. Классификации ошибок по причине их происхождения для машинного перевода малочисленны (см., например, классификацию П.Н. Хроменкова (Семенов, 2008: 67–76), в которой все ошибки делятся на ошибки автоматического анализа и автоматического синтеза, и работу (Al Sharou, 2022), в которой обсуждаются ошибки и особенности исходного текста, приводящие к ошибкам перевода).

5. Наиболее частотными оказываются лексико-семантические ошибки. Относительно редкими в современных системах МП являются ошибки в орфографии и пунктуации и ошибки, связанные с опущением отдельных слов или фрагментов текста.

6. У различных ошибок разный «вес» с точки зрения их способности приводить к коммуникативному сбою. Наиболее значимыми являются ошибки, относящиеся к группе лексико-семантических.

Список литературы:

Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 368 с.

Арестова А.А. Сравнительный анализ систем машинного перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, 2015.

№ 13. С. 105–109. URL: <https://yrw.jvolsu.com/attachments/article/340/Arestova.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

Бадулин Д.Е., Бужинский В.В. Типология ошибок систем машинного перевода // Материалы XXIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции Нижневартковского государственного университета (05–06 апреля 2022 года, Нижневартовск), 2022. Т. 7. С. 76–80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48570053> (дата обращения: 21.11.2023).

Беляева Л.Н. Машинный перевод в современной технологии процесса перевода // Известия РГПУ имени А.И. Герцена, 2022. № 203. С. 22–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-sovremennoy-tehnologii-protssessa-perevoda/viewer> (дата обращения: 03.12.2023).

Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всерос. центр переводов, 2009. 120 с.

Воронович В.В. Машинный перевод: конспект лекций по специальности «Компьютерная лингвистика, Компьютерное обучение языкам». Минск: Белорусский государственный университет, 2013. 39 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Гончаров А.А., Бунтман Н.В., Нуриев В.А. Ошибки в машинном переводе: проблемы классификации // Системы и средства информатики, 2019. № 3. С. 92–103. URL: https://www.researchgate.net/publication/340792802_MACHINE_TRANSLATION_ERRORS_PROBLEMS_OF_CLASSIFICATION (дата обращения: 20.11.2023).

Гу Цзюньлин, Хуан Чжунлянь. Система классификации переводческих ошибок // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 3. С. 26–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44541285> (дата обращения: 20.11.2023).

Зайцева М.А. О типологии ошибок гибридной системы машинного перевода «Яндекс Переводчик» // Молодой учёный, 2023. № 45 (492). С. 38–46. URL: <https://moluch.ru/archive/492/107574/> (дата обращения: 20.11.2023).

Иванченко Т.А. Ошибки в машинном переводе с немецкого языка на русский (на материале статей немецкоязычных СМИ и текстов их переводов) // Учёные записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2021. № 4 (76). С. 30–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47400297> (дата обращения: 20.11.2023).

Кирсанова М.А. Машинный перевод: а нужен ли переводчик? // Сборник материалов конференции «Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация», 2023. Т. 1. С. 84–90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53761410> (дата обращения: 21.11.2023).

Кочеткова Н.С., Ревина Е.В. Особенности машинного перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 6 (72), Ч. 2. С. 106–109. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_6-2_30.pdf (дата обращения: 20.11.2023).

Красильникова В.Г. Анализ качества машинного перевода системами Google Translate и Яндекс. Переводчик (на материале отрывка из научно-популярного издания по медицине) // Молодой учёный, 2021. № 23 (365). С. 492–494. URL: <https://moluch.ru/archive/365/81991/> (дата обращения: 20.11.2023).

Краснова Т.И., Ванюшин И.С. Machine translation error analysis // Молодой учёный, 2015. № 9 (89). С. 124–126. URL: <https://moluch.ru/archive/89/18290/> (дата обращения: 21.11.2023).

Лютковская В.Л. Типичные ошибки в машинном переводе и оптимизация процесса постредактирования // Языковая личность и перевод: материалы VI Междунар. науч.-образоват. форума молодых переводчиков имени Д.О. Половцева, 2021. С. 55–58. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276847> (дата обращения: 21.11.2023).

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

Печаева Н.В., Светова С.Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе, 2018. Т. 7. № 25. С. 64–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah/viewer> (дата обращения: 21.11.2023).

Павлова О.Ю., Рябова М.Ю. Типология ошибок в машинном переводе // Полилингвальность современной культуры. Сборник статей Международной научной конференции «Филологическая наука и образование в Кузбассе», 2022. С. 247–258. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50357977> (дата обращения: 21.11.2023).

Переходько И.В., Мячин Д.А. Оценка качества компьютерного перевода // Вестник Оренбургского государственного университета, 2017. № 2. С. 92–96. URL: http://vestnik.osu.ru/2017_2/18.pdf (дата обращения: 21.11.2023).

Семенов А.Л. Современные информационные технологии и перевод: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 224 с.

Ситдикова Ф.Б., Хисамова В.Н., Усманов Т.Р. «Передняя часть правого телёнка», или ошибки машинного перевода (на основе анализа автоматических субтитров) // Балтийский гуманитарный журнал, 2019. Т. 8. № 2 (27), Ч. 2. С. 324–327. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perednyaya-chast-pravogo-telenka-ili-oshibki-mashinnogo-perevoda-na-osnove-analiza-avtomaticheskikh-subtitrov/viewer> (дата обращения: 20.11.2023).

Терентьева Д.М., Васильев Л.Г. К проблеме классификации переводческих ошибок // Вестник Калужского университета, 2020. № 3 (48). С. 56–60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44541285> (дата обращения: 20.11.2023).

Федорова Н.Ю. Типология переводческих ошибок как основа для разработки методики обучения переводу научных текстов // Профессионально-ориентированное обучение языкам: реальность и перспективы. Сборник статей участников Ежегодной всероссийской научно-практической

конференции с международным участием, 2020. С. 49–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42990073> (дата обращения: 20.11.2023).

Шамова Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2005. № 2. С. 171–180. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42990073> (дата обращения: 07.12.2023).

Шевчук Е.В., Никифорова Ж.А. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов // Вопросы методики преподавания в вузе, 2021. Т. 10. № 39. С. 46–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-i-tipichnye-oshibki-v-avtomatizirovannom-perevode-nauchno-publitsisticheskikh-tekstov/viewer> (дата обращения: 21.11.2023).

Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В. Сопоставительный анализ текстов онлайн-переводов // Вестник Челябинского государственного университета, 2021. № 4 (450). Филологические науки. Вып. 124. С. 185–192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-tekstov-onlayn-perevodov> (дата обращения: 21.11.2023).

Щекина Л.Э. Особенности онлайн-перевода с французского языка на русский (на примере работы сервиса Яндекс-переводчик) // Сборник материалов конференции “Research work” (Кемерово, 31.08.2021), 2021. С. 31–34. URL: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports> (дата обращения: 01.12.2023).

Al Sharou K., Specia L. (2022) A Taxonomy and Study of Critical Errors in Machine Translation. Proceedings of the 23rd Annual Conference of the European Association for Machine Translation, pp. 171–180. URL: <https://aclanthology.org/2022.eamt-1.20/> (дата обращения: 21.11.2023).

Daems J., Vandepitte S., Hartsuiker R.J., Macken L. (2017) Identifying the Machine Translation Error Types with the Greatest Impact on Post-editing Effort. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01282/full> (дата обращения: 21.11.2023).

Freitag M., Foster G., Grangier D., Ratnakar V., Tan Q., Macherey W. (2021) Experts, Errors, and Context: A Large-Scale Study of Human Evaluation for Machine Translation. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*. Vol. 9, pp. 1460–1474. URL: https://direct.mit.edu/tacl/article/doi/10.1162/tacl_a_00437/108866/Experts-Errors-and-Context-A-Large-Scale-Study-of (дата обращения: 21.11.2023).

Vilar D., Xu J., D’Haro L., Ney H. (2006) Error analysis of statistical machine translation output. Proceedings of the 5th Conference (International) on Language Resources and Evaluation. Italy, Genoa: European Language Resources Association, pp. 697–702. URL: https://pemt.ru/wp-content/uploads/2023/03/Error_analysis_of_statistical_machine_translation_output.pdf (дата обращения: 20.11.2023).

Wang H., Wu H., He Z., Huang L., Ward Church K. (2022) Progress in Machine Translation // *Engineering*. Vol. 18, pp. 143–153. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2095809921002745> (дата обращения: 03.12.2023).

References

Alekseeva I.S. (2008) Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to translation studies. St. Petersburg: Faculty of Philology, SPBU. 368 p. (In Russian).

Al Sharou K., Specia L. (2022) A Taxonomy and Study of Critical Errors in Machine Translation. // Proceedings of the 23rd Annual Conference of the European Association for Machine Translation, pp. 171–180. Available at: <https://aclanthology.org/2022.eamt-1.20/> (accessed: 21.11.2023).

Arestova A.A. (2015) Sravnitel'nyy analiz sistem mashinnogo perevoda = Comparative analysis of machine translation systems. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9*. No. 13, pp. 105–109. Available at: <https://yrv.jvolsu.com/attachments/article/340/Arestova.pdf> (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Badulin D.E., Buzhinskiy V.V. (2022) Tipologiya oshibok sistem mashinnogo perevoda = Typology of machine translation system errors. Proceedings of the XXIV All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University (April 05–06, 2022, Nizhnevartovsk). Vol. 7, pp. 76–80. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48570053> (accessed: 21.11.2023) (In Russian)

Belyaeva L.N. (2022) Mashinnyy perevod v sovremennoy tekhnologii protsessa perevoda = Machine translation and modern translation technology. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. No. 203, pp. 22–30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-sovremennoy-tehnologii-protsessa-perevoda/viewer> (accessed: 03.12.2023) (In Russian).

Buzadzhi D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V. (2009) Novyy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok = A new look at the classification of translation errors. Moscow: Vserossiyskiy tsentr perevodov. 120 p. (In Russian).

Daems J., Vandepitte S., Hartsuiker R.J., Macken L. (2017) Identifying the Machine Translation Error Types with the Greatest Impact on Post-editing Effort. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01282/full> (accessed: 21.11.2023).

Fedorova N.Yu. (2020) Tipologiya perevodcheskikh oshibok kak osnova dlya razrabotki metodiki obucheniya perevodu nauchnykh tekstov = Typology of translation errors as a basis for developing methods of teaching translation of scientific texts. Proceedings of the annual All-Russian scientific and practical conference with international participation, pp. 49–55. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42990073> (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Freitag M., Foster G., Grangier D., Ratnakar V., Tan Q., Macherey W. (2021) Experts, Errors, and Context: A Large-Scale Study of Human Evaluation for Machine Translation. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*. vol. 9. pp. 1460–1474. Available at: https://direct.mit.edu/tacl/article/doi/10.1162/tacl_a_00437/108866/Experts-Errors-and-Context-A-Large-Scale-Study-of (accessed: 21.11.2023).

Garbovskiy N.K. (2007) Teoriya perevoda = Translation Theory. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. 544 p. (In Russian).

Goncharov A.A., Buntman N.V., Nuriev V.A. (2019) Oshibki v mashinnom perevode: problemy klassifikatsii = Machine translation errors: problems of classification. *Sistemy i sredstva informatiki*. No. 3, pp. 92–103. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340792802_MACHINE_TRANSLATION_ERRORS_PROBLEMS_OF_CLASSIFICATION (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Gu Tszyun'lin, Khuan Chzhunlyan'. (2016) Sistema klassifikatsii perevodcheskikh oshibok = Towards the problem of classification of translation mistakes. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 26–40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44541285> (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Ivanchenko T.A. (2021) Oshibki v mashinnom perevode s nemetskogo yazyka na russkiy (na materiale statey nemetskoyazychnykh SMI i tekstov ikh perevodov) = Errors in machine translation from german into russian (based on articles of german-language media and their translations). *Uchenye zapiski Sankt-peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki*. No. 4 (76), pp. 30–41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47400297> (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Kirsanova M.A. (2023) Mashinnyy perevod: a nuzhen li perevodchik? = Machine translation: do we need a translator? Proceedings of conference “Foreign language in the professional sphere: pedagogy, linguistics, intercultural communication”. Vol. 1, pp. 84–90. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53761410> (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Kochetkova N.S., Revina E.V. (2017) Osobennosti mashinnogo perevoda = The features of machine translation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 6 (72), part 2, pp. 106–109. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_6-2_30.pdf (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Krasil'nikova V.G. (2021) Analiz kachestva mashinnogo perevoda sistemami Google Translate i Yandeks.Perevodchik (na materiale otryvka iz nauchno-populyarnogo izdaniya po meditsine) = Analysis of the quality of machine translation by Google Translate and Yandex.Translate systems (based on an excerpt from a popular scientific publication on medicine). *Molodoy uchenyy*. No. 23 (365), pp. 492–494. Available at: <https://moluch.ru/archive/365/81991/> (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Krasnova T.I., Vanyushin I.S. (2015) Machine translation error analysis. *Molodoy uchenyy*. No. (89), pp. 124–126. Available at: <https://moluch.ru/archive/89/18290/> (accessed: 21.11.2023).

Lyutkovskaya V.L. (2021) Tipichnye oshibki v mashinnom perevode i optimizatsiya protsessa postredaktirovaniya = Typical errors in machine translation and optimization of the post-editing process. Proceedings of the VI International Scientific and Educational Forum for Young Translators, pp. 55–58. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276847> (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Min'yar-Beloruhev R.K. (1996) Teoriya i metody perevoda = Theory and methods of translation. Moscow: Moskovskiy litsey. 208 p. (In Russian).

Nechaeva N.V., Svetova S.Yu. (2018) Postredaktirovanie mashinnogo perevoda kak aktual'noe napravlenie podgotovki perevodchikov v vuzakh =

Post-editing machine translation as a new activity for teaching translation at universities. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. Vol. 7. No. 25, pp. 64–72. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah/viewer> (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Pavlova O.Yu., Ryabova M.Yu. (2022) Tipologiya oshibok v mashinnom perevode = Proceedings of the International Scientific Conference “Philological science and Education in Kuzbass”, pp. 247–258. Available at: Typology of errors in machine translation (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Perekhod'ko I.V., Myachin D.A. (2017) Otsenka kachestva komp'yuternogo perevoda = Evaluation of the quality of machine translation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 92–96. Available at: http://vestnik.osu.ru/2017_2/18.pdf (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Shamova N.V. (2005) Razgranichenie ponyatiy “ekvivalentnost” i “adekvatnost” v perevode = Differentiation of the concepts of “equivalence” and “adequacy” in translation. *Vestnik MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 2, pp. 171–180. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-ponyatiy-ekvivalentnost-i-adekvatnost-v-perevode/viewer> (accessed: 07.12.2023) (In Russian).

Shevchuk E.V., Nikiforova Zh.A. (2021) Postredaktirovanie i tipichnye oshibki v avtomatizirovannom perevode nauchno-publitsisticheskikh tekstov = Post-editing and typical mistakes in the computer-aided translation of academic, scientific, and journalistic texts. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. Vol. 10. No. 39, pp. 46–54. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-i-tipichnye-oshibki-v-avtomatizirovannom-perevode-nauchno-publitsisticheskikh-tekstov/viewer> (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Shusharina G.A., Petrunina Zh.V. (2021) Sopostavitel'nyy analiz tekstov onlayn-perevodov = Comparative analysis of online translations texts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (450). *Filologicheskie nauki*. Issue 124, pp.185–192. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-tekstov-onlayn-perevodov> (accessed: 21.11.2023) (In Russian).

Shchekina L.E. (2021) Osobennosti onlayn-perevoda s frantsuzskogo yazyka na russkiy (na primere raboty servisa Yandeks-perevodchik) = Features of online translation from French into Russian (using Yandex Translator service). Proceedings of the conference “Research work”, pp. 31–34. Available at: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports> (accessed: 01.12.2023) (In Russian).

Semenov A.L. (2008) Sovremennye informatsionnye tekhnologii i perevod = Modern information technologies and translation. Moscow: Akademiya. 224 p. (In Russian).

Sitdikova F.B., Khisamova V.N., Usmanov T.R. (2019) “Perednyaya chast' pravogo telenka”, ili oshibki mashinnogo perevoda (na osnove analiza avtomaticheskikh subtitrov) = Machine translation errors (on the basis of analysis of automatic subtitles). *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 8. No. (27), part 2, pp. 324–327. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perednyaya-chast-pravogo-telenka-ili-oshibki-mashinnogo-perevoda-na-osnove-analiza-avtomaticheskikh-subtitrov/viewer> (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Terent'eva D.M., Vasil'ev L.G. (2020) K probleme klassifikatsii perevodcheskikh oshibok = Towards the problem of classification of translation mistakes. Vestnik Kaluzhskogo universiteta. No. 3 (48), pp. 56–60. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44541285> (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

Vilar D., Xu J., D'Haro L., Ney H. (2006) Error analysis of statistical machine translation output. Proceedings of the 5th Conference (International) on Language Resources and Evaluation. Italy, Genoa: European Language Resources Association, pp 697–702. Available at: https://pemt.ru/wp-content/uploads/2023/03/Error_analysis_of_statistical_machine_translation_output.pdf (accessed: 20.11.2023).

Voronovich V.V. (2013) Mashinnyy perevod: konspekt lektsiy po spetsial'nosti 'Komp'yuternaya lingvistika, Komp'yuternoe obuchenie yazykam' = Machine translation: lectures on Computational Linguistics, Computer language learning. Minsk: BSU. 39 p. (In Russian).

Wang H., Wu H., He Z., Huang L., Ward Church K. (2022) Progress in Machine Translation. Engineering. Vol. 18, pp. 143–153. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2095809921002745> (accessed: 03.12.2023).

Zaytseva M. A. (2023) O tipologii oshibok gibridnoy sistemy mashinnogo perevoda "Yandeks Perevodchik". Molodoy uchenyy. No. 45 (492), pp. 38–46. Available at: <https://moluch.ru/archive/492/107574/> (accessed: 20.11.2023) (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гребенюк Андрей Владимирович — аспирант кафедры математической лингвистики филологического факультета СПбГУ; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; yax-light@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Andrey V. Grebenyuk — Postgraduate Student at the Department of Mathematical Linguistics, St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya nab., St Petersburg 199034, Russia; yax-light@yandex.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81' 255.2

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-26-40

ОБЗОР ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В XIX ВЕКЕ

Мария Александровна Тетенова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: tetenova.mariia@gmail.com

Аннотация. Данное исследование освещает историю французских переводов произведений Э.А. По, проливая свет на культурные, лингвистические и редакторские факторы, определившие бытование творчества Э.А. По во Франции в XIX веке. В рамках анализа истории переводов текстов Э.А. По мы прибегли к изучению архивных материалов французской прессы, литературной критики, а также комплекса уже существующих исследований по данной теме. Целью исследования являлось создание хронологии публикаций переводов произведений Э.А. По во Франции XIX века, что позволило бы также проиллюстрировать ключевую роль переводчиков в представлении американского писателя на французской, а впоследствии и мировой литературной сцене. Результатом проведённого исследования является создание «летописи» истории переводов текстов Э.А. По во Франции в XIX веке, периоде, в котором сформировалось первоначальное восприятие творчества американского новатора, в значительной мере определившее дальнейшее направление совершенствования переводов его прозаических текстов. Данная статья вносит вклад в наше понимание роли одного из выдающихся американских писателей в литературной жизни Франции, а также динамики развития перевода его текстов и культурного обмена, обеспеченного его творчеством. Статья также подчёркивает адаптивность произведений По, преодолевающих языковые и культурные границы, и обращает внимание на то, какой не-

обыкновенный отклик у читателей во Франции нашло творчество тогда ещё малоизвестного американского писателя Э.А. По.

Ключевые слова: переводоведение, история перевода, Шарль Бодлер, Эдгар Аллан По, стратегия перевода

Для цитирования: Тетенова М.А. Обзор истории перевода произведений Эдгара Аллана По на французский язык в XIX веке // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 2. С. 26–40. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-26-40

Статья поступила в редакцию 22.03.2024;
одобрена после рецензирования 29.06.2024;
принята к публикации 08.07.2024.

A REVIEW OF THE HISTORY OF THE TRANSLATION OF EDGAR ALLAN POE'S WORKS INTO THE FRENCH LANGUAGE IN THE XIX CENTURY

Mariia A. Tetenova

Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: tetenova.mariia@gmail.com

Abstract. The literary legacy of Edgar Allan Poe transcends borders, captivating readers worldwide with his haunting tales of mystery, macabre, and psychological depth. Among the numerous languages into which Poe's works have been translated, the French language occupies a prominent place, reflecting the enduring fascination of French readers with his oeuvre. This paper undertakes a comprehensive examination of the history of French translations of Poe's works made in the 19th century and the special passion French artists had for the American writer. Through a meticulous overview of archival materials, literary criticism, and translation studies, this research illuminates the evolution of French translations of Poe's writings, shedding light on the cultural, linguistic, and editorial factors that have shaped their reception in France. It explores the pivotal role played by translators, such as Charles Baudelaire and Stephan Mallarmé, in introducing Poe to the French literary scene and examines the strategies employed to render his unique style and thematic preoccupations into French. In analyzing the translations, we have drawn on some archival material from the French press, literary criticism, and a body of existing research on the subject. This study considers the ways in which French translators have interpreted and reinterpreted Poe's works in light of changing literary and cultural sensibilities. By tracing the trajectory of French translations of Poe's

works, this paper not only contributes to our understanding of the reception of one of America's foremost literary figures in France but also offers insights into the dynamics of literary translation and cultural exchange. It underscores the enduring relevance and adaptability of Poe's writings across linguistic and cultural boundaries, highlighting the ways in which they continue to resonate with readers in France and beyond.

Keywords: translation studies, history of translation, Charles Baudelaire, Edgar Allan Poe, translation strategy

For citation: Tetenova M.A. (2024) A review of the history of the translation of Edgar Allan Poe's works into the French language in the XIX century. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2. P. 26–40. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-26-40

The article was submitted on March 22, 2024;
after reviewing on June 29, 2024;
accepted for publication on July 08, 2024.

Введение

Эдгар Аллан По, прославившийся своими рассказами о макабрическом и таинственном, является одной из самых влиятельных фигур в американской литературе. Однако его влияние простирается далеко за пределы его родины, проникая в самое сердце французской литературной культуры. Начиная с XIX века, французские переводчики и читатели были очарованы мистическими рассказами По, что привело к рождению множества переводов, отражающих неподдельное увлечение его произведениями во Франции. Данная исследовательская работа посвящена веку зарождения богатой истории французских переводов произведений Э.А. По, изучению эволюции их восприятия и значения в формировании наследия Э.А. По во франкоязычном мире. На основе архивных материалов, литературной критики и научных работ в области переводоведения, филологии и литературоведения данное исследование стремится раскрыть культурные, лингвистические и редакторские факторы, повлиявшие на передачу литературного гения По через языковые и культурные границы. Это исследование призвано осветить динамичное взаимодействие между американской и французской литературными традициями на примере феномена Э.А. По и представить читателю динамичную историю перевода творчества По во Франции, что стало определяющим фактором его писательской судьбы в мировом литературном ландшафте.

Актуальность

Понимание истории французских переводов произведений Эдгара Аллана По имеет важное значение как в академическом, так и в культурном контексте. Во-первых, оно даёт ценное представление о кросс-культурной рецепции и распространении американской литературы во Франции, проливая свет на то, как темы, стиль и литературные инновации По были интерпретированы и адаптированы в рамках французской литературной традиции в XIX веке. Во-вторых, это исследование подчёркивает роль перевода в формировании восприятия литературных текстов в рамках определённой культуры, а также кратко освещает проблемы перевода сложного прозаического и поэтического языка По на французский язык. Кроме того, это исследование вносит вклад в наше понимание динамики литературного обмена и влияния между различными национальными литературными традициями, процесса формирования литературных канонов, исторической эволюции французских переводов произведений По. Наконец, в эпоху, отмеченную ростом глобализации и межкультурных обменов, исследование французских переводов произведений По служит своевременным напоминанием о значении межкультурного диалога и преобразующей силе литературы, преодолевающей языковые и географические границы.

Материалы и методы

В данной научной работе используется дескриптивный подход к изучению истории французских переводов произведений Эдгара Аллана По. Материалы, использованные для данного исследования, включают в себя разнообразные источники, такие как архивные документы, литературная критика, биографические справки и исторические записи. Эти источники дают ценное представление об истории появления переводов произведений По во Франции с XIX века до наших дней и базу для анализа лингвистических, культурных и редакторских аспектов французских переводов текстов По. В основе методологии исследования лежит текстологический метод.

Данное исследование стремится предложить полный исторический обзор переводов творчества Э.А. По на французский язык в XIX веке, что позволит приблизиться к пониманию сложной динамики, определившей бытование произведений По во франкоязычном мире.

Литературный обзор

В течение долгого времени Эдгар Аллан По был известен французской публике в одном, превалирующем над всеми остальными, переводе, — переводе Шарля Бодлера. Нужно отметить, что перевод Бодлера был не первым переводом Э.А. По, как и не был последним. Сам Бодлер впервые встретился с творчеством американского писателя в переводе Изабель Менье: в газете *“La Démocratie pacifique”* 27 января 1848 г. был опубликован короткий рассказ *“Le Chat Noir”* (ориг. англ. *“The Black Cat”*). О впечатлениях французского поэта после знакомства с творчеством Э.А. По вспоминает в своей книге *“Charles Baudelaire: sa vie, son oeuvre”* Шарль Асселино, близкий друг Ш. Бодлера: «После прочтения рассказов он вспыхнул восхищением к этому малоизвестному гению, с которым он совпадал в самых тончайших вопросах. Таких одержимостей: столь совершенных, столь молниеносных, столь абсолютных я встречал немного. Где бы он ни был: на улице, в кафе, в типографии, будь то утром или вечером, — он спрашивал своих собеседников: «Знаете ли вы Эдгара По?» И, в зависимости от ответа, либо с энтузиазмом рассказывал о новом увлечении, либо заваливал вопросами своего собеседника» (перевод наш — М.Т.) (ориг. фр. *“Dès les premières lectures il s'enflamma d'admiration pour ce génie inconnu qui affinait au sien par tant de rapports. J'ai vu peu de possessions aussi complètes, aussi rapides, aussi absolues. A tout venant, où qu'il se trouvât, dans la rue, au café, dans une imprimerie, le matin, le soir, il allait demandant : — Connaissez-vous Edgar Poe ? Et, selon la réponse, il épanchait son enthousiasme, ou pressait de questions son auditeur”* (Asselineau, 1869: 39). Бодлер признаёт это и сам: «Я нашёл американского писателя, которому я сопереживал и с которым ощутил невероятную духовную связь» (перевод наш — М.Т.) (ориг. фр. *“J'ai trouvé un auteur américain qui a excité en moi une incroyable sympathie”*) (Bentabe, 2015: 103). Стоит отметить, что во французском обществе воцарилась своеобразная монополия на чтение Э.А. По именно в переводе Ш. Бодлера, несмотря на существование переводов, выполненных другими, также известными поэтами и писателями: например, переводы Поля Вальери и Стефана Малларме.

Французская публика могла приобщиться к творчеству Э.А. По через сборники его рассказов в переводе Ш. Бодлера: *“Histoires extraordinaires”* (1856), *“Nouvelles Histoires extraordinaires”* (1857) и *“Histoires Grotesques et Sérieuses”* (1864). Они публиковались в издательстве Michel Lévy frères. Впоследствии переводы французского

поэта были оценены настолько высоко, что стали восприниматься как часть *французского* (курсив наш — М.Т.) наследия, а не американского. Такой же «метонимический» перенос произошёл и с авторством текстов: гениальность признавалась в первую очередь за пером Бодлера, и уже следом шло имя Э.А. По. Подтверждением тому явились, например, предисловия Ив-Жерара Ле Дантека, французского поэта и библиотекаря, написанные к издававшимся в серии “La Pléiade” в 1951 году «Произведениям в прозе Эдгара Аллана По» (фр. orig. “Œuvres en prose d’Edgar Allan Poe”): «Хоть данный том и не является частью «Собрания сочинений Бодлера» в “Bibliothèque de la Pléiade”, тексты, которые мы публикуем в рамках этого издания произведений Эдгара Аллана По, являются всё же именно *бодлеровскими* текстами» (курсив наш — М.Т.) (фр. orig. “Bien que ce volume ne fasse pas partie des Œuvres de Baudelaire dans la Bibliothèque de la Pléiade, c’est encore un texte baudelairien que nous donnons ici, en publiant une édition des œuvres d’Edgar Allan Poe”) (Пое, 1951: 7). Другой пример — Жан-Пьер Ногретт, французский писатель и переводчик, который в своём предисловии к изданию Rochothèque (2006) также отмечает, что имя Бодлера идёт впереди имени По: «В издании, вышедшем в Вене, на титульном листе указано: «Шарль Бодлер — переводы — Histoires extraordinaires Эдгара По» (перевод наш — М.Т.) (фр. orig. “une édition parue à Vienne indique en page de titre : ‘Charles Baudelaire — traductions — Histoires extraordinaires par Edgar Poe’) (Пое, 2006: 35).

Таким образом, имя переводчика стоит перед именем автора и как будто является более весомым в данном случае. Успех Бодлера привёл к тому, что По читался именно в его переводах, и новые переводы часто находили мало отклика у публики и не могли равняться с бодлеровским трёхтомником переводов По. Что же касается переводов, которые были сделаны до Бодлера, то они, можно сказать, канули в лету. Так, по мнению Франсуа Галликса, почётного профессора университета Paris IV — Sorbonne, «это не такая уж большая потеря, поскольку было бы очень трудно оправдать их полёт фантазии и недостаточно строгую верность оригинальному тексту» (перевод наш — М.Т.) (фр. orig. “Quant aux autres traductions publiées avant Baudelaire, elles ont été oubliées et on peut peut-être dire que ce n’est pas une très grande perte car il serait bien difficile d’en justifier sans réserves la fantaisie et le manque de rigueur par rapport au texte original”) (Gallix, 2010).

О переводчиках Э.А. По подробно писал Леон Лемоннье, французский писатель и литературный критик, биограф Бодлера. Его

перу принадлежат несколько книг, анализирующих не только Бодлера, но и других переводчиков По, а также самого Э.А. По: «Эдгар По и французские поэты» (перевод наш — М.Т.) (фр. ориг. “Edgar Poe et les poètes français”) (1932), «Влияние Эдгара По на Малларме» (перевод наш — М.Т.) (фр. ориг. “Influence d’Edgar Poe sur Mallarmé”) (1929), «Исследования Бодлера» (фр. ориг. “Enquêtes sur Baudelaire”) (1929), «Влияние Эдгара По на прозу французских символистов и декадентов» (перевод наш — М.Т.) (фр. ориг. “L’Influence d’Edgar Poe sur les conteurs français symbolistes et décadents”) (1933) и др. Его докторская диссертация была посвящена французской критике творчества Эдгара По (фр. ориг. “Edgar Poë et la critique française de 1845 à 1875”), на базе которой впоследствии была написана книга «Переводчики Эдгара По во Франции в 1845–1875 годах: Шарль Бодлер» (перевод наш — М.Т.) (фр. ориг. “Les traducteurs d’Edgar Poe en France de 1845–1875 : Charles Baudelaire”), в которой автор сконцентрировался на изучении личности Бодлера-переводчика.

В своём предисловии к “Nouvelles histoires extraordinaires” (1961) Л. Лемоннье даёт обзор многочисленных переводов данных рассказов до и после Бодлера, а также переводов его современников (Lemonnier, 2011). Именно в этом предисловии он приводит информацию, что первый перевод рассказа Эдгара По был опубликован в августе 1845 года в журнале “Le Magasin Pittoresque”, то есть всего лишь за два года до того, как Бодлер принял решение переводить По. Этим рассказом было «Украденное письмо» (фр. ориг. “La Lettre volée”), которое впоследствии также было переведено и Ш. Бодлером. Имя переводчика, тем не менее, осталось нам неизвестным: не было указано ни имя автора, Э.А. По, ни имя переводчика. Франсуа Галликс даже называет его скорее «адаптатором» за очень вольный перевод оригинального текста — причиной для вольностей, по мнению исследователя, послужило стремление избежать политических склок: именно поэтому действие в переводе было перенесено в 1780 год (в оригинальном тексте происходящие события датируются «18...» годом), и письмо, вместо того чтобы быть украденным у королевы министром, было украдено у принцессы герцогом, место префекта же занял простой секретарь. (Gallix, 2010).

Первым рассказом, который перевёл сам Бодлер, было «Месмерическое откровение» (фр. “Révélation magnétique”) (англ. ориг. “Mesmeric Revelation”). Перевод был опубликован в журнале “La Liberté de penser” 15 июля 1848 г. В том же 1848 году он начал публиковать переводы рассказов в различных журналах. Сборник рас-

сказов “Histoires extraordinaires” в переводе Бодлера был впервые опубликован в 1856 году, в 1857 году был переиздан в издательстве Lévvy, которое также впоследствии опубликовало первое издание сборника “Nouvelles histoires extraordinaires”. Вскоре в печати появились четыре рассказа По в переводе Уильяма Литтл Хьюза: «Преждевременное погребение» (англ. ориг. “The Premature Burial”), «Украденное письмо» (англ. ориг. “The Purloined Letter”), «Человек из толпы» (англ. ориг. “The Man of the Crowd”) и «Сердце-обличитель» (англ. ориг. “The Tell-Tale Heart”). Уильям Литтл Хьюз — литератор, переводчик для издательства Hachette, он также переводил под псевдонимом Уильям О’Горман и работал главным секретарём в отделе иностранной прессы Министерства внутренних дел в Париже с 1857 года и до конца жизни (1877). Таким образом, мы видим, что одновременно с бодлеровскими переводами существовала как минимум ещё одна версия. Помимо этого, нужно отметить, что, например, рассказ «Преждевременные похороны» не был переведён Бодлером, но появился в версии Хьюза в 1857 году.

«Украденное письмо» (англ. ориг. “The Purloined Letter”) впервые появилось в двух анонимных переводах в 1845 и 1847 годах, и уже затем было переведено Бодлером в 1855 году. Этот рассказ впоследствии вошёл в сборник переведённых Бодлером рассказов. Хьюз также опубликовал свой перевод в 1857 году.

Другой пример: перевод рассказа «Человек из толпы» (англ. ориг. “The Man of the Crowd”) был впервые опубликован в журнале “Le Mousquetaire” в 1854 году, и здесь уже Хьюз опередил Бодлера: бодлеровский перевод был опубликован годом позже, в 1855 году. Рассказ «Сердце-обличитель» (англ. ориг. “The Tell-Tale Heart”) впервые появился в переводе Бодлера в 1852 году под заголовком “Le cœur révélateur” и позже вошёл в сборник переводов Бодлера “Nouvelles histoires extraordinaires”. Двумя годами позже, в 1854 году, вышла новая версия с подзаголовком “Plaidoyer d’un fou” («Мольба безумца»), которая впоследствии была изъята из печати. В 1854 году был также опубликован перевод Поля Роже в журнале “Chronique de France”. В том же году Хьюз представил свой перевод.

Согласно подсчётам Бенуа Леже, специалиста по литературе XVIII–XIX веков, до выхода в свет в 1856 году сборника “Histoires extraordinaires” существовало не менее семнадцати переводов рассказов Э. По, если присовокупить к вышеперечисленным текстам другие рассказы, переводы которых появились до бодлеровских. (Léger, 2007) Таким образом, можно смело утверждать, что тексты Э. По переводились во Франции и иными поэтами, писателями

и просто любителями, кроме Бодлера, что гарантировало в некоторой мере осведомлённость публики об американском писателе, а также существование конкурентной среды для последующей оценки переводов Бодлера.

Подход Ш. Бодлера к переводу был отличен от всех остальных тем, что он сознательно отказался от каких бы то ни было существенных отступлений от исходного текста. Свою стратегию он сформулировал ещё в 1848 году в «Представлении «Месмерического откровения» (перевод наш — М.Т.) (фр. ориг. *Présentation de «Révélation magique»*): «Произведение Эдгара По, которое мы сейчас прочтём, временами чрезмерно неубедительно в своей логике, временами непонятно, а временами необычайно дерзко. Вы должны принять его на веру и переварить таким, какое оно есть. Прежде всего, нужно придерживаться буквального текста. Некоторые вещи стали бы гораздо менее понятными, если бы я захотел перефразировать автора, а не рабски следовать букве. Я предпочёл обойтись трудным и порой даже барочным французским и передать всю правду философской техники Эдгара По» (перевод наш — М.Т.) (ориг. фр. *Le morceau d'Edgar Poe qu'on va lire est d'un raisonnement excessivement ténu parfois, d'autres fois obscur et de temps en temps singulièrement audacieux. Il faut en prendre son parti, et digérer la chose telle qu'elle est. Il faut surtout bien s'attacher à suivre le texte littéral. Certaines choses seraient devenues bien autrement obscures, si j'avais voulu paraphraser mon auteur, au lieu de me tenir servilement attaché à la lettre. J'ai préféré faire du français pénible et parfois baroque, et donner dans toute sa vérité la technie philosophique d'Edgar Poe*) (Baudelaire, 1976: 248).

Бенуа Леже сравнивает аргументацию и стратегию Бодлера с подходом Шатобриана при переводе «Потерянного рая» Джона Мильтона (ориг. англ. *“Paradise Lost”*), которую он приводит в «Замечаниях» перед основным текстом: «Я ни в коем случае не претендую на то, чтобы сделать понятными описания, заимствованные из «Апокалипсиса» или из текстов пророков. Чтобы представить ясный смысл этих описаний, пришлось бы убрать половину из них: я же выразил целое путём строгого перевода слово в слово <...>» (Milton, 1861). Таким образом, Бодлер, как и Шатобриан, придерживается позиции, что не следует делать выбор в пользу той или иной интерпретации или того или иного толкования, когда значение не очевидно; лучшим решением будет выбор в пользу сохранения оригинального текста со всей его неоднозначностью, запутанностью, ибо именно такая стратегия сохранит вариативность смыслов и

толкований и пространство для интерпретации текста читателем. Текст, получающийся вследствие сохранения верности такой стратегии, как и следовало бы ожидать, не всегда гладко ложится на бумагу, и Шатобриан говорит об этом в тех же «Замечаниях»: «Я перевёл поэму Мильтона, словно через кальку; я не побоялся менять и управление французских глаголов. Если я бы поставил себе цель звучать исключительно по-французски, оригинал стал бы выглядеть не таким точным, не таким необыкновенным, не таким ярким» (Milton, 1861). Ставя перед собой цель несколько не отступать от оригинала, переводчики сталкиваются с грамматическими, синтаксическими и другими проблемами, которые заставляют их «нарушать правила» языка: он могут быть связаны с употребительностью тех или иных выражений, управлением глаголов и других частей речи, сочетаемостью лексических единиц и многим другим. Именно решение переводчика оставаться во что бы то ни стало на стороне автора и его текста «отдаляют» переводимый текст от читателя, заставляя того «спотыкаться» о слова и перечитывать текст, который порой может казаться неестественным или даже неживым из-за нарушения норм узуса.

Такой подход не мог избрать Стефан Малларме, французский поэт и переводчик. В 1860 году он прочёл переводы текстов По, сделанные Ш. Бодлером. К тому моменту Бодлер перевёл свои почти все рассказы Э. По: в период 1856–1858 годов он перевёл рассказы, написанные в 1832–1845 годах и опубликовал их в сборнике “*Histoires extraordinaires*”, затем он объединил переводы рассказов, написанных в 1835–1845 годах, в сборник “*Nouvelles histoires extraordinaires*”. Рассказы, написанные в 1837–1849 годах, вышли в сборнике переводов “*Histoires grotesques et sérieuses*”, а рассказы 1838 года были опубликованы в сборнике “*Aventures d’Arthur Gordon Pym*”. Таким образом, у Малларме был доступ ко всему корпусу бодлеровских переводов. Тем не менее, стихи Э.А. По остались практически нетронутыми Бодлером, поэтому Малларме остановился именно на них. Первые проекты по публикации переводов относятся к 1862 году, но до самой публикации пройдёт ещё десять лет: с июня по октябрь 1872 года в пяти номерах журнала Эмиля Блемона “*La revue littéraire et artistique*” появились переводы восьми стихотворений (Galli, 2012).

В 1875 году в издательстве Р. Леклида вышла брошюра с переводом стихотворения Э. По “*The Raven*” — “*Le corbeau*” с иллюстрациями Эдуара Мане. Сборник вышел в 240 экземплярах с автографами художника и переводчика. Тем не менее, известные имена авторов

не принесли коммерческого успеха из-за формата серии, где на одну брошюру приходилось всего одно стихотворение. Как следствие, проект был закрыт после первого выпуска.

В августе 1876 года в издательстве “La république des lettres” Катьюля Мендеса начала публиковаться серия переводов С. Малларме из восьми стихотворений, включая пять ранее не публиковавшихся. Последний стих из этой серии был опубликован в марте 1877 года. В следующем, 1888 году, бельгийское издательство “Deman” собирает все существующие перевода Малларме в один сборник и издаёт его с уже существующими иллюстрациями Э. Мане, — на момент выхода издания в свет художника уже нет в живых, и именно ему и посвящается этот сборник.

Малларме, находящийся «меж» двух великих писателей, смог не только приобщиться к гениальным переводам Бодлера, целью которого была популяризация американского автора, но и обучиться: так, в 1885 году в переписке с Полем Верленом он отмечает, что он выучил английский язык, только лишь чтобы лучше понимать По (перевод наш — М.Т.) (ориг. фр. “pour mieux lire Poe”) (Mallarmé, 1998: 788). То были не единственные письма, в которых Малларме говорит о По: в письме к Анри Казалису Малларме с чувством говорит о том, как он хотел бы в полной мере принять и адаптировать принципы По в искусстве: «Чем дальше, тем вернее я буду следовать строгим идеям, завещанным мне моим великим мастером Эдгаром По. Потрясающая поэма «Ворон» была создана именно согласно этим принципам. И душа читателя наслаждается ею так, как хотел поэт» (перевод наш — М.Т.) (фр. orig. Plus j’irai, plus je serai fidèle à ces sévères idées que m’a léguées mon grand maître Edgar Poë. Le poème inouï du “Corbeau” a été ainsi fait. Et l’âme du lecteur jouit absolument comme le poète a voulu qu’elle jouît) (Mallarmé, 1998: 653).

В 1889 году издатель Леон Ванье публикует ещё один сборник переводов Малларме, и это первое издание собственных переводов Э.А. По Малларме посвятил Бодлеру, творчество которого, по его мнению, он в какой-то мере продлевал этим переводом. Так, в ответ на просьбу своего друга и писателя Филиппа-Огюста-Матисаса де Вилье де Лиль-Адана Вильерса, который также увлекался творчеством По и попросил Малларме перевести несколько его стихотворений в 1867 году, он согласился со словами, что «берётся за этот труд, как если бы это было завещание Бодлера» (Mallarmé, 1998: 725).

Таким образом, контекст создания переводов Малларме значительно отличается от ситуации Бодлера, когда не существова-

ло общепризнанного перевода произведений По и творчество американского автора в принципе не было особо известно французской публике. Ситуация Малларме складывается из трёх составляемых, где между ним и По стоит Бодлер, создавший перевод, получивший всеобщее признание. Однако, Бодлер является для Малларме не соперником, которого ему нужно одолеть, а частью этого особого треугольника, в котором есть не только восхищение и вдохновение, но и поэтический вызов и связь между мирами.

Результаты

Изучение французских переводов произведений Эдгара Аллана По, выполненных Шарлем Бодлером и Стефаном Малларме, позволяет выделить ключевую роль этих влиятельных поэтов на восприятие и интерпретацию произведений По во Франции. Менее известные переводчики и издатели сыграли важную роль в распространении переводов, что позволило Бодлеру узнать о таком американском авторе, как По, а Малларме — иметь доступ ко всем переводам Бодлера, что впоследствии привело его к особому душевному состоянию, в котором он работал под поэзией По. Новаторские переводы Бодлера и его критические эссе сыграли решающую роль в представлении По на французской литературной сцене и формировании его образа как провидца и непонятого гения. Подход Бодлера к переводу, характеризующийся его готовностью адаптировать стиль и темы По в соответствии с французской литературной традицией, сохраняя при этом суть оригинальных текстов, заложил основу для последующих французских интерпретаций произведений По, а также для неустанных дискуссий об успешности такого буквального перевода. Аналогичным образом, переводы Малларме, хотя и менее обширные, чем у Бодлера, отражают его глубокое восхищение поэтическим мастерством По и стремление передать музыкальность и неоднозначность языка По на французском языке. Своими переводами Бодлер и Малларме способствовали росту популярности произведений По во Франции и проложили путь для будущих поколений французских читателей и писателей к знакомству с призрачным и загадочным творчеством По.

Заключение

В заключение следует отметить, что изучение истории французских переводов произведений Эдгара Аллана По в XIX веке позволяет осознать богатство литературного обмена и культурного диалога

между США и Францией. Данное исследование позволило выявить многогранную природу восприятия творчества и личности Э. По во Франции в поворотный для искусства XIX века период, представить базу для появления новых переводов творчества американского автора, развития принципов творчества, предложенных По, преломлённых в рамках французской культуры. От новаторских усилий таких переводчиков, как Шарль Бодлер и Стефан Малларме, до культурного резонанса тем, поднятых в произведениях По, во французской литературе — исследование подчёркивает непреходящее увлечение произведениями По среди французских читателей и учёных. Более того, оно подчёркивает ключевую роль, которую играет перевод в посредничестве межкультурных контактов и формировании восприятия американской литературы во Франции. По мере того как мы преодолеваем сложности литературного обмена во всё более взаимосвязанном мире, выводы, сделанные на основе истории французских переводов произведений По, служат свидетельством необыкновенной силы литературы преодолевать языковые и культурные границы, обогащая наше понимание как прошлого, так и настоящего.

Список литературы

Asselineau C. (1869) *Baudelaire, sa vie et son œuvre*. Paris: Alphonse Lemerre. (режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1057592p/f11.item>)

Asselineau C. (1967) *Bibliographie Romantique*. Genève: Slatkine Reprints.

Baudelaire C. (1948) *Correspondance Générale* / Ed. by Jacques Crépet, Paris, Conard, IV.

Baudelaire C. (2004) *Journaux intimes* / Ed. by Ebooks libres et gratuits: Ebooks libres et gratuits (режим доступа: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/13792/pg13792.html>)

Baudelaire C. (1868) *Les Fleurs du mal*. Paris: Michel Lévy frères.

Baudelaire C. (1932) *Mon cœur mis à nu* / in « Histoire des Histoires extraordinaires », Paris: Conard.

Baudelaire C. (1976) *Œuvres complètes* (texte établi, présenté et annoté par Claude Pichois), Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade ».

Bentabet F. (2015) *Baudelaire, traducteur d' Edgar Poe*. (режим доступа: <http://dspace.univ-tlemcen.dz/bitstream/112/8671/1/bentabet-fafa.pdf>)

Galli, P. (2012) *De Poe à Mallarmé, de Mallarmé à Poe : traduction, édition, création*. TTR, 25(2), 143–165. <https://doi.org/10.7202/1018806ar>

Gallix F. (2010) *Les traducteurs des histoires d'Edgar Allan Poe* // Loxias. No. 28. (режим доступа: <http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=5992>)

Lemonnier L. (2011) Edgar Poe et la Critique Française de 1845 à 1875. (1828): Les traducteurs d'Edgar Poe en France de 1845 à 1875 : Charles Baudelaire. Paris: Slatkine Reprint.

Mallarmé S. (1998) Oeuvres complètes I. Paris, Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.

Poe Edgar Allan. (1951) Œuvres en prose. Texte établi et annoté par Y.-G. Le Dantec. Paris: Gallimard. Coll. La Pléiade.

Poe Edgar Allan. (2006) Histoires, Essais et poèmes. Ed. Naugrette, Jean-Pierre, Paris, Le Livre de Poche, La Pochothèque.

References

Asselineau C. (1869) Baudelaire, sa vie et son œuvre. Paris: Alphonse Lemerre. (available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1057592p/f11.item>)

Asselineau C. (1967) Bibliographie Romantique. Genève: Slatkine Reprints, 1967.

Baudelaire C. (1948) Correspondance Générale, ed. by Jacques Crépét, Paris, Conard, IV.

Baudelaire C. (2004) Journaux intimes, ed. by Ebooks libres et gratuits: Ebooks libres et gratuits. (available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/13792/pg13792.html>)

Baudelaire C. (1868) Les Fleurs du mal. Paris: Michel Lévy frères.

Baudelaire C. (1932) Mon coeur mis à nu, in « Histoire des Histoires extraordinaires », Paris: Conard.

Baudelaire C. (1976) Œuvres complètes (texte établi, présenté et annoté par Claude Pichois), Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade ».

Bentabet F. (2015) Baudelaire, traducteur d' Edgar Poe. (available at: <http://dSPACE.univ-tlemcen.dz/bitstream/112/8671/1/bentabet-fafa.pdf>)

Galli P. (2012) De Poe à Mallarmé, de Mallarmé à Poe : traduction, édition, création. 2012. TTR, 25(2), 143–165. <https://doi.org/10.7202/1018806ar>

Gallix F. (2010) Les traducteurs des histoires d'Edgar Allan Poe, Loxias. 2010. No. 28. (available at: <http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=5992>)

Lemonnier L. (2011) Edgar Poe et la Critique Française de 1845 à 1875. (1828): Les traducteurs d'Edgar Poe en France de 1845 à 1875 : Charles Baudelaire. Paris: Slatkine Reprint.

Mallarmé S. (1998) Oeuvres complètes I. Paris, Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.

Poe Edgar Allan. (1951) Œuvres en prose. Texte établi et annoté par Y.-G. Le Dantec. Paris: Gallimard. Coll. La Pléiade.

Poe Edgar Allan. (2006) Histoires, Essais et poèmes. Ed. Naugrette, Jean-Pierre, Paris, Le Livre de Poche, La Pochothèque.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тетендова Мария Александровна — аспирант Высшей школы перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1-й учебный корпус, комната 1150, (11-й этаж); tetenova.mariia@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Tetenova Mariia A. — Lomonosov Moscow State University, faculty of Higher School of Translation and Interpreting, Russia, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, GSP-2, 1st academic building, room 1150, (11th floor); tetenova.mariia@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-41-59

КУЛЬТУРНОЕ ИСКАЖЕНИЕ И СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРНОГО ФАКСИМИЛЕ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ван Юе, Ван Пинъюань

Институт иностранных языков Бэйханского университета, г. Пекин, Китай

Для контактов: yr20092011@163.com; w17791641862@163.com

Аннотация. Культурное искажение всегда было актуальной темой в области межкультурной коммуникации; научное сообщество посвятило этому множество соответствующих работ и исследований. Однако, что касается русско-китайской культурной коммуникации и, в частности, перевода с китайского языка на русский, в этой сфере по-прежнему наблюдается недостаток литературы, посвящённой культурным искажениям и стратегиям культурного факсимиле. В данной статье приведён систематизированный анализ двух конкретных проявлений культурного искажения при переводе с китайского языка на русский. Материалом для анализа послужили переводы таких известных китайских романов, как «Речные заводы», «Сон в Красном тереме» и «Осаждённая крепость». Данная статья поясняет причины возникновения этих явлений культурных искажений и выдвигает принцип отказа от «одомашнивания» культуры, которым должны руководствоваться переводчики. Статья использует методы буквального перевода, буквального перевода с примечаниями и транслитерации с примечаниями и представляет справочную ценность для развития культурных обменов между российским и китайским народами.

Ключевые слова: культурное искажение, культурное факсимиле, перевод с китайского языка на русский, доместикация, форенизация

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Центра языкового сотрудничества и образования Министерства образования КНР № 22YH32B «Исследование модели подготовки высококвалифицированных русско-китайских переводчиков и стратегий её реализации».

Для цитирования: Ван Юе, Ван Пиньюань. Культурное искажение и стратегии культурного факсимиле в процессе перевода с китайского языка на русский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 2. С. 41–59. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-41-59

Статья поступила в редакцию 11.03.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024;
принята к публикации 01.06.2024.

CULTURAL DISTORTION AND STRATEGIES FOR CULTURAL FACSIMILE IN THE PROCESS OF TRANSLATION FROM CHINESE INTO RUSSIAN

Wang Yue, Wang Pinyuan

School of Foreign Languages, Beihang University, Beijing, China

For contacts: yp20092011@163.com; w17791641862@163.com

Abstract. The distortion of culture is an inevitable issue in the field of cross-cultural communication, and the use of suitable translation strategies can enhance the degree of cultural facsimile to some extent. However, there is still a lack of literature on strategies for addressing cultural distortion and promoting cultural facsimile in the context of Chinese-Russian cultural communication, particularly in the field of translation from Chinese into Russian. This article aims to study two common manifestations of cultural distortion and explore the reasons behind them, and based on this, discuss strategies for achieving cultural facsimile. The article points out two specific manifestations of cultural distortion: 1) a certain referent is well known in culture A, but completely unknown to culture B; 2) a certain referent exists in both nations, but the cultural connotations of this referent do not coincide. A more detailed description of the two cultural distortion manifestations is also given in certain sentences from Chinese literature such as “A Dream in Red Mansions”, “Outlaws of the Marsh”, “Fortress Besieged” and their Russian translations. By analyzing and summarizing the causes of cultural distortion, this article advocates that translators should follow the “culture should not be domesticated” principle when translating. Under this principle, the article proposes translation methods such as direct translation,

© Wang Yue, Wang Pinyuan, 2024

direct translation with annotations, and phonetic translation with annotations, which are of reference value for promoting cultural exchanges between the Chinese and Russian peoples.

Keywords: cultural distortion, cultural facsimile, translation from Chinese into Russian, domestication, foreignization

Acknowledgement: This article was funded by the grant of the Center for Language Education and Cooperation of the Ministry of Education of the People's Republic of China: "Research on the model of training highly qualified Russian-Chinese translators and strategies for its implementation". Funding Number: № 22YH32B.

For citation: Wang Yue, Wang Pinyuan. (2024) Cultural distortion and strategies for cultural facsimile in the process of translation from Chinese into Russian. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 41–59. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-41-59

The article was received on March 11, 2024;
approved after reviewing received on May 20, 2024;
accepted for publication on June 01, 2024.

1. Введение

Культурные обмены как неотъемлемая часть глобализации играют ключевую роль в культурной диверсификации мира и укреплении взаимопонимания и взаимодействия цивилизаций. Будучи важным средством культурных обменов, перевод в процессе распространения культуры имеет непреложное значение. Однако ввиду глубоких различий в языковых привычках, образе жизни, ценностях и других аспектах среди народов в процессе перевода неизбежны изменения или даже потери некоторых культурных коннотаций, т.е. проявления культурного искажения.

Культурные искажения представляют актуальную проблему для области межкультурной коммуникации и привлекают большое внимание научного сообщества. Доступная на сегодняшний день литература по англо-китайской культурной коммуникации приводит исследования культурных искажений и стратегий культурного факсимиле при передаче народных нравов и обычаев и переводе идиом и товарных знаков, а также демонстрирует феномен культурного искажения на примере перевода конкретных произведений. Что касается имеющейся литературы в области русско-китайской культурной коммуникации, основное внимание в

ней уделяется стратегиям перевода русско-китайских культурно нагруженных слов. В настоящее время исследования, посвящённые культурным искажениям и стратегиям культурного факсимиле в процессе перевода с китайского языка на русский, довольно ограничены.

Данная статья приводит систематизированный анализ двух конкретных проявлений культурного искажения в процессе перевода с китайского языка на русский, объясняет причины их возникновения и предлагает стратегию культурного факсимиле на основе форенизации и доместикации в переводе. Статья представляет определённую справочную ценность для дальнейшего развития китайско-российских культурных обменов и укрепления взаимопонимания между народами.

2. Конкретные проявления культурного искажения

Культурное искажение при переводе не только не позволяет читателям переводного языка понимать определённые культурные коннотации, содержащиеся в исходном языке, но даже приводит к полному непониманию ими культуры исходного языка. Ниже описаны два конкретных проявления культурного искажения.

2.1. Определённый референт хорошо известен в культуре А, но абсолютно неизвестен культуре Б

Национальная культура формируется на основе различных факторов, таких как уникальный исторический фон, географическая среда, социальная система, ценности, традиции и обычаи. В таких условиях вполне возможно, что определённый референт, широко известный в культуре одного народа, может быть непонятен или совершенно неизвестен в культуре другого. Такое несоответствие может возникать в двух конкретных случаях.

(1) В языке культуры Б обнаруживаются сигнификаты, имеющие родственные отношения с данным референтом.

Такое явление встречается нечасто, и в данной статье в качестве примеров рассмотрены система наименований членов семьи и поэтический стиль.

а. Система наименований членов семьи.

Понятию «семья» в Китае придавали большое значение с древних времён, причём акцент делался на продолжение рода и наследование крови, и материнское родство уступало по важности отцовскому. В русской культуре, между тем, родство по материнской

и отцовской линии не отличалось по значимости. В этой связи сформировавшаяся китайская система наименований членов семьи является более детальной, а русская — более общей.

Сравнивая наименования родственников в русском и китайском языках, можно заметить, что, несмотря на сложность и детальность китайской системы, в русском языке всегда можно найти понятие, имеющее отношения включения с китайским обозначением. Например, китайские наименования 伯父, 叔父, 舅舅, 姑父, 姨夫 в русском языке обозначаются одним словом — «дядя», а 堂兄, 堂弟, 表哥, 表弟 — словосочетанием «двоюродный брат». Таким образом, при переводе на русский язык китайскоязычного материала, содержащего наименования родственников, неизбежно возникают культурные искажения. Это следует из примера 1.

Пример 1

当下贾母——指与黛玉：“这是你大舅母，这是你二舅母，这是你先珠大哥的媳妇珠大嫂子。” (Цао Сюэцинь, 2006: 15).

Наконец, Дай-юй поклонилась бабушке, и та стала знакомить её с родными.

— Это твоя **старшая тётя**, — сказала она. — Это — **вторая тётя**. А вот жена твоего покойного старшего двоюродного брата — госпожа Цзя Чжу. (Панасюк, 1958: 53).

В примере 1 «大舅母» и «二舅母» переведены как «старшая тётя» и «вторая тётя» соответственно. Несмотря на то, что такой перевод довольно точно отражает родство Линь Дайюй по отношению к этим двум женщинам, он вводит в заблуждение русскоязычного читателя и препятствует пониманию им культурных коннотаций, стоящих за богатством наименований родственных связей в китайском языке.

6. Поэтический стиль.

За долгие тысячелетия Китай сформировал уникальную и выдающуюся традиционную культуру, в которой возникло понятие 诗词歌曲赋 (ши цы гэ цюй фу), служащее в широком смысле общим названием традиционной китайской литературы. 诗词歌曲赋 подразумевает пять жанров стихотворных произведений в китайском языке, но в сознании русского человека, не обладающего глубокими знаниями о китайской культуре и литературе, разделение понятий ши, цы, гэ, цюй и фу отсутствует, и при переводе любой жанр поэтического текста трактуется общим понятием «стих». Очевидно, что при переводе на русский язык китайского содержания, связан-

ного с концепцией «ши цы гэ цюй фу», искажения китайской культуры в определённой степени неизбежны.

(2) В языке культуры Б не обнаруживаются сигнификаты, которые имеют родственные отношения с референтом.

Это явление довольно распространено в русской и китайской культурах. Его примеры приведены в рассмотренных ниже шести случаях.

а. Самоуничижительная и гонорифическая лексика в древнекитайском языке.

С древнейших времён Китай был краем вежливости и этикета, и традиционная китайская культура требовала от людей как можно больше принижать себя и возвышать других в общении, чтобы таким образом продемонстрировать скромность, уважение и вежливость. На этом фоне в древнекитайском языке сформировался большой объём самоуничижительной и гонорифической лексики. Самоуничижительная лексика — это слова, выражающие уважение к другим людям (например, 令尊, 惠存, 赐教, 高见, 奉劝) и т.д.; гонорифическая лексика — это слова, используемые для выражения собственного смирения (например, 家父, 舍弟, 愚兄, 拙作, 鄙人, 寒舍) и т.п. Эти понятия полностью отсутствуют в русской культуре, и в русском языке не обнаруживается ни одного сигнификата, имеющего родственные отношения с ними. Переводчикам трудно воспроизвести на русский язык культурные коннотации, заложенные в этих особых китайских словах и выражениях, что лишает русского читателя возможности соприкоснуться с этой частью китайской культуры и приводит к культурному искажению.

б. Персонажи народного творчества.

У каждого народа есть свои уникальные мифы и легенды, персонажи которых стали культурными константами, хранителями национальной памяти. В китайской культуре к ним относят, например, мифических персонажей Чанъэ и Хоуи; примерами подобных персонажей в русской культуре служат сказочные герои Кощей Бессмертный и Баба Яга.

Если русские и китайцы не знакомы с культурой друг друга, они не могут знать об этих специфических культурных образах и не смогут понять смысл появления этих персонажей в тексте. Это представляет собой одну из причин возникновения культурных искажений при переводе с китайского языка на русский, как следует из примера 2.

Пример 2

这个卖酒的是此间揭阳岭人，只靠做私商道路，人尽呼他做催命判官李立。(Ши Найань, 2020: 475).

А вот это хозяин кабачка. Он здешний человек, живёт в Цзэянлине, занимается кое-какой торговлей. Народ дал ему прозвище Ли Ли «Каратель» (Рогачёв, 1959: 47).

В примере 2 использован персонаж 判官, который в древнекитайской мифологии означает чиновника, отвечающего за Книгу жизни и смерти в преисподней. Китайские читатели ассоциируют слово 判官 с ужасающей картиной загробного мира, а слово «催命» перед 判官 даёт им большее понимание особенностей характера Ли Ли. В русском тексте «催命判官» переведено как «каратель», что хотя в некоторой степени и восстанавливает образ этого мифологического персонажа, но всё же не согласуется со смыслом оригинала. Таким образом, русский читатель воспринимает это предложение иначе, чем китайский, и не получает представления о Судье загробного мира — культурном образе, возникшем из китайской мифологии, что, безусловно, являет собой культурное искажение.

с. Специфические праздники.

Праздники — это отражение ценностей, традиций, обычаев, религиозных верований и исторического наследия, характерных для определённой национальной культуры. У каждого народа есть свои уникальные традиционные праздники, сформированные в ходе долгой истории и на основе самобытной культуры. Например, в Китае есть такие традиционные праздники, как Чуньцзе, Юаньсяо, Дуанью, Цисицзе и т.д. В России традиционно отмечают Масленицу, Пасху, а также празднуют День Победы и День защитника Отечества.

Китайцы, не знакомые с русской культурой, едва ли слышали о Масленице, а русские, не имеющие знакомства с китайской культурой, не знают о празднике Цисицзе. В ходе своей работы переводчик может передать поверхностный смысл того или иного праздника, но не может в полной мере продемонстрировать его культурную значимость для народа. Это явление очевидно в примере 3:

Пример 3

夏天智又从街上买回了几把马勺，一边走过来，一边唱：“人得瑰宝精神爽，月到中秋分外光”。(Цзя Пинва, 2014:175)

*Он возвращался домой, купив черпаки, и по дороге пел: «Человек, приобретя сокровище, радуется необыкновенно. Луна в **середине осени** светит необычайно» (Коробова, 2017: 265).*

中秋 — праздник Чжунцю, отмечается в 15-й день восьмого месяца по лунному календарю. Чжунцю приходится на середину осени, поэтому на русском языке его так и называют — праздник Середины осени. В примере 3 сочетание иероглифов «中秋» означает скорее не период (середина осени), а именно праздник Середины осени. Перевод «середина осени» раскрывает для русскоязычных читателей буквальный смысл оригинального текста, но не отражает культурные коннотации, заключённые в особом смысле праздника Середины осени в китайской культуре. В Китае праздник Середины осени символизирует воссоединение семьи. В этот день, собравшись в кругу семьи, люди любуются луной на вечернем небе. Китайцы считают, что в этот день светит самая полная и яркая луна.

д. Традиционная одежда.

Традиционная одежда представляет большую ценность для материальной культуры. Она содержит в себе уникальные эстетические представления и отражает образ жизни народа. Традиционная одежда играет важную роль в наследовании и развитии национальных культур. Среди традиционных китайских нарядов можно выделить ханьфу, костюм чжуншанфу, ципао, сюэхэ и т.д., среди русских — сарафан, рубаха, салоп, зипун и т.д. Все эти наряды наделены богатой культурной коннотацией, и при переводе их названий всегда неизбежны культурные искажения. Это можно заметить в примере 4.

Пример 4

虎妞穿着红袄, 脸上抹着白粉与胭脂, 眼睛溜着他。 (Лао Шэ, 2021: 152)

Хуню в красной куртке, напудренная и нарумяненная, не сводила с него глаз (Молчановая, 1981: 122).

В примере 4 наряд 袄, который носит Хуню — это традиционная китайская одежда, обычно состоящая из двух слоёв ткани, набитых посередине хлопком и другими тёплыми материалами для защиты от холода. Переводчик использовал слово «куртка» для передачи 袄, что в определённой степени описывает наряд Хуню, однако между курткой и традиционной одеждой 袄 есть определённая разница, которую русскоязычные читатели не смогут уловить через перевод.

Помимо упомянутых выше примеров существует множество других референтных объектов, которые могут быть хорошо известны народу одной из стран — Китая или России, но незнакомы

или недостаточно знакомы народу другой страны. Это могут быть специфические блюда или обычаи, особенности общественного режима или системы и т.д.

2.2. Определённый референт существует у обоих народов, но культурные коннотации этого референта не совпадают

Несмотря на существование между культурами народов ряда различий, обусловленных многими факторами, тот факт, что мир един для всех народов, неизбежно свидетельствует о наличии неких общих для культур референтов. Эти общие для культур референты могут быть одинаковыми во всех отношениях, а могут иметь определённую степень различия в своих культурных коннотациях. Коннотационные различия референтов можно условно разделить на две группы.

а. Референт имеет дополнительное значение в культуре народа А, которое отсутствует в культуре народа Б.

Данное явление связано с культурными и психологическими особенностями каждого народа. Например, китайская культура всегда уделяет внимание подтексту и эвфемизмам, она склонна к использованию метафор и переносу значений для выражения скрытых смыслов, в то время как русская культура более открыта и непосредственна. На этом фоне многие вещи, общие для русского и китайского народов, в культуре Китая наделяются более глубокими дополнительными смыслами. В качестве примера можно привести такие растения, как слива, орхидея, бамбук и хризантема, которые встречаются как в Китае, так и в России.

Для русских эти четыре растения представляют собой всего лишь растения как таковые. Они редко упоминаются в литературе и практически не имеют каких-либо глубоких культурных коннотаций. В китайской же культуре слива, орхидея, бамбук и хризантема символизируют доброту и нравственность и являются наиболее распространёнными сюжетами в творчестве поэтов и художников. В этой связи при переводе некоторых китайских произведений, в сюжетах которых фигурируют слива, орхидея, бамбук или хризантема, переводчики неизбежно сталкиваются с трудностями: несмотря на то, что они могут точно перевести названия, они не способны передать глубокий культурный смысл, заложенный в этих названиях. Например, в сборнике «Новое изложение рассказов в свете ходящих» есть следующее предложение: «宁为兰摧玉折, 不作萧敷艾荣», перевод которого: «Лучше быть сломанным, как орхи-

дея, и разбитым, как нефрит, чем процветать, как трава и полынь». Слово «» (орхидея) в оригинале подразумевает сильную волю и высокую принципиальность, что едва ли отражено в переводе.

б. Референт имеет дополнительное значение в культурах обоих народов, однако его стилистический окрас полностью противоположный.

Учитывая множество факторов, которые оказали влияние на формирование русской и китайской культур, такое явление, как стилистический контраст, не вызывает особого удивления. Для примера можно рассмотреть значение того или иного цвета, играющего важную роль в национальной культуре.

Цвет — это культурный символ, который в той или иной степени отражает традиционную культуру и менталитет народа. Разные народы имеют разные представления о цвете. Например, белый цвет имеет совершенно разные культурные коннотации в китайской и русской культурах. В китайской культуре белый цвет считается зловещим и часто ассоциируется со смертью, похоронами и дурными предзнаменованиями. Белый — это основной цвет в традиционной китайской похоронной культуре: родственники умершего часто надевают белую погребальную одежду, похоронный зал оформляется преимущественно в белом цвете. Похороны в китайском языке называют 白事 — «белые дела». Кроме того, белый цвет в Китае ассоциируется с отрицательными качествами, например, с предательством, поэтому в традиционной китайской опере маска коварного чиновника белая. В русской культуре белый цвет пользуется большим уважением; он наделён рядом положительных значений и символизирует чистоту, красоту, правду, святость. Первый цвет российского флага — белый. Кроме того, белый цвет ассоциируется у россиян с красивыми девушками и искренней любовью, поэтому женские свадебные наряды чаще всего белого цвета. Много белого также присутствует в оформлении свадебных банкетов. С течением времени значение белого цвета как в китайской, так и в русской культуре претерпевает изменения. К нему добавляются положительные и отрицательные культурные коннотации, но он по-прежнему сохраняет свою первоначальную оценочную окраску в цветовой концепции различных этнических групп.

Различия в символических значениях цветов в китайской и русской культурах могут вызвать у читателей трудности понимания содержания текста на языке перевода. Например, в произведении китайского писателя Мо Яня «Устал рождаться и умирать» есть

следующее предложение: «这屯中有一个恶霸地主西门闹, 遗下个杂种白眼狼», переведённое как «В этой деревне был один помещик-злодей Симень Нао, оставивший после себя бесчувственного и неблагодарного сына». Выражение «白眼狼» буквально переводится как «белоглазый волк», однако если использовать такой перевод, то русскоязычные читатели могут увидеть в нём комплимент. Перевод «бесчувственный и неблагодарный», несмотря на негативный смысл, всё же не передаёт отрицательную коннотацию белого цвета в китайской культуре.

3. Основные причины культурного искажения

Принято считать, что перевод — это межъязыковая и межкультурная деятельность, важнейшую роль в которой играет переводчик, поэтому культурные искажения, возникающие в процессе перевода, иногда в определённой степени связаны с ограниченными знаниями переводчика. Квалифицированный переводчик должен хорошо разбираться в культуре страны исходного языка. Это служит предпосылкой качественного перевода. В противном случае нехватка знаний и недостаточное понимание культурных коннотаций приводит к искажённому культурному восприятию. Например, в китайской культуре сорока символизирует хорошие новости, а в русской сорокой называют человека, который любит сплетничать. Если переводчик не понимает различий между значениями сороки в двух культурах, он может исказить первоначальный авторский замысел и дать читателям ошибочное представление о том, что культурные коннотации сороки в русской и китайской культурах одинаковы.

Помимо фактора переводчика, явление культурного искажения в процессе перевода также связано с непреодолимыми различиями между культурами. Несмотря на то, что культура может выражаться с помощью языковых знаков, по своей сути она остаётся невидимым бытием, и ограниченное число языковых знаков не способно в полной мере передать весь подтекст определённой национальной культуры. Зачастую смысл языковых символов, несущих культурную коннотацию, туманен и неоднозначен; в содержании перевода, как правило, может быть сохранено лишь поверхностное значение, ибо более глубокое, не поддающееся переводу значение может быть понято лишь теми, кто родился и вырос в условиях исходной культуры.

Например, слово «道» в китайской культуре означает не только дорогу, по которой можно идти, но и имеет более глубокий культур-

ный смысл, полностью выразить который трудно даже китайцам, поэтому к каким бы способам ни прибегали переводчики, читателям на языке перевода довольно непросто уловить сложный истинный смысл слова «道» в китайской культуре.

4. Стратегии культурного факсимиле

Несмотря на неизбежность культурного искажения при переводе, переводчикам следует принимать все возможные меры, чтобы не допустить этого и добиться максимального культурного факсимиле. В настоящее время в переводческой отрасли чаще всего используются две стратегии перевода, предложенные Лоуренсом Винути в 1995 году — форенизация и доместикация. Форенизация подразумевает приближение читателя к автору, т.е. точное соответствие перевода языковым особенностям и выразительным эффектам оригинала, а доместикация — приближение автора к читателю, т.е. перестройка оригинального текста в соответствии с грамматической структурой и выразительными особенностями переводного языка. Эти две стратегии перевода дополняют друг друга, и между ними нет абсолютного антагонизма.

Однако в силу специфичности культуры, частью которой является и язык, на уровне перевода доместикация вызывает более глубокие культурные искажения, чем форенизация. Данная работа исходит из того, что при рассмотрении соотношения двух переводческих стратегий — форенизации и доместикации — при переводе с китайского языка на русский следует руководствоваться принципами, предложенными профессором Сунь Чжили, а именно: стремиться к форенизации и по возможности избегать доместикации в культуре; если переводчик вынужден осуществить доместикацию текста, то она по возможности не должна вызывать культурной доместикации (Сунь Чжили, 1999: 41–42, 46).

Исходя из этих принципов, для минимизации степени культурного искажения переводчикам следует преимущественно прибегать к стратегии форенизации, используя упомянутые ниже методы перевода.

(1) Буквальный перевод.

Буквальный перевод означает, что переводчик, не искажая смысла оригинального текста, в максимально возможной степени сохраняет культурный образ, упомянутый в оригинале. Буквальный перевод ни в коем случае не эквивалентен дословному, кото-

рый кажется жёстким и неестественным с точки зрения грамматики, семантики и беглости речи. Буквальный перевод относительно гибкий, он преследует целью сохранить культурную образность оригинала и вместе с тем использовать уместные грамматические правила и выражения в переводе. Буквальный перевод не только не мешает читателям переводного языка понимать содержание текста, но и сокращает дистанцию между читателями переводного и культурой исходного языков. Для примера можно рассмотреть китайскую идиому 不入虎穴焉得虎子: переводчик может использовать для нее эквивалентную русскую пословицу «Волков бояться — в лес не ходить», а также может перевести её буквально: «Не войдя в логово тигра, тигрёнка не добудешь». Оба перевода точно передают смысл исходного текста, но второй сохраняет упомянутые в оригинале образы «логово тигра» и «тигрёнок» и в большей степени демонстрирует эффект культурного факсимиле.

Однако метод буквального перевода подходит далеко не для всех переводимых материалов. Переводчикам следует быть особо осторожными в применении этого метода, если содержание текста тесно связано с коннотацией упомянутого культурного образа. В случае, когда значение культурных образов, использованных в тексте оригинала, диаметрально противоположно для исходного и переводного языков, буквальный перевод может привести к искажению содержания оригинала. Например, в идиоме 望子成龙 использовано слово «龙» — «дракон», который в китайской культуре ассоциируется с удачей, успехом и властью, а сама идиома означает надежду на то, что дети станут в будущем успешными. В русской культуре дракон ассоциируется со злом, и если переводчик прибегнет к буквальному переводу идиомы, то русскоязычные читатели неправильно поймут содержание оригинала.

(2) Буквальный перевод с примечаниями.

Несмотря на то, что метод буквального перевода позволяет в наибольшей степени сохранить культурные образы исходного языка, не все эти образы, переведённые буквально, оказываются понятны читателям переводного языка. В таких случаях переводчику приходится добавлять примечания или толкования. С одной стороны, переводчику необходимо пояснить основную коннотацию культурного образа, как это сделано в примере 5; с другой стороны, переводчику также необходимо аннотировать дополнительное значение культурного образа, как показано в примере 6.

Пример 5

总算功德圆满，取经到了西天，至少以后跟李梅亭、顾尔谦两位可以敬而远之了。(Цянь Чжуншу, 1991: 215).

Мы порядком натерпелись за время пути, но вот уж, как говорится, близок конец нашим подвигам, западное небо перед нами, можно брать священные книги.

Примечания: Синьмэй говорит фразами из фантастического романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад» (XVI в.), повествующего о том, как монах Сюаньцзан добывал буддийские каноны (Сорокин, 1989: 215).

В примере 5 осуществлён буквальный перевод культурного образа 西天, однако, для того чтобы русскоязычным читателям была понятна коннотация этого образа, переводчик сделал примечание и раскрыл культурный фон выражения 西天. Такой подход к переводу позволяет читателям на языке перевода не только познакомиться с уникальным для китайской культуры названием и верно понять его содержание, но и вызывает интерес к классическому китайскому роману «Путешествие на Запад».

Пример 6

半歇，王婆出来道：“大官人吃个梅汤？”

西门庆道：“最好，多加些酸味儿。(Ланьлинский насмешник, 1991: 55).

— *Может, господин Старший откушает сливового отвара?* — предложила вышедшая к нему Ван.

— Только покислее.

Примечания: Здесь игра слов, основанная на созвучии слова «слива» — «мэй» слову «свах» — «мэй» и близости звучания слова «суань» — «кислый» слову «цуань» — «завлекать», «соблазнять» (Кобзев, 1994: 115).

В примере 6 переводчик перевёл «梅汤» как «сливовый отвар», что точно описывает значение выражения, но не передаёт его скрытый смысл, подразумеваемый в тексте оригинала и основанный на произношении и ассоциациях. В этой связи к переводу было добавлено примечание, которое позволило восстановить смысл, утраченный в процессе перевода.

(3) Транслитерация с примечаниями.

Транслитерация — это метод перевода, при котором слова исходного языка представляются наиболее похожими по произношению буквосочетаниями в языке перевода в соответствии с правилами произношения и характеристиками слов исходного языка.

Процесс формирования культуры, происходящий под влиянием множества факторов, обуславливает тот факт, что каждая национальная культура содержит определённые уникальные только для этой культуры вещи, и культурные коннотации этих вещей часто требуют подробного пояснения. В подавляющем большинстве случаев названия этих вещей трудно или даже невозможно перевести на другой язык. В этом плане транслитерация не только сохраняет производные особенности слов исходного языка, но и выполняет функцию номинации, поэтому может оказаться более целесообразной, чем буквальный перевод.

Однако, поскольку эти вещи не являются общими для двух культур, одна лишь транслитерация будет препятствовать пониманию читателем содержания, в связи с чем переводчикам необходимо аннотировать транслитерированный перевод, т.е. использовать метод транслитерации с примечаниями. Такой подход не только максимально повышает степень культурного факсимиле, но и учитывает степень понимания и восприятия текста читателем на языке перевода. В качестве примера можно привести китайское словосочетание «小满». 小满 — это один из 24 сезонных праздников, для которого невозможно найти аналог в русском языке. Буквально перевести на русский язык название этого праздника также не представляется возможным, поэтому наиболее оптимальный в данном случае — это метод фонетической транслитерации и аннотации: сяомань (один из китайских сезонных праздников, с 21 по 22 мая, соотносится с серединой 4-го лунного месяца). Примечания при транслитерации могут появляться не только в самом тексте, но и в сносках, в том числе концевых.

Помимо упомянутого выше примера применения транслитерации с примечаниями есть ещё один особый случай, требующий транслитерации, а именно имя человека, выступающее в качестве прецедентного имени. Сами по себе имена не требуют подробных пояснений и обычно переводятся именно методом транслитерации, которая практически не влечёт за собой культурных искажений. Однако, когда имя человека выступает в качестве прецедентного имени, оно не только играет номинативную роль, но и имеет некоторые подразумеваемые значения, тесно связанные с пониманием содержания или развитием сюжета. Если переводчик не использует для таких имён примечания или аннотации, это влияет на восприятие читателем смысла оригинального текста и ведёт к значительному культурному искажению. Поэтому в подобных случаях при

переводе личных имён следует применять метод транслитерации с примечаниями, как это сделано в примере 7.

Пример 7

孙新生得身长力壮, 全学的他哥哥的本事, 使得几路好鞭枪, 因此很多人把他弟兄两个比尉迟恭, 叫他做小尉迟。(Ши Найань, 2020: 657).

Сунь Синь был высокий, сильный, могучего телосложения человек, Он перенял от брата искусство владения оружием и знал различные приёмы боя на копьях. Братьев сравнивали с знаменитым Юй-Чи Гуном и называли их Сяо Юй-Чи — маленькими Юй-Чи Гунами.

Примечание: Юй-Чик Гун (585–659) — знаменитый полководец Танькой династии (Рогачёв, 1959: 264).

В данном случае имя Юй-Чи Гун выполняет не только номинативную функцию, но и является антономазией, указывающей на храбрость и воинственность. Этот троп призван описать превосходные боевые качества братьев Сунь Синя и Сунь Ли. Однако русскоязычные читатели никогда не слышали о Юй-Чи Гуне и, разумеется, не могут понять глубинный смысл данного прецедентного имени, поэтому переводчик делает необходимые примечания после обычной транслитерации. Такой перевод знакомит русскоязычных читателей с китайской исторической личностью — Юй-Чи Гуном, а также позволяет глубже понять образы Сунь Синя и Сунь Ли, о которых идёт речь в тексте оригинала.

Все указанные выше методы перевода основаны на стратегии форенизации, и, хотя полностью избежать культурного искажения с их помощью по-прежнему сложно, они сводят его к минимуму. Если говорить об описанных в данной статье культурных искажениях, то они в той или иной степени могут быть компенсированы этими тремя методами. Однако неперебиваемые культурные особенности, такие как самоуничижительная и гонорифическая лексика, всё же остаются, и в случае с ними переводчики могут передать лишь поверхностную семантику, но не глубинные культурные коннотации. Такая лексика — проявление уникальности национальной культуры, и для лучшего её понимания необходимы культурные обмены и распространение культур, а это требует от всех народов соответствовать тенденциям глобализации и постоянно укреплять взаимодействие.

Наряду с надлежащими методами перевода большое значение имеют также культурное сознание и профессиональные качества переводчика. Переводчик, с одной стороны, должен обладать глубоким культурным сознанием и понимать, что перевод — это

деятельность в области межкультурной коммуникации, и в ней присутствуют не только два языка, но и культурная информация, заложенная в этих языках. Глубокое культурное сознание позволяет переводчику концентрировать своё внимание как на семантике, так и на передаче культурных коннотаций. С другой стороны, переводчик должен постоянно учиться и совершенствовать свои способности. Только так он сможет расширять свои знания о культурах, присущих двум языкам, узнавать о политике, экономике, истории и обычаях двух народов, более точно передавать культурные смыслы и успешнее выполнять свои задачи в культурных обменах.

5. Заключение

В процессе перевода как деятельности в области межкультурной коммуникации неизбежно возникают многие, обусловленные культурными различиями, проблемы, одной из которых является культурное искажение. При переводе с китайского языка на русский культурное искажение проявляется в следующих конкретных случаях: 1 — когда определённый референт хорошо известен народу А, но абсолютно незнаком народу Б, 2 — когда определённый референт существует для обоих народов, но культурные коннотации этого референта не совпадают.

Проведённые для данной статьи исследования показывают, что возникновение культурного искажения связано не только с личными способностями переводчика, но и с непреодолимыми различиями культур. Для снижения степени культурного искажения переводчикам необходимо отказаться от «одомашнивания» культуры в процессе перевода и использовать три метода — буквальный перевод, буквальный перевод с примечаниями и транслитерацию с примечаниями. Кроме того, сами переводчики должны обладать высокой степенью культурного сознания и непрерывно учиться, совершенствуя свои способности.

На основе вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что культурное искажение, возникающее при переводе с китайского языка на русский, представляет собой актуальный фактор, оказывающий значительное влияние на успех перевода. Правильный выбор переводческих методов, повышение квалификации переводчика и укрепление культурных обменов позволят уменьшить вероятность возникновения культурных искажений и могут быть использованы в качестве стратегий культурного воспроизведения при переводе с китайского языка на русский.

Список литературы

- Кобзев А.И. Цветы сливы в золотой вазе. Т. 1. Иркутск: Улисс, 1994.
- Коробова А.Н. Циньские напевы. М.: Восточная литература, 2017.
- Ланьлинский Насмешник, критика Чжан Чжупо. Цветы сливы в золотой вазе. Цзинань: Издательство Цилу, 1991.
- Лао Шэ. Рикша. Пекин: Издательство народной литературы, 2021.
- Молчанова Е. ЛАО ШЭ Избранное. М.: Прогресс, 1981.
- Панасюк В.А. Сон в Красном тереме. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
- Рогачёв И.А. Речные заводы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
- Сорокин В.Ф. Осаждённая крепость. М.: Художественная литература, 1989.
- Сунь Чжили. Культура и перевод // Иностранные языки и их преподавание, 1999. № 11. С. 41–42, 46.
- Цао Сюэцин. Сон в Красном тереме. Пекин: Пекинское издательство, 2006.
- Цзя Пинва. Циньские напевы. Пекин: Издательство народной литературы, 2014.
- Цянь Чжуншун. Осаждённая крепость. Пекин: Издательство народной литературы, 1991.
- Цзян Чжоу. Феномен культурного искажения в англо-китайских переводах // Вестник Чжэцзянского океанического университета (научно-образовательное издание), 2005. № 3. С. 83–87.
- Ши Найань. Речные заводы. Пекин: Издательство народной литературы, 2020.

References

- 曹雪芹 (2006). 红楼梦. 北京: 北京出版社.
- Cao Xueqin. (2006) Hong lou meng = A Dream in Red Mansions. Beijing: Beijing Publishing House (In Chinese).
- 贾平凹 (2014). 秦腔. 北京: 人民文学出版社.
- Jia Pingwa. (2014) Qin qiang = The Shaanxi Opera. Beijing: People's Literature Publishing House (In Chinese).
- Kobzev A.I. (1994) Cveti slivy v zolotoj vaze = The Golden Lotus. Irkutsk: Uliss (In Russian).
- Korobova A.N. (2017) Cinskie napevy = The Shaanxi Opera. Moscow: Vostochnaya literature (In Russian).
- 老舍 (2021). 骆驼祥子. 北京: 人民文学出版社.
- Lao She. (2021) Luotuo xiangzi = Rickshaw Boy. Beijing: People's Literature Publishing House (In Chinese).
- 兰陵笑笑生 (1991). 张竹坡批评. 金瓶梅. 济南: 齐鲁书社.
- Lanling Xiaoxiaosheng. (1991) Jin ping mei = The Golden Lotus. Jinan: Qi Lu Press (In Chinese).
- Molchanovaya E. (1981) Lao She Izbrannoe = Lao She's Selected Works. Moscow: Progress (In Russian).

Panasjuk V.A. (1958) Son v krasnom tereme = A Dream in Red Mansions. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury (In Russian).

钱钟书 (1991). 围城. 北京: 人民文学出版社.

Qian Zhongshu. (1991) Weicheng = Fortress Besieged. Beijing: People's Literature Publishing House (In Chinese).

Rogachyov I.A. (1959). Rechnye zavodi = Outlaws of the Marsh. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury (In Russian).

施耐庵 (2020). 水浒传. 北京: 人民文学出版社.

Shi Naian. (2020). Shui hu zhuan = Outlaws of the Marsh. Beijing: People's Literature Publishing House (In Chinese).

Sorokin V.F. 1989. Osazhdyonnaya krepost = Fortress Besieged. Moscow: Hudozhestvennaya literature (In Russian).

孙致礼 (1999)(11). 文化与翻译. 外语与外语教学, pp. 41–42+46.

Sun Zhili. (1999) Wenhua yu fanyi = Culture and translation. Foreign Languages and Their Teaching. No. 2, pp. 41–42+46 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ван Юе — доцент Института иностранных языков Бэйханского университета, 100191, Китай, Пекин, район Хайдянь, ул. Сюеюань, 37; yp20092011@163.com

Ван Пинъюань — магистрант Института иностранных языков Бэйханского университета, 100191, Китай, Пекин, район Хайдянь, ул. Сюеюань, 37; w17791641862@163.com

ABOUT THE AUTHORS:

Wang Yue — Associate Professor at the School of Foreign Languages, Assistant to the Dean of the School of Foreign Languages, Beihang University, 100191, China, No. 37, Xueyuan Road, Haidian District, Beijing; yp20092011@163.com

Wang Pinyuan — Master Candidate at the School of Foreign Languages, Beihang University, 100191, China, No. 37, Xueyuan Road, Haidian District, Beijing; w17791641862@163.com

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'38

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-60-72

ПЕРЕВОД МЕТАФОР В СОВРЕМЕННОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РУССКОГО, КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

И Лицзюнь

Пекинский университет, Пекин, Китай

Для контактов: yiliquan@mail.ru

Аннотация. Метафора в дипломатическом дискурсе — это речевой оборот или выражение, которое переносит значение из одного контекста в другой, обычно с целью усилить воздействие сообщения или облегчить понимание сложных идей. В дипломатии метафоры часто используются для того, чтобы сделать общение более наглядным и запоминающимся, а также для скрытого передачи интенций и позиций без прямого их выражения. В этой статье исследуют сложности и тонкости перевода метафорических выражений, которые играют важную роль в дипломатическом общении. Автор анализирует метафоры, используемые в дипломатическом дискурсе трёх различных языковых и культурных контекстов: русского, китайского и английского, выделяя три категории эквивалентности: полную, частичную и отсутствие эквивалентности. И от степени эквивалентности метафоры в исходном и целевом языках зависит выбор способа перевода, в том числе дословной, описательной и свободной. Исследование подчёркивает значимость адекватного перевода метафор для точного и эффективного межкультурного общения, предлагая стратегии перевода для каждой из категорий. Работа вносит вклад в теорию и практику перевода, подчёркивая необходимость учёта культурных и контекстуальных факторов для достижения межкультурного понимания в дипломатии.

Ключевые слова: метафора; дипломатические дискурсы, способы перевода

Благодарность. Это исследование было профинансировано «Национальной финансируемой программой постдокторских исследований» КНР, грант № GZC20230101.

Для цитирования: *И Лицунь.* Перевод метафор в современном дипломатическом дискурсе (на основе материалов русского, китайского и английского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 2. С. 60–72. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-60-72

Статья поступила в редакцию 20.04.2024;
одобрена после рецензирования 27.06.2024;
принята к публикации 30.06.2024.

TRANSLATION OF METAPHORS IN MODERN DIPLOMATIC DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN, CHINESE AND ENGLISH MATERIALS)

Yi Liqun

Peking University, Beijing, China

For contacts: yiliquan@mail.ru, yiliquan@pku.edu.cn

Abstract. A metaphor in diplomatic discourse is a figure of speech or expression that transfers meaning from one context to another, usually to enhance the impact of a message or make complex ideas easier to understand. In diplomacy, metaphors are often used to make communication more visual and memorable, as well as to covertly convey intentions and positions without directly expressing them. This article explores the complexities and subtleties of translating metaphorical expressions that play an important role in diplomatic communication. The author analyzes metaphors used in diplomatic discourse in three different linguistic and cultural contexts: Russian, Chinese and English, highlighting three categories of equivalence: complete, partial and no equivalence. The choice of translation method (literal, descriptive or free) depends on the degree of equivalence of the metaphor in the source and target languages. The study highlights the importance of adequate translation of metaphors for accurate and effective intercultural communication, suggesting translation strategies for each category. The work contributes to translation theory and practice by emphasizing the need to consider cultural and contextual factors to achieve intercultural understanding in diplomacy.

Keywords: metaphor; diplomatic discourses, methods of translation

Gratitude. This research was funded by the “National Funded Postdoctoral Research Program” of the People’s Republic of China, Grant No. GZC20230101.

For citation: *Yi Liqun.* (2024). Translation of metaphors in modern diplomatic discourse (based on Russian, Chinese and English materials). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 2. P. 60–72. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-60-72

The article was received on April 20, 2024;
approved after reviewing on June 27, 2024;
accepted for publication on June 30, 2024.

Введение

«Дипломатия — это принципиальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государства, а также по защите прав и интересов государства за границей» (Дипломатический словарь 1971: 479). По факту на дипломатический дискурс значительное влияние оказывают процессы глобализации и текущие осложнения в международной обстановке, приводящие к увеличению взаимосвязей между странами и в свою очередь усиливающие необходимость в более тесном и эффективном дипломатическом общении. Наблюдается, что в современных дипломатических дискурсах активно используются те традиционные и также различные новые метафоры, которые отражают изменения в международных отношениях и реакцию на глобальные вызовы. Актуальность статьи заключается в том, что она рассматривает разность метафор в русских, китайских и английских дипломатических дискурсах, которые постоянно развиваются и адаптируются к изменяющимся условиям. Статья предпринимает попытку классифицировать категории эквивалентности метафоры в дипломатическом дискурсе трёх различных языковых и культурных контекстов: русского, китайского и английского. Учитывая разные степени эквивалентности метафоры в исходном и целевом языках, в этой статье приводится обилие примеров для выбора способа перевода.

Полноэквивалентные метафоры в русских, китайских и английских дипломатических дискурсах

Как известно, универсальные человеческие опыты действительно лежат в основе многих общих метафор в разных языках. Именно определенные аспекты человеческого опыта, такие как восприятие

пространства, времени и физических ощущений, являются общими для всех людей, независимо от их культурного или языкового контекста. Разумеется, глобализация значительно способствует возникновению более общих опытов среди людей по всему миру, что может привести к появлению общих понятий и метафор в разных культурах. В своей работе «Метафоры, которыми мы живём» Джордж Лакофф и Марк Джонсон доказывают эффективность метафоры «спор — это война» благодаря анализу повседневного языка и концептуальных схем, присутствующих в нашем мышлении и действии (Лакофф, Джонсон: 2004). Несмотря на то, что дипломатия часто стремится к мирному разрешению конфликтов и поддержанию стабильности и сотрудничества между государствами, она нередко напоминает спор и войну, особенно в контекстах, где присутствует конфликт интересов, напряжённость или конкуренция между странами. В таких случаях дипломатические переговоры могут восприниматься как борьба за влияние, ресурсы или стратегические позиции, напоминающие аспекты спорных и военных действий. При этом в русском, китайском и английском дипломатическом дискурсе широко используются общие метафоры. Приведём некоторые примеры:

Русский:

«Мы видим, что ситуация в регионе начинает приобретать черты политической войны. Необходимо найти дипломатические способы разрешения спора».

«Высокий уровень напряжённости между двумя странами говорит о том, что мирное урегулирование этого спора становится всё более сложным, и мы должны быть готовы к возможной дипломатической войне».

Китайский:

在国际关系中,我们必须保持战略上的稳定,同时在外交谈判中,也要表现得像战场上的将军一样果断坚决,不能让对手有任何可以利用的空间。(В международных отношениях мы должны поддерживать стратегическую стабильность, и в то же время в дипломатических переговорах мы должны быть решительными, как генерал на поле боя, и мы не должны давать нашим противникам возможности воспользоваться преимуществом).

在处理外交事务时,我们应该像军事行动一样严密配合,保持高度警惕,以防止任何可能的挑衅和冲突。(Занимаясь международными делами, мы должны сотрудничать так же тесно, как и в военных операциях, и сохранять высокую степень бдительности, чтобы предотвратить любые возможные провокации и конфликты).

Английский:

The negotiations were conducted in a tough atmosphere, as if on the battlefield. (Переговоры проходили в жёсткой атмосфере, как будто на поле боя).

While diplomacy seeks peace, it's essential to remember that negotiations are akin to warfare. We must be vigilant and ready to counter any aggressive moves from our adversaries. (Хотя дипломатия стремится к миру, важно помнить, что переговоры сродни войне. Мы должны быть бдительными и готовыми противостоять любым агрессивным действиям наших противников).

Примеры демонстрируют, как метафора «спор — это война» используется для описания подхода к дипломатическим переговорам и обеспечения национальных интересов. В прошедшем марте шведский этнологический профессор Карл-Улов Арнстберг использовал метафору «спор в детском саду» для описания поведения европейских политиков, которая может показаться противоречащим метафоре «спор — война», подчёркивающая серьёзность и напряжённость политических отношений и сравнивающая их с военным конфликтом. Однако этнолог именно использовал эту новую метафору для выражения своего негативного отношения к поведению европейских политиков, которые ведут себя подобно детям в саду и ссорятся из-за мелочей. Из-за мелких политических разногласий политики могут вести себя непрофессионально и конфликтовать друг с другом как недостаточно зрелые или неспособные к взрослым и ответственным действиям. Использование метафоры «детский сад» также служит средством упрощения сложной политической ситуации для широкой аудитории, что делает восприятие говорящего (Арнстберга) более доступным и понятным для людей, которые не знакомы с деталями политического процесса. На первый взгляд, использование противоречивой метафоры демонстрирует универсальность метафоры «спор — это война».

Можно сказать, что метафора «спор — это война» — полноэквивалентная метафора в русских, китайских и английских дипломатических дискурсах. При переводе подобных полноэквивалентных метафор желательно использовать дословный перевод, чтобы сохранить смысловую и стилистическую близость к исходному тексту и сильное впечатление и эмоциональное воздействие метафор на аудиторию:

Сергей Лавров сравнил действия США и КНДР с борьбой малолетних воспитанников детского сада.

Английский перевод: *Sergei Lavrov compared the actions of the United States and North Korea with a kindergarten fight between children.*

Китайский перевод: 谢尔盖·拉夫罗夫将美国和朝鲜的行为比作幼儿园小孩子胡闹。

Частично эквивалентные метафоры в русских, китайских и английских дипломатических дискурсах

В качестве продолжения метафоры «спор — это война» наблюдается метафора «политика — это конкуренция», она также интенсивно используется в дипломатических дискурсах. Обе метафоры используют образы соперничества и борьбы для описания динамики взаимодействий в политическом пространстве. Переходя к метафоре «политика — это конкуренция», мы видим, что она как метафора «спор — это война» основана на идее соперничества, но в более широком и менее агрессивном смысле. Конкуренция в политике подразумевает стремление к достижению лучших результатов, но не обязательно включает в себя разрушительные действия, характерные для войны. Эта метафора больше фокусируется на соревновательности и стратегии, чем на конфликте и агрессии. На наш взгляд, метафора «политика — это конкуренция» имеет тенденцию быть более гибкой и национально специфичной по сравнению с метафорой «спор — это война» благодаря более широкому спектру форм, которые может принимать конкуренция, а также культурных и контекстуальных различий в том, как конкуренция воспринимается и практикуется. И так наблюдаются множество частично эквивалентных метафор в русских, китайских и английских дипломатических дискурсах. Приведём некоторые примеры с метафорой, основывающейся на конкуренциях в шахматах в трёх лингвокультурах:

Русский:

Ситуация в Сирии резко изменилась, когда российско-иранское наступление поставило Турции «шах и мат» и изолировало её от севера страны, продолжает издание. [Раздел «Политика». Посол Турции рассказал о грядущих переговорах тет-а-тет Путина и Эрдогана // gazeta.ru, 05.08.2016].

Россия поставила США шах и мат в Арктике, заявил американский адмирал [Россия поставила США шах и мат в Арктике, заявил американский адмирал // РИА Новости, 06.05.2017].

Китайский:

中国外交部发言人汪文斌 18 日在例行记者会上表示, 东盟国家不是地缘争夺的“棋子”, 而是促进地区发展繁荣的重要“棋手”。(Представитель

МИД Китая Ван Вэньбинь заявил на очередной пресс-конференции 18 числа, что страны АСЕАН являются не «шахматными фигурами» в геополитической конкуренции, а важными «шахматными игроками» в содействии региональному развитию и процветанию).

中美关系就像下围棋,你死我活不是目的。(Китайско-американские отношения похожи на игру в го (вэйци). Жизнь-смерть не являются целью).

Английский:

The White House's handling of the politics of Syria has looked so clumsy that many people have said facetiously that President Obama is playing "12-dimensional chess." (Отношение Белого дома к политике Сирии выглядело настолько неуклюжим, что многие люди в шутку говорили, что президент Обама играет в «12-мерные шахматы»).

Видно, что метафора «политика — это шахматная конкуренция» широко используется в современной политико-дипломатической терминологии как продолжение метафоры «спор — это война». Однако эта метафора распространяется разными вариациями в разных лингвокультурах, формирующимися под влиянием конкретной истории, географии, климата, образа жизни и других факторов. Шахматы имеют долгую историю в России, и русские, подобно англоязычным народам, используют шахматные метафоры в языке. Первые упоминания о шахматах на Руси относятся к X веку, и с течением времени они стали популярной игрой среди высшей знати. Метафоры в русском языке являются важным элементом языковой и культурной идентичности, и шахматные метафоры не исключение. А в Китае же, где игра го (вэйци) имеет историю, насчитывающую более двух с половиной тысяч лет, эта игра занимает особое место в культуре и языке. Го (вэйци) тесно связана с философией, стратегическим мышлением и даже с управлением государством, что отражается в китайском языковом и культурном контексте. Таким образом, китайцы, вероятно, отдают предпочтение ассоциациям, связанным с го (вэйци), при использовании подобных метафор. Так, в то время как в русском языке могут использоваться шахматные метафоры, в китайском языке могут преобладать метафоры, связанные с го (вэйци).

Как подмечает Г. Киссинджер, что «Игра, самая древняя в истории китайцев, называется «вэйци», — пишет Г. Киссинджер. — <...> Если шахматы — игра за решающую победу, то «вэйци» — игра затяжной кампании. <...> Если шахматист стремится уничтожить фигуры своего противника серией лобовых ударов, то талантливый игрок в «вэйци» ходит в «пустые» места на доске, постепенно со-

крашая стратегический потенциал камней противника. Шахматы вырабатывают простоту мышления, «вэйци» — стратегическую гибкость» (Киссинджер, 2017: 39–41).

Из-за таких факторов, как различия в культурном происхождении, сложность языка, разнообразие метафор и субъективность переводчика, при переводе вышеуказанных частично эквивалентных метафор ничтожная погрешность в начале часто вызывает большое расхождение в результате, а такой дипломатический перевод может привести к серьёзным последствиям. Обеспечение точности и строгости перевода в дипломатической сфере, особенно когда речь идёт о частично эквивалентных метафорах, требует тщательного рассмотрения и внимания к деталям. С учётом нюансов частично эквивалентных метафор в разных лингвокультурах лучше применять описательный способ перевода, чтобы максимально приблизить к исходному смыслу метафоры и подчёркивать те культурные и мыслительные различия. В некоторой степени допустимо, что акцентировать нюансы с помощью добавления примечаний или изложения оппозиционного отношения к метафоре, имеющей запутанный оттенок:

В ответ на недавнюю речь госсекретаря США Энтони Блинкена, охарактеризовавшего Китай как «самый серьёзный и долгосрочный вызов для мирового порядка», Ван И заявил, что

«отношения между Китаем и США не являются игрой с нулевой суммой, и американской стороне следует выстраивать двусторонние отношения с КНР исходя из принципов взаимоуважения, мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества» (Ван И, 29.05.2022).

Английский перевод: *In response to a recent speech by US Secretary of State Antony Blinken, who described China as “the most serious and long-term challenge to the world order”. Wang Yi said that the United States has a grossly distorted view of the world, China and Sino-US relations. Member of the State Council of the People’s Republic of China and Foreign Minister Wang Yi, who arrived on a visit to Fiji, today said that relations between China and the United States are not a zero-sum game, and the American side should build bilateral relations with China based on the principles of mutual respect, peaceful coexistence and mutually beneficial cooperation.*

Китайский перевод: 针对美国国务卿布林肯近日发表讲话称中国是«对世界秩序最严重、最长期的挑战», 王毅表示, 美国的世界观严重扭曲, 中国以及中美关系。正在访问斐济的中华人民共和国国务委员兼外交部长王毅今天表示, 中美关系不是零和游戏, 美方应构建双边关系与中国的关系建立在相互尊重、和平共处、互利合作的原则之上。

Безэквивалентные метафоры в русских, китайских и английских дипломатических дискурсах

Чаше, чем метафоры «спор — это война» и «политика — это конкуренция», используется метафора «развитие — это путешествие» при обращении внимания к внутренним делам, чтобы подчеркнуть субъективность и назависимость принятия управленческих решений. В отличие от акцентирования конфликтных и конкурентных аспектов дипломатических дебатов и политической борьбы, метафора «развитие — это путешествие» как скрытое продолжение метафоры «спор — это война» и «политика — это конкуренция» фактически выделяет легитимность и независимость принятия правительственных решений, тем самым защищая собственные права на развитие и интересы. Весь дискурс с метафорой «развитие — это путешествие» является тактичным подходом к принятию присяги. Хотя иногда эта метафора может быть использована для унижения личности и статуса оппонентов. Рассмотрим примеры.

«Как сказала глава российского Центризбиркома Элла Памфилова, Запад через свои, мягко говоря, пакости касает выборы фактически воюет с Россией. Но ничего. Собака лает — караван идёт» (Элла Памфилова. 17.03. 2024).

В этом контексте руководитель Центральной избирательной комиссии РФ Элла Памфилова иносказательно отвергает или снижает критику или действия своих оппонентов, в данном случае Запада, используя поговорку «Собака лает — караван идёт». Здесь видно, как используется скрытая метафора «развитие — это путешествие» в качестве пролонгации метафоры «спор — это война» и «политика — это конкуренция»: российское демократическое развитие как караван всё-таки совершит своё путешествие несмотря на внешнее давление или отвлекающие факторы. Метафора предполагает, что усилия оппозиции — это просто шум или отвлечение перед лицом более крупных целей или программы говорящего.

Ещё один случай: 13 мая 2021 года на видеоконференции, проведённой Соединёнными организациями, Великобританией, Германией и другими странами с неправительственными организациями, как Human Rights Watch и Amnesty International, распространяющих ложь о Синьцзяне, официальный представитель МИД Китая Хуа Чуньин в ответ использовала древнее китайское стихотворение

«Обезьяны по обе стороны пролива не перестают плакать, а лёгкая ладья прошла десять тысяч гор» (Ли Бо, 1999), взятое из поэзии «Рано утром выезжаю из замка Боди» китайского поэта Ли Ба. Обезьяны, многочисленно обитавшие на берегах реки Янцзы в районе ущелий, издают особенно громкие крики на рассвете, которые часто ассоциируются с глубокой тоской в китайской поэзии. И поэт использует крик обезьян для выражения своего удовольствия от преодоления невзгод и вступления в приятное путешествие. В контексте стихотворения также присутствует скрытая метафора «развитие — это путешествие»: развитие Синьцзяна Китая как лёгкая ладья продолжает своё быстрое путешествие.

Обнаруживается, что такие безэквивалентные метафорические выражения, содержащие культурные особенности и исторические аллюзии, особенно высказывания, унижающие личность оппонента, обычно переводятся путём свободного перевода и выражают на целевом языке только положительные значения во избежание дальнейшего обострения конфликтов. Переводом вышеприведённых примеров на английском языке представляют следующие:

As Russian Central Election Commission (CEC) Chairwoman Ella Pamfilova said, despite the tremendous efforts, both overt and covert, by a pool of Western countries, which have designated us as an enemy, to discredit the elections, this, actually, is of trifling significance to Russia.

“We introduced our Xinjiang policy and debunked the despicable moves and vicious intention by some people to fabricate and spread lies and rumors about Xinjiang. The report and article again corroborated that. On Xinjiang-related issues, we hope there can be more facts and truth, fewer lies and rumors; more objectivity and justice, less rumor-mongering and smearing; and more communication and cooperation, less political manipulation” (Hua Chunying, 10.05.2021).

Заключение

Перевод метафор в современном дипломатическом дискурсе — это многогранный и сложный процесс, требующий тщательного учёта лингвистических нюансов, культурного контекста и дипломатических последствий. Изучая русские, китайские и английские материалы, мы выявили сложности, присущие переводу метафор между языками и культурами. Исследование показало, что метафоры играют ключевую роль в дипломатическом дискурсе, поскольку они не только обогащают язык, но и служат инструментом для

передачи сложных идей и концепций в более доступной форме. Перевод метафор требует не только знания языка, но и понимания культурного и исторического контекста, что делает его особенно сложной задачей.

Глобализация продолжает стирать культурные границы, и в разных лингвокультурах существуют общие метафоры, такие как «спор — это война». В статье эти метафоры определяются как полнэквивалентные и доказывается возможность и эффективность их адекватной трансформации на другой язык путём дословного перевода. Более того, обнаруживается метафора «политика — это конкуренция» в качестве вариации метафоры «спор — это война» в современных дипломатических дискурсах, которая реализуется с собственными конкретными видами в разных культурах. Эти метафоры в статье складываются как частично эквивалентные и рассматривается описательный перевод с целью обеспечения правильной передачи выделяемой особенности исходного языка в целевую лингвокультуру. Особое внимание уделяется безэквивалентным метафорам, которые не имеют прямых соответствий в других языках из-за уникальных культурных, исторических или контекстуальных особенностей. В статье приводится пример метафоры «развитие — это путешествие», в рамках которой в русской и китайской культуре функционируют разные высказывания, отображающие собственные опыты географических или исторических реалий. Безэквивалентные метафоры служат мощным риторическим средством в дипломатическом общении, и также усложняют процесс перевода по субъективной интерпретации и культурной специфики. Чтобы предотвратить обострение противоречий, при переводе безэквивалентных метафор лучше применять способ вольного перевода для нахождения тонкого баланса между сохранением предполагаемого послания исходного текста и обеспечением его актуальности в целевой аудитории. На мировой арене перевод метафор в современном дипломатическом дискурсе является не просто лингвистическим упражнением, а тем самым дипломатическим усилием.

Список литературы

Ван И. Китайско-американские отношения не являются игрой с нулевой суммой. 29.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20220529/3fc08145fa294fea86f36d873381ae6b/c.html> (дата обращения: 02.05.2024).

Громыко А.А. Дипломатический словарь в 3-х т. М.: Наука, 1998. 688 с.

Киссинджер Г. О Китае/ Пер. с англ. В.И. Верченко. М.: АСТ, 2017. 791 с.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Ли Бо. Поэзия в переводах А.И. Гитовича. СПб.: Кристалл, 1999. 162 с.

Памфилова Э. На Западе началась истерика на фоне президентских выборов в России. 17.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://lentv24.ru/na-zapade-nacalas-isterika-na-fone-prezidentskix-vyborov-v-rossii.htm?ysclid=lvpbtsxqk653257513> (дата обращения: 02.05.2024).

Хуа Чуньин. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on May 10, 2021. 10.05.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202105/t20210510_9170740.html (дата обращения: 02.05.2024).

References

Gromyko A.A. (1998) *Diplomaticeskij slovar' v 3-h t.* = Diplomatic Dictionary in 3 volumes. Moscow: Nauka, 688 p. (In Russian).

Hua Chunying. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on May 10, 2021. 10.05.2021. [Electronic resource]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202105/t20210510_9170740.html (date of retrieval: 02.05.2024).

Kissinger H. (2017) *O Kitae = On China*. Moscow: AST, 791 p. (In Russian).

Lakoff G., Johnson M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* = Metaphors we live by. Moscow: Editorial URSS, 256 p. (In Russian).

Li Bo. (1999) *Poeziyav perevodah A.I. Gitovicha* = Poetry in translations by A.I. Gitovich. SPB.: Crystal, 162 p. (In Russian).

Pamfilova E. (2024) *Na Zapade nachalas' isterika na fone prezidentskix vyborov v Rossii* = Hysteria began in the West against the backdrop of the presidential elections in Russia. 17.03.2024. [Electronic resource]. URL: <https://lentv24.ru/na-zapade-nacalas-isterika-na-fone-prezidentskix-vyborov-v-rossii.htm?ysclid=lvpbtsxqk653257513> (date of retrieval: 02.05.2024).

Van I. (2022) *Kitajsko-amerikanskije otnosheniya ne yavlyayutsya igroj s nulevoj summoj* = China-US relations are not a zero-sum game. [Electronic resource]. URL: <https://russian.news.cn/20220529/3fc08145fa294fea86f36d873381ae6b/c.html> (date of retrieval: 02.05.2024) (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

И Лицунь — постдокторант Школы иностранных языков Пекинского университета, 100091, Китайская Народная Республика, г. Пекин, район Хайдянь, улица Ихэюань, № 5; yiliquan@pku.edu.cn

ABOUT THE AUTHOR:

Yi Liquan — Postdoctoral Researcher at the School of Foreign Languages, Peking University, 100091, People's Republic of China, Beijing, Haidian District, Yiheyuan Road, No. 5; yiliquan@pku.edu.cn

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-73-92

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В МАЛОЙ ПРОЗЕ СТИВЕНА КИНГА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ “THE ART PUPIL” И “RAINY SEASON”)

Олеся Сергеевна Макарова

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия

Гаянэ Эмилбаровна Маркосян

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Елена Викторовна Савелло

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Для контактов: o-ss@mail.ru; galia22@mail.ru; elena.savello@mail.ru

Аннотация. В данной статье предпринят анализ творческого наследия американского писателя Стивена Кинга, прославившегося своими произведениями в жанрах «литературы ужасов» и тёмного фэнтези. В ходе исследования авторы изучают семантические, функциональные, структурные метафоры, их стилистические и лингвокультурологические особенности на примере рассказов Стивена Кинга «Способный ученик» и «Сезон дождя». Методология исследования построена на сравнительном анализе оригинальных произведений и переводов российских лингвистов С.Э. Таска, М.В. Опалевой, В.В. Антонова, И.Г. Почиталина, Б.Г. Любарцева, В.А. Вебера. Хронологические рамки исследования затрагивают период концептуализации творчества Стивена Кинга (переводы С.Э. Таска и И.Г. Почиталина) с 1991 года в лингвокультурологическом переосмыслении сравнительного метода (перевод В.В. Антонова) в 2012–2013 гг. Основной ход исследования направлен на анализ характерных особенностей оригинальных метафор и их переводческих форм, теряющих и приобретающих уникальные культурные черты по сравнению с контекстом на английском языке. Такой подход наглядно демонстрирует не только

многообразие идиостиля автора, затрагивающего как мистико-религиозные, личностные чувства современного человека, остросоциальные проблемы современного общества, но и позволяет отследить зарождение новых смыслов в переводных формах метафор. Результаты проведённого исследования показывают, что довольно часто переводчики Стивена Кинга, стремясь адаптировать текст, теряют гибкость.

Ключевые слова: идиостиль, принцип перевода, метафора, сравнение, выразительность, художественный миф, план повествования

Для цитирования: Макарова О.С., Маркосян Г.Э., Савелло Е.В. Лингвокультурологический принципа перевода метафор в малых произведениях Стивена Кинга (на примере рассказов “The Apt Pupil” и “Rainy Season”). Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 2 С. 73–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-73-92

Статья поступила в редакцию 21.03.2024;
одобрена после рецензирования 18.06.2024;
принята к публикации 08.07.2024.

SEARCH FOR THE LINGUOCULTUROLOGICAL PRINCIPLE OF TRANSLATING METAPHORS IN STEPHEN KING’S SMALL WORKS (BASED ON STORIES “THE APT PUPIL” AND “RAINY SEASON”)

Olesya S. Makarova

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

Gayane E. Markosyan

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena V. Savello

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

For contacts: o-ss@mail.ru; galia22@mail.ru; elena.savello@mail.ru

Abstract: This article analyzes the creative heritage of the American writer Stephen King who has become famous for his works in the genres of horror literature and dark fantasy. In the course of the study, the authors study semantic, functional, structural metaphors, their stylistic and linguocultural features using the example of Stephen King’s stories “The Apt Pupil” and “Rainy Season”. The research methodology is based on a comparative analysis of the original works and translations by Russian linguists S.E. Task, M.V. Opaleva, V.V. Antonov, I.G. Pochitalin, B.G. Lyubartsev, V.A. Weber. The chronological framework of

© Makarova O.S., Markosyan G.E., Savello E.V., 2024

the study covers the period of the conceptualization of Stephen King's work (translations by S.E. Task and I.G. Pochitalin) from 1991 to the latest experiments in the linguocultural rethinking of the comparative method (translation by V.V. Antonov) in 2012–2013. The main course of the study directed at analyzing the characteristic features of original metaphors and their translation forms, which lose and gain unique cultural features in comparison with the context in English. This approach clearly demonstrates not only the diversity of the author's idiosyncrasy, which touches on both the mystical-religious and personal feelings of the modern man, but also the acute social problems of modern society. It allows us to trace the emergence of new meanings in translated forms of metaphors. The results of the study show that quite often translators of Stephen King, trying to adapt the text, lose flexibility.

Keywords: idiosyncrasy, principle of translation, metaphor, comparison, expressiveness, artistic myth, narrative plan

For citation: Makarova O.S., Markosyan G.E., Savello E.V. (2024). Search for the linguoculturological principle of translating metaphors in Stephen King's small works (Based on stories "The Apt Pupil" and "Rainy Season") Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 73–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-73-92

The article was submitted on March 19, 2024;
approved after reviewing on June 18, 2024,
accepted for publication on July 08, 2024.

Введение

Проблема исследования творческого наследия С. Кинга имеет высокую актуальность. «Король ужасов» уже не раз доказывал, что влияние мистико-эмоциональных элементов стиля на восприятие читателя может быть использовано как в контексте жанровых особенностей хоррора, так и за его пределами. С. Кинг начинал как писатель-нон-фикшн (малой прозы). Известны такие произведения малой прозы мастера, как «Способный ученик» и «Сезон дождя». В каждом из этих рассказов С. Кинг экспериментировал с новыми для себя средствами выразительности, открывая неординарные способы их сочетания. Тем не менее, его излюбленным средством всегда оставалась метафора.

Метафора — это слово или выражение, употребляемое в переносном значении. В основе метафоры лежит сравнение двух предметов, явлений или частей одного события с целью наделения общими признаками. Метафора может использоваться как при

сопоставлении определённых качеств, чтобы показать явное сходство, так и при анализе неочевидных признаков, которые на первый взгляд никак не проявляются.

Более обобщённые исследования и опыт перевода российских лингвистов уже позволили глубже понять и сущность творчества С. Кинга, сформировав базовое представление о его подходе к малой прозе: рисуя мистическую картину мира, писатель вовсе не стремился запугать читателя, вызвать всепоглощающее чувство тревоги и опасности, как Г. Лавкрафт, а только обратить внимание на укрощающие черты действительности с помощью мистификации и своеобразных метафор. Как правило, многие произведения С. Кинга по своей структуре являются остросоциальными. Например, касаясь героического прошлого человечества в серии рассказов «Четыре сезона», С. Кинг также обращает внимание на проблемы научно-технического прогресса, будущего глобальной цивилизации, политической жизни в США и перемен в обществе, последствий неконтролируемой урбанизации и безграничной власти.

Актуальность исследования заключается в необходимости пересмотра сложившегося переводоведческого подхода к изучению малой прозы С. Кинга в целом, а также сопоставительного лингвокультурного анализа произведений американских писателей в жанре хоррора или мистического рассказа. Лингвокультурологический принцип перевода при применении сравнительного метода даёт возможность ощутить всю полноту жанрового своеобразия и образов героев С. Кинга, в которых, как утверждают многие зарубежные литературоведы, гораздо больше от готики, нежели от хоррора как такового.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования материалов работы в дальнейшем изучении прозаического наследия С. Кинга как одного из ярчайших представителей современной американской литературы. Результаты исследования можно использовать при создании переводческой модели, основанной на сравнительном и сопоставительном методах, а также учитывающей лингвокультурологический принцип перевода при работе с такими жанрами, как хоррор, тёмное фэнтези и фантастика. В методическом плане материал статьи в целом представляет ценность для программ по филологическим и литературоведческим дисциплинам в рамках высшего учебного заведения.

Новизна исследования заключается в сравнительном анализе оригинала ранних рассказов С. Кинга и их наиболее удачных переводов. Как правило, дуализм и многослойность типичного

для С. Кинга жанра хоррор/фэнтези часто вызывает затруднения у лингвиста как при работе над переводом. Для того чтобы раскрыть лексико-семантические особенности текста, проанализировать идиостиль автора, научиться трактовать авторский текст и соотносить его с собственной внутренней логикой, необходимо понять, каким образом морально-этическая и техническая стороны актуализируются в сюжетных событиях и в моральном кодексе протагониста. Суть данного подхода и выражает лингвокультурологический принцип перевода.

Цели статьи

Целью данного исследования является анализ переводов популярной малой прозы в раннем творчестве С. Кинга с композиционной, стилистической и лексико-семантической позиций.

Задачи исследования включают в себя:

- 1) анализ наиболее удачных переводов рассказов и других произведений малой прозы С. Кинга, их стилистики, лексики и семантики;
- 2) определить степень адаптивности/гибкости и уникальных особенностей наиболее удачных переводов С. Кинга на русский язык;
- 3) определить степень удачности переведённых метафор с точки зрения лингвокультурологии и теории перевода.

Анализируемый языковой материал включает в себя два рассказа — “The Apt Pupil” / «Способный ученик» (ориг. 1982) и “Rainy season” / «Сезон дождя» (ориг. 1989), в которых автор применяет сходные по типу и концептуальному многообразию метафоры для обращения к реалистическому и мистическому планам повествования.

Источниковой базой исследования служат переводы данных рассказов, а именно:

- 1) переводы рассказа “The Apt Pupil”:
 - перевод С.Э. Таска («Главный интерес») 1991 г.;
 - перевод М.В. Опалевой («Ученик дьявола») 1996 г.;
 - перевод В.В. Антонова («Способный ученик») 2012 г.;
- 2) переводы рассказа “Rainy season”:
 - И.Г. Почиталина («Сезон дождя») 1994 г.;
 - Б.Г. Любарцева («Сезон дождей») 1995 г.;
 - В.А. Вебера («Раз в семь лет») 2000 г.

При анализе оригинальных рассказов были использованы лингвистические методы, среди которых особенно важно отметить кон-

текстный метод, направленный на разбор адаптивности и гибкости перевода посредством изучения специфики конкретного отрывка текста и его лингвокультурной основы.

Сравнительный и сопоставительный методы в переводоведении по праву считаются основными. Сравнение переводов одного и того же текста — удачный способ критики имеющихся переводов с целью приближения переведённого текста к оригиналу. Однако не менее важным направлением является возможность использования сравнительного и сопоставительного методов при анализе двух произведений со схожими ключевыми идеями, сюжетом, или, как в нашем случае, с единой мифологией — мономифом. В случае с произведениями С. Кинга, апеллирующим либо к мифологии Г. Лавкрафта, либо к народным поверьям, приметам и фольклору, такой подход можно считать наиболее удачным (Трофимова, 2019: 820).

При работе с художественными текстами сравнительный метод позволяет предельно точно определить их жанровую принадлежность и стилистические особенности. Поскольку многие авторы опираются на творческое наследие предыдущих поколений, в их трудах часто встречаются отсылки или перифразы, позволяющие читателю проследить связь между несколькими разными произведениями. Например, С. Кинг в своём раннем творчестве подражает Э.А. По, А. Бирсу и Н. Готорну (Зубинова, 2017: 60).

Делается это автором намеренно или нет, наиболее прочные внутритекстовые связи образуют линию преемственности в том случае, если наблюдаются сходства:

- 1) в жанре нескольких произведений;
- 2) в ракурсе повествования и формуле конфликта;
- 3) в структуре художественных текстов;
- 4) в некоторых средствах художественной выразительности.

1. Обзор литературы

При обращении к творчеству С. Кинга многие переводческие опыты затрагивают либо стилистику и идиостиль автора, либо характерные особенности отдельно взятого произведения и используемые в нём фигуры речи. Среди исследователей, наиболее близко подошедших к анализу метафоры в произведениях малой прозы С. Кинга можно назвать Ю.М. Трофимову, занимавшуюся анализом раннего творчества писателя в рамках сравнения и сопоставления рассказов на социальную тематику (Трофимова, 2019), а также С.С. Тахтарову, впервые создавшую целостную характеристику

идиостиля автора на примере рассказов и прозаических миниатюр (Тахтарова, 2018).

Отдельно следует выделить работы А.Ш. Зубиновой, считающую, что автор в своих современных работах не только решительно изменил стиль, — специально для написания «нового поколения» рассказов, — но и создал новое художественное пространство, не трансформировавшее места и события из лавкрафтовских и готторновских сцен (Зубинова, 2017). Так, опираясь на исследование А.Ш. Зубиновой, Т.И. Яковенко приходит к выводу, что, с точки зрения лингвокультурологии, автор меняет не только типы и виды метафор, но и их характерные особенности, исходя из направления конкретного произведения. Всего таких направлений можно выделить три — мистическое, социальное и мистико-социальное. В каждой конкретной работе метафора является функциональным, номинативным, образно-когнитивным, генерализирующим и структурным компонентом при создании эмоциональной атмосферы. Например, метафора может передавать сопереживание protagonista или опасение за его судьбу (Яковенко, 2021).

Анализ двух избранных произведений-оригиналов и шести переводов осуществляется через последовательное обращение к языковым источникам.

Критерии перевода: 1) идейно-образный уровень анализируемого рассказа в оригинале и переводах; 2) связи между метафорами; 3) адаптивность перевода в зависимости от простоты восприятия; 4) гибкость перевода — создание подходящей эмоциональной атмосферы без потери смысла; 5) использование подходящих для сравнения слов-концептов, фраз и оборотов; 6) перенос смысла слов, передача нагрузки/оттенка всего предложения; 7) верность передачи социального, культурного или личностного смысла оригинальных метафор.

2. Типы метафор и их использование автором

Возможности метафоры практически безграничны для передачи того или иного смысла: метафора аккумулирует содержание большого отрезка текста, выделяя характерный признак описываемого предмета, события, явления или человека и помещая его, таким образом, в пространство синтагмы — наиболее важной части предложения (Лакофф, 2004). При этом автор использует не денотативное, а коннотативное значение слов. Эти слова автоматически обогащаются концептуально и прагматически. Метафора позволяет автору имплицитно показать отношение к предмету, о котором

идёт речь, поэтому право создания эмотивного отношения остаётся полностью за читателем. Кроме того, метафора любого типа и вида способна индивидуализировать предмет или обобщить его, создав коннотативные связи с другими предметами и явлениями, и даже передать черты предметов другого плана. Стивен Кинг очень часто пользуется этой особенностью метафоры, даже в заглавиях рассказов (Кинг, 2023).

Например, в названии рассказа «Возвратившийся Каин» (ориг. “Cain Rose Up”) присутствует слово “rose”, который имеет самые различные переводы: существительное «роза», прилагательные «розовый» и «розоватый», а также причастия «цветущий» и «возвращающийся», дополняемые английскими глаголами и наречиями. Так, “rose up” передаёт полную форму русских глаголов «цвести» и «возвращаться» в значении «восходить ввысь», но только в оригинале сохраняется параллель между Каином и розой-эмпиреем как двумя популярными символами христианства, передающими идею о пришествии грешника и о его восхождении в ангельском хоре “Empyrean”. Эта языковая специфика и тонкость метафоры полностью теряются при переводе. Другое дело — рассуждать о том, можно ли было перевести данную фразу без потери смысла на русский язык. Метафора вносит хаос в повествование, обновляя содержание смыслов известных, привычных вещей, отсылая нас не столько к рациональному, сколько к эмоциональному, творческому (Кинг, 2023).

Российский лингвист В.П. Москвин в своё время предложил следующую типологию первичных метафор:

- 1) семантическую, основанную преимущественно на поиске смыслов двух предметов;
- 2) функциональную, восходящую к постоянной динамике текста;
- 3) структурную, нацеленную на содержание, качество и контраст сравниваемых предметов. Остальные метафоры являются вторичными и, как правило, основываются на параметрах субъекта/объекта сравнения при их переносе (Москвин, 1997).

Метафора — это выразительное средство, переносящее свойство одного предмета на другой. В рамках своего творчества С. Кинг чаще всего пользовался метафорой в повествовании, когда объект, о котором идёт речь, ассоциируется с другим объектом, между ними проводится прямая или косвенная параллель. Таким образом, можно сказать, что С. Кинг использует метафору ком-

плексно, вместе с синтаксическим параллелизмом и сравнением. Другим излюбленным выразительным средством автора является металепис, или двойная метафора, — она, как ясно из названия, может либо дважды перенести свойства одного объекта, либо скрыть переносимые свойства в третьем объекте, о котором не было ничего сказано (Лакофф, 2004: 102). В литературе ужасов метафора обычно используется для повышения уровня изобразительности с помощью вспомогательных средств (как было отмечено ранее на примере сравнения и параллелизма), но С. Кинг, создавая ассоциации у читателя, применяет «выразительные» метафоры в атмосфере ужасного и пугающего (в плане мистики и социального напряжения). Прочая спецификация конкретных типов и видов метафоры зависит от контекста (Москвин, 1997: 15).

Семантическая метафора направлена на сравнение субъекта/объекта с чем-то, что является близким или далёким по значению. В первом случае речь идёт о двух вещах, которые очевидно схожи, автор же (от своего лица или от лица персонажа) стремится это подчеркнуть и выделить в тексте. Здесь играет роль основной субъект/объект (эксплицитно сравниваемый) и очевидно схожий с ним вспомогательный субъект/объект.

В рассказе «Способный ученик», описывающем то, как молодой человек ради собственной выгоды заключил сделку с дьяволом, Стивен Кинг часто использовал семантическую метафору. Она была необходима для пространственного моделирования повседневных ситуаций и придания живости повествованию: “Dussander was staring at him, one hand rubbing up and down on his cheek, producing a very small sandpapery sound” (Кинг, 2023). В переводе В.В. Антонова метафора наиболее удачно передаёт смысл метафоры: «Дюссандер оторопело смотрел на него, потирая ладонью щеку. Звук был такой, будто он проходил по ней наждачной бумагой» (Кинг, 2019: 114). Однако важно отметить, что этот перевод направлен на искусственное моделирование эмоций через гиперболизированное восприятие сравниваемых объектов. Такой эффект получился из-за того, что переводчик намеренно опустил прибавку “a very small...”, тогда как автор стремился показать тонкое, неприятное ощущение ситуации ожидания Дюссандером своего спутника. Те же самые варианты перевода обнаруживаются и М.В. Опалевой, тогда как С.Э. Таск полностью убрал эпизод с ожиданием, сочтя его ненужным для сюжета.

Второй вид семантической метафоры подразумевает сравнение вещей, которые очевидно сходны, но при этом далеки по денота-

тивному или коннотативному значению, что создаёт иллюзию, будто два слова или две фразы не могут быть в сущности одинаковы. Здесь основной субъект/объект сравнивается имплицитно, а формула переноса намекает на это иронично.

В рассказе «Сезон дождя» автор создаёт фантастическую картину США в период начала крупной природной катастрофы, чтобы показать бессилие человека перед превосходящими его силами. В этом рассказе Стивен Кинг часто применял скрытую семантическую метафору для нарочитого повествования, тонкой передачи чувств и ощущений главных героев. Например, в самой завязке автор проводит параллель между головной болью человека, пережившего схватку со стихией и человека, столкнувшегося с силами закона: “He sealed his cigarette and stuck it in his mouth. John waited to see if it would fall apart, as the other one had. He felt mildly disoriented by all this, as if he had walked unknowingly into some bucolic version of the CIA” (Кинг, 2023). Наиболее удачно на русский язык эти чувства сумел передать И.Г. Почитайлин в переводе 1994 года: «Он лизнул самокрутку и сунул её в рот. Джон ожидал, что она развалится, как и предыдущая. У него голова шла кругом из-за всего этого, словно он случайно вошёл в городское отделение ЦРУ» (Кинг, 1994: 335).

Совершенно иные стилистические особенности передаёт функциональная метафора — она исходит из того, с какой целью автор проводит параллель между двумя событиями, явлениями и т.д. Данный тип метафоры позволяет задать высокую динамику повествованию, поскольку автор с её помощью активно развивает сюжет.

В рамках своего жанра Стивен Кинг использует функциональную метафору для развития атмосферы «таинственного», «пугающего» и «ужасного» в самых различных направлениях. Хоррор, являясь составным элементом многочисленных сказок и легенд, баллад и древних хроник, религиозных произведений, уже бессознательно ассоциируется у широкого читателя с различными ритуалами, источниками колдовского характера из эпохи «Тёмного Средневековья». Примерно 600–700 лет назад вера в сверхъестественное сурово наказывалась церковью, что поддерживало существование комплекса табу и делало тему ужасов одновременно запретной и крайне интересной (Тахтарова, 2018: 142).

Вполне наглядно данное применение функциональной метафоре можно наблюдать в рассказе «Способный ученик»: “Trembling uncontrollably, he looked at the sleeping form in the other bed. He found himself staring particularly at the wrinkled, caved-in mouth. Old tiger

with no teeth. Ancient and vicious rogue elephant with one tusk gone and the other rooted loose in its socket. Senile monster” (Кинг, 2023). Вот как это перевела М.В. Опалева: «...Он проснулся — его всего колотило — и уставился на спящего соседа. Чёрный провал рта. Не то обеззубевший тигр, не то одряхлевший боевой слон, растерявший свои мощные бивни. Вышедший в тираж монстр» (Кинг, 1996: 146). Подряд идущие метафоры дополняют и обогащают образ соседа главного героя, ставшего жертвой дьявольского договора. Этот образ в переводе М.В. Опалевой не только по-своему адаптирует значение наиболее ярких фраз (“caved-in mouth”, “old tiger with no teeth”, “vicious rogue elephant”), но и сохраняет гибкость. Это хорошо показывает, что смысл даже непереводаемых выражений может быть передан с помощью подготовленной переводчиком метафоры-замены.

Последний тип метафоры — структурная. В творчестве Стивена Кинга она направлена на воссоздание привычных (вечных) образов и критику сложившихся стереотипов. Различают стёртую и контрастную структурные метафоры, отличающиеся по степени расочности сравниваемых слов или фраз.

В этой связи представляется уместным выделить несколько примеров того, как Стивен Кинг использует структурные метафоры. Например, в рассказе «Сезон дождя» главные герои, при обсуждении надвигающейся бури, сравнивают дождь из жаб с монологом Стивена Райта, известного актёра, прославившегося своим злословием: “Really-really. I mean, hey — every seven years it rains toads in Willow, Maine? It sounds like an outtake from a Steven Wright monologue” (Кинг, 2023). Вот как эта метафора передана в переводе В.А. Вебера: «Безусловно. Эй, послушай, я хочу сказать — каждые семь лет на Уиллоу, штат Мэн, обрушивается дождь из жаб. Звучит, словно отрывок из монолога Стивена Райта» (Кинг, 2000: 8). Несмотря на относительно нейтральную (по сравнению с оригиналом) лексику, В.А. Вебер сумел передать смысл прямой речи. Так, мы видим, что и в оригинале, и в переводе присутствует особый элемент авторского стиля, привносящего толику юмора в пугающую атмосферу хоррора, что достигается именно благодаря метафоре.

3. Проблема стилизации и перевода метафор

Рассмотрим стилистический аспект применения метафор и вспомогательных средств автором с опорой на его идиостиль, отражающий оригинальное сочетание хоррора и элементов тёмного фэнтези. С помощью анализа идиостиля Стивена Кинга мы сможем

подтвердить, что по своему стилистическому своеобразию метафоры автора касаются, прежде всего, социального контекста и ментальных качеств типичного представителя американского общества, и только затем — мистико-эмоционального аспекта текста.

Стоит отметить, что во многих произведениях малой прозы автора метафора, сравнение, металепсис и синтаксический параллелизм применяются комплексно — для поддержания атмосферы сверхъестественного ужаса.

Эта особенность свойственна как завязке сюжета, его раннему развитию, так и кульминации, что означает склонность автора к использованию зеркальных, повторяющихся приёмов. Они помогают соединить два плана повествования, правильно умолчать, чтобы читатель сам смог додумать, в чем содержание мистического плана, чем он пересекается с реалистическим по ряду аспектов.

Таким образом, не автор, а сам читатель создаёт «мир страха» — на основе того, что он сам считает пугающим. Напряжённость достигается С. Кингом благодаря метафорическим словообразованиям в рамках создания вымышленного мира или вымышленных существ. Например, автор часто включает в реалистический план повествования исторические прототипы мутантов, прокажённых, безумцев и т.д. Даже в названиях некоторых крупных произведений используются имена вымышленных существ («Лангольеры», «Томминокеры»). Метафорические словообразования вызывают напряжённость с помощью слияния (“I-do-this-every-night”), а уже менее абстрактный образ (“byrus-virus”) создаёт аффиксацию. Наконец, метафора-конверсия завершает создание эмоциональной атмосферы: “...but at the moment the why did not matter” (Кинг, 2023).

Как справедливо отмечала А.Ш. Зубинова, метафора — излюбленное средство выразительности С. Кинга. Она может быть использована для самых различных решений при переходе от «плавного», «мягкого» повествования к «резкому» и «тяжёлому». При постановке диалога между главным героем и персонажем, застигнутым врасплох явлением мистического плана, метафора выполняет оценочную функцию. Эмоциональная насыщенность текста определяется эпитетами и метафорами, но эмотивность как психологическая составляющая текста — достижение автора, правильно использующего метафору в отрыве от классических конструкций (Зубинова, 2017: 60).

Саспенс и различные виды эмоциональной атмосферы, поддерживающие страх и отторжение, панику, могут быть реализованы с помощью временного облегчения и разделительной паузы. Ме-

тафора в этом случае используется, когда говорящий специально умалчивает об объекте на стыке мистического и реалистического плана повествования.

Соединение метафоры и параллелизма или парцелляции является столь же важным средством поддержания атмосферы ужаса. Т.И. Яковенко и Ю.М. Трофимова считают, что такой набор выразительных средств даёт наибольшее творческое пространство автору, в этом пространстве реализуются его ключевые задумки, базовые идеи, которые могут быть восприняты читателем интонационно или, например, с помощью аффективной речи. Семантические конструкции в этом случае обуславливают напряжённую обстановку за счёт широкого спектра эмоций второстепенных персонажей. Главный герой здесь обычно оказываются в роли «последнего выжившего» (Трофимова, 2019; Яковенко, 2021).

Т.И. Яковенко в своей характеристике разделяет характерную для литературы ужасов метафору на три группы, в зависимости от описательной характеристики. Первая группа включает в себя нейтральные метафоры, соответствующие атмосфере «удивительного» ужаса. Вторая группа включает наиболее эмоциональные метафоры, отражающие специфику атмосферы «сверхъестественного» ужаса в духе лавкрафтовских рассказов. В третью группу входят метафоры-словосочетания, объективно описывающие ситуацию и в то же время выражающие субъективное восприятие этой ситуации, выполняя при этом эмоционально-экспрессивную функцию. Она объединяет в себе характеристики двух предыдущих групп атрибутивных словосочетаний благодаря атмосфере «фантастического» ужаса (Яковенко, 2021).

Отсюда следует заключить, что метафору можно воспринимать и как особый вид акцентирования, который придаёт повествованию особое психологическое напряжение. Особенностью такой метафоры является тот факт, что остановка в речи персонажа является ненамеренной. Говорящий слишком взволнован или просто не в силах продолжать высказывание. Декомпозиция также строится на опущении, разбивая предложения на отдельные фрагменты. Приведём пример из рассказа «Способный ученик»: “Dussander’s sleep was uneasy; he lay in a trench of bad dreams. THEY were breaking down the fence. Thousands, perhaps millions of them” (Кинг, 2023). На русском языке психологическое напряжение хорошо передано в переводе С.Э. Таска: «Дюссандера мучили кошмары. ОНИ обрушились на проволочное ограждение. Их были тысячи, если не миллионы» (Кинг, 1991: 168).

4. Результаты и дискуссия

На данном этапе был проведён сравнительный анализ двух оригинальных произведений и шести переводов на стилистические, лингвокультурные особенности каждого типа метафор. Исходя из избранной нами методологии, были проанализированы основные особенности лексики и семантики, а также лингвокультурный потенциал вариантов каждого текста избранных рассказов.

При сравнении наиболее значимых характеристик, повлиявших на выбор переводчиков в пользу гибкости или адаптивности, были выделены такие параметры, как сохранение культурных кодов слов-концептов, передача денотативного и коннотативного смыслов слов, укорачивание или удлинение фраз и предложений с метафорой, качество воспроизведения эмоционального оттенка речи рассказчика/персонажа.

Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставительный анализ переводов

Рассказ	Переводчик	Семантические метафоры	Функциональные метафоры	Структурные метафоры
“The Apt Pupil”	С.Э. Таск	Культурные коды сохранены, смыслы переданы верно, но многие предложения с метафорами укорочены в пользу адаптивности перевода	Культурные коды слабо воспроизведены, общий смысл сохраняется в коротких предложениях с метафорой, а перевод имеет нормальную адаптивность, но не гибкость	Культурные коды хорошо воспроизведены, общий смысл передан верно, перевод с приоритетом на адаптивность, а не гибкость
	М.В. Опалева	Культурные коды адаптированы в соответствии с русскими аналогами, смысл сохраняется чаще в коротких предложениях, правильная адаптивность при сохранении гибкости	Культурные коды слабо воспроизведены, смысл передан верно, метафоры отлично адаптированы, высокий уровень гибкости перевода	Культурные коды адаптированы с помощью русских аналогов, смысл сохраняется в коротких предложениях, в длинных метафоры часто теряются, хорошая адаптивность

	В.В. Антонов	Культурные коды хорошо воспроизведены, общий смысл передан верно, упор сделан на гибкость	Культурные коды воспроизведены на высоком уровне, что полностью передаёт смысл оригинала, баланс между гибкостью и адаптивностью	
“Rainy season”	И.Г. Почиталин	Культурные коды отражают стремление автора найти возможный аналог без видимой необходимости, смысл передан частично	Культурные коды переданы слабо, смысл частично сохраняется в простых метафорах, но теряется в сложных	Культурные коды хорошо воспроизведены, но смысл оригинала невозможно проследить без наглядного сравнения
	Б.Г. Любарцев	Культурные коды сохранены, смыслы переданы верно, но многие предложения с метафорами удлинены	Культурные коды слабо воспроизведены, но общий смысл передан верно	
	В.А. Вебер	Культурные коды хорошо воспроизведены, общий смысл передан верно. Соблюдён баланс между адаптивностью и гибкостью	Культурные коды относительно верно воспроизведены, смысл передан верно. Строгий баланс	Культурные коды заменены, смысл близок к оригиналу. Строгий баланс

Исходя из табличных данных, можно судить о склонности переводчиков уделять большее внимание адаптивности, а не гибкости. Большинство авторов, за исключением В.А. Вебера, в целом не стремились соблюсти баланс, они предпочитали использовать интуитивный способ перевода и часто намеренно игнорировать лингвокультурный принцип.

Таким образом, полагаясь на оригинальный размер и мотив, переводчики С.Э. Таск, В.В. Антонов и Б.Г. Любарцев получили совершенно разные результаты, в то время как М.В. Опалева, И.Г. Почиталин и В.А. Вебер скорее сохранили уникальные лингвокультурные особенности метафор (и всего текста в принципе). Они не ставили перед собой цель сохранить все оригинальные конструкции.

Именно этот подход позволяет читателю (даже незнакомому с жанром литературы ужасов) сделать повествование актуальным для себя, о чем свидетельствует большое количество переизданий только тех переводчиков, которые создали собственную интерпретацию произведений, понятную и интересную.

Заключение

Итак, при анализе примеров применения семантической, функциональной и структурной метафор в произведениях малой прозы Стивена Кинга становится ясно, что метафора в литературе ужасов может создавать разные виды эмоциональной атмосферы личного пространства героев:

1. Атмосферу «сверхъестественного» ужаса, ретранслирующую пугающие героя события, нарушающие логику повествования, но расширяющие инструментарий изобразительных и — иногда — выразительных средств.

2. Атмосферу «удивительного» ужаса, ретранслирующей феномены двух планов повествования. В случае с творчеством С. Кинга, это обычно реалистический и мистический планы, содержащие личностный или социальный подтекст.

3. Атмосферу «фантастического» ужаса, содержащей черты как хоррора, так и классической фантастики. Такой формат предлагает альтернативу повествования, где читатель сам для себя принимает сверхнормы или паранормальные нормы определенного явления: то, как трактовать происходящее в определённом отрывке текста.

Для каждого вида эмоциональной атмосферы, которая конструируется с помощью метафоры, можно подобрать несколько общих ощущений страха главного или второстепенного героя, передающих функциональный аспект. Ориентация на страх, заложенная в каждом проанализированном варианте переводов, является необходимой, но не обязательной. Например, М.В. Опалева использует повышенную функциональность метафоры, чтобы обобщить чувство страха и сконцентрироваться на личностном контексте: раскрыть характер героев, показать их переживания, связанные с личными проблемами. Такой подход в своё время сделал переводы автора наиболее популярными по сравнению с другими авторами, специализировавшимися на литературе ужасов.

Лингвокультурная значимость вполне была передана в каждом из проанализированных переводов, хотя в каждом из них присутствовали существенные различия. В переводах «Способного ученика» авторы горели желанием сохранить культурные коды несмотря

на то, что адаптивность часто превалировала над гибкостью. Это связано с тем, что некоторые «неудобные» особенности текста на английском языке было практически невозможно правильно перевести без имитации, доместикации оригинала.

Так, например, С.Э. Таск в переводе «Главного интереса» преследовал цель сохранить образность ради правильного восприятия метафор, а М.В. Опалева уделяла большее внимание подбору правильных альтернатив под специфику русской лингвокультуры. Наиболее выделяется перевод В.В. Антонова, совершенно не характерный для своего времени тем, что автор пытался добиться «всего и сразу», в итоге занял некую промежуточную позицию.

На примере утверждённого комиссией русского варианта «Сезон дождя» заметно, что лингвисты приложили больше усилий для сохранения уникальных культурных кодов оригинала. Повествование окутано атмосферой ужаса и разворачивается в виде непрерывной серии угроз здоровью, безопасности и жизни героев. Мрачная, зловещая сцена действия поддерживает общую атмосферу таинственности и страха. И, несмотря на то, что И.Г. Почиталин и Б.Г. Любарцев сумели найти способы правильного перевода метафор, адаптивность перевода вновь вышла на первый план. Поэтому только В.А. Вебер соблюдал баланс между адаптивностью и гибкостью.

Отсюда можно заключить, что из шести переводов один был построен на сравнительном анализе и лингвокультурологическом принципе, и он получился наиболее успешным как с позиции коммерческой выгоды, так и с точки зрения полноты передачи художественного пространства. Данный факт позволяет сделать вывод, что использование лингвокультурологического принципа может быть не только прибыльным при выпуске готовой продукции (чтобы заинтересовать читателя), но и правильным в контексте повседневной практики профессионального переводчика.

Список литературы:

Зубинова А.Ш. Идиостиль С. Кинга // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 58–63.

Кинг С. Главный интерес / пер. с англ. С.Э. Таска // Звезда, 1991. № 8. С. 151–184.

Кинг С. Раз в семь лет / в сборнике: Ночные кошмары. Том 2 // пер. с англ. В.А. Вебера. М.: АСТ, 2000. С. 3–26.

Кинг С. Сезон дождей / в сборнике: Кошмары и фантазии // пер. с англ. Б.Г. Любарцева. Львов: Хронос, 1995. С. 369–390.

Кинг С. Сезон дождя / в сборнике: Ночные кошмары и фантастические видения // пер. с англ. И.Г. Почिताлина. М.: Мир, 1994. С. 333–351.

Кинг С. Способный ученик / в сборнике: Четыре сезона // пер. с англ. В.В. Антонова. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 111–312.

Кинг С. Ученик дьявола / в сборнике: Копилка сатаны // пер. с англ. М.В. Опалевой. Харьков: Платан, 1996. С. 111–316.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учебное пособие к спецкурсу по стилистике / В.П. Москвин. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 1997. 92 с.

Трофимова Ю.М. Сравнительный анализ художественных переводов: методический аспект // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 28 марта 2019 года. Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2019. С. 819–826.

Яковенко Т.И. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода / Т.И. Яковенко, А.М. Шайхалиева // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 200–208.

Stephen King's Official Website (2023). URL: <https://stephenking.com/index.html> [date of the application: 03.10.2023].

Takhtarova S.S. The main characteristics of Stephen King's idiosyncrasy // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. Vol. 17. No. 3. P. 139–147.

References:

King S. (1991) Glavnyj interes = The Apt Pupil, trans. from English S.E. Task, *Zvezda*. No. 8, pp. 151–184 (In Russian).

King S. (1994) Sezon dozhdya = Rainy season, in collection: Nochnye koshmary i fantasticheskie videniya = Nightmares and Dreamscapes, trans. from English I.G. Pochitalin. Moscow: Mir, pp. 333–351 (In Russian).

King S. (1995) Sezon dozhdej = Rainy season, in collection: Koshmary i fantazii = Nightmares and fantasies, trans. from English B.G. Lyubarcev. L'vov: Hronos, pp. 369–390 (In Russian).

King S. (1996) Uchenik d'yavola = The Apt Pupil, in collection: Kopilka satany = Satan's Piggy Bank, trans. from English M.V. Opaleva. Har'kov: Platan, pp. 111–316 (In Russian).

King S. (2000) Raz v sem' let = The Apt Pupil, in collection: Nochnye koshmary = Nightmares. Vol. 2, trans. from English V.A. Weber. Moscow: AST, pp. 3–26 (In Russian).

King S. (2019) Sposobnyj uchenik = The Apt Pupil, In collection: Chetyre sezona = Different Seasons, trans. from English V.V. Antonov. Moscow: Izdatel'stvo AST, pp. 111–312. (In Russian).

Lakoff Dzh. (2004) Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live by, trans. from English, edit., for. A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS. 256 p. (In Russian).

Moskvin V.P. (1997) *Russkaya metafora. Semanticheskaya, strukturnaya, funktsional'naya klassifikatsiya: uchebnoe posobie k speckursu po stilistike* = Russian metaphor. Semantic, structural, functional classification: a textbook for a special course on Stylistics. Volgograd: Izdatel'stvo VGPU "Peremena". 92 p. (In Russian).

Stephen King's Official Website (2023). URL: <https://stephenking.com/index.html> = date of the application: 03.10.2023.

Takhtarova S.S. (2018) The main characteristics of Stephen King's idiosyncrasy. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. Vol. 17. No. 3, pp. 139–147.

Trofimova Yu.M. (2019) *Sravnitel'nyy analiz hudozhestvennykh perevodov: metodicheskij aspekt* = Comparative analysis of literary translations: methodological aspect, Linguistics, perevodovedenie i metodika obucheniya inostrannym yazykam: aktual'nye problemy i perspektivy: sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, 28 March, 2019. Oryol: Orlovskij gosudarstvennyj universitet imeni I.S. Turgeneva, pp. 819–826. (In Russian).

Yakovenko T.I. (2021) *Sposoby perevoda metafor v zarubezhnoj teorii perevoda* = Methods of translating metaphors in foreign translation theory. *Gumanitarnye i social'nye nauki*. No. 4, pp. 200–208 (In Russian).

Zubnova A.Sh. (2017) Idiostil' S. Kinga = S. King's Idiosyncrasy. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 58–63 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Макарова Олеся Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, ул. Ленина 417; o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Маркосян Гаянэ Эмилбаровна — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; galia22@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-9137-8046

Савелло Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; elena.savello@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4897-730X

ABOUT THE AUTHORS:

Olesya S. Makarova — Candidate of Philology, associate professor, foreign language teacher (English), Associate Professor, Stavropol State Pedagogical, Stavropol, Lenin St. 417; o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Gayane E. Markosyan — Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, North Caucasus Federal University, Stavropol; galia22@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-9137-8046

Elena V. Savello — Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, North Caucasus Federal University, Stavropol; elena.savello@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4897-730X

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-93-105

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
МИШКУРОВ Э.Н., НОВИКОВА М.Г.
«ПЕРЕВОДИМОСТЬ — НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ:
БЫЛОЕ И ДУМЫ... = TRANSLATABILITY —
UNTRANSLATABILITY: YESTERYEARS
AND THOUGHTS...»: МОНОГРАФИЯ.
М. (МОСК. ГОС. УН-Т, ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА):
ФЛИНТА, 2024. 248 с.**

Анна Александровна Лебедева

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Для контактов: lebsuch@yandex.ru

Для цитирования: Лебедева А.А. Рецензия на монографию: Мишкур-
ов Э.Н., Новикова М.Г. «Переводимость — непереводимость: былое и
думы... = translatability — untranslatability: yesteryears and thoughts...»: монография. М. (Моск. гос. ун-т, Высшая школа перевода): Флинта, 2024. 248 с. // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 2. С. 93–105. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-93-105

Статья поступила в редакцию 28.01.2024;
принята к публикации 02.04.2024.

**MONOGRAPH REVIEW: MISHKUROV E.N.,
NOVIKOVA M.G. “TRANSLATABILITY —
UNTRANSLATABILITY: YESTERYEARS AND
THOUGHTS...”: MONOGRAPH. M. (HIGHER SCHOOL
OF TRANSLATION AND INTERPRETING. LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY): FLINTA, 2024. 248 p.**

Anna A. Lebedeva

The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

For contacts: lebsuch@yandex.ru

For citation: *Lebedeva A.A. (2024) Monograph Review: Mishkurov E.N., Novikova M.G. “Translatibility — untranslatibility: yesteryears and thoughts...”: monograph. M. (Higher School of Translation and Interpreting. Lomonosov Moscow State University): Flinta, 2024. 248 p. // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2. P. 93–105. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-93-105*

The article was received on January 28, 2024;
accepted for publication on April 02, 2024.

Авторы рецензируемой монографии — доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Э.Н. Мишкuroв и доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета правосудия М.Г. Новикова — известны своими монографиями и статьями по разнообразным вопросам теории и практики перевода, в том числе и по искомой проблематике — «переводимости — непереводимости».¹

¹ *Мишкuroв Э.Н.* Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): монография. М.: Военный университет, 2018; *Новикова М.Г.* Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода: монография, 4-е изд. стереотипное. М.: Флинта, 2023; а также см. совместную монографию «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении» (М.: Флинта, 2020) и ряд статей, написанных в соавторстве по проблемам «переводимости — непереводимости», опубликованных в различных журналах по списку ВАК.

По последней теме авторы ныне предлагают монографическое исследование «Переводимость — непереводимость: Былое и думы... = Translatability — Untranslatability: Yesteryears and Thoughts...», являющееся фундаментальным научно-теоретическим и прагматическим трудом с богатой иллюстративной базой на русском, английском, французском, итальянском, немецком и арабском языках. Иностранному читателю имеет возможность получить общее представление о содержании данного труда благодаря переводу аннотации и содержания монографии на английский язык, а также презентации базовых положений книги в итоговом Summary (с. 244–246).

Работа финансируется на объёмном списке научно-теоретической и справочной литературы на русском и иностранных языках общим количеством в 501 источник.

В работе впервые в отечественном переводоведении описывается целостная теория апории «переводимости — непереводимости» как неотъемлемой части современной науки о теории и методологии перевода.

Книга включает в себя Введение, пять глав, Заключение, Список литературы и Summary.

Во **Введении** авторы дают литературно-исторический абрис данной проблемы и, вслед за В. Коллером, констатируют, что «в тысячелетней полемике по переводческим проблемам нет вопроса, который бы обсуждался интенсивнее и ставился противоречивее, чем теоретическая и практическая возможность или невозможность перевода» (с. 3).

Сложность проблемы заключается в том, как настаивают авторы, что никто из здравомыслящих специалистов не отрицает существования реальных проблем, связанных с фактической непереводимостью оригинала целиком или его отдельных частей. Тогда как «инакомыслящие» в своём подходе к проблеме перевода отрицают сам факт «непереводимости» практически в любых типах текстов на ИЯ.

Третья точка зрения, по наблюдениям авторов, заключается в двояком подходе к данному феномену. Так английский учёный Дэвид Беллос весьма обтекаемо формулирует запрос на решение проблемы «непереводимости»: «Всегда ли перевод — это один и тот же процесс или при разных видах перевода производятся разные операции? <...> Каждое высказывание нетривиальной длины может быть переведено различными способами; для каждого высказывания есть бесчисленное множество приемлемых переводов.

Многообразие переводов — яркое свидетельство бесконечной гибкости человеческого мышления» (с. 11).

Причина, побудившая авторов обратиться к теме «переводимость — непереводаемость», заключается в том, что в современном переводоведении, как это ни странно, само понятие «перевод» оказалось «размытым», не имеющим академически упорядоченных критериев и границ его идентификации, номинации и чёткого разграничения собственно терминопонятия «перевод» от «квазиперевода» в его безграничных интерпретациях.

Поэтому, понимая всю сложность и многогранность поставленной ими проблемы, авторы прибегают к образному афоризму А.И. Герцена, высказанного им по иному поводу: главное — «не разрешить вопрос, а верно его обозначить» (с. 14).

В главе I «Энигма «переводимости — непереводаемости» в трудах учёных XX–XXI веков» обстоятельно освещён многовековой многоголосый спор о трактовке апории «переводимости — непереводаемости» в трудах как профессионалов перевода, так и в работах учёных других специальностей, так или иначе связанных с переводческой проблематикой в силу их *fonction de foi*.

Как известно, все критики непереводаемости, как правило, отталкиваются от высказывания молодого Гумбольдта о том, что «каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника. *Нечто среднее* между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно». При этом полностью игнорируется мнение зрелого Гумбольдта — знатока более двух десятков европейских, восточных, древних языков и языков туземцев Южной и Северной Америки о том, что «разнообразие языков и культур вынужденно приводит к заключению, что перевод по определению органически и фактически не может быть полностью равноценен оригиналу» (с. 17–20). Забывают, что полиглот Гумбольдт всю жизнь занимался переводческой деятельностью, и смысл его раннего категорического высказывания о непереводаемости следует, по мнению авторов, воспринимать с поправками на концепцию зрелого Гумбольдта, который диалектично признавал, что «каждая идея может быть выражена в любом языке (если эта пара языков равноценна по своему предметно-интеллектуальному уровню), но при этом нельзя путать перевод с комментарием (sic!)», а также неприемлема тенденция к «приукрашива-

нию текста перевода», обусловленная «бессилием [переводчика] передать собственную красоту оригинала и заменить её «красотами переводчика», ибо это приводит «к возникновению совершенно иного колорита и абсолютно чуждого подлиннику настроения» (с. 21).

Авторы подчёркивают, что «непереводимость» иноязычного текста или высказывания — это не переводческое «пугало», а естественное «бытие любого существующего идиома (и особенно так называемых «экзотических языков»). Это его конститутивное свойство, идентифицирующее его как самостоятельное генетическо-типологическое образование. Последнее обладает особым этнопсихолингвистическим статусом в соответствующей макро-/микросемье языков мира и проявляет свою «самость» при сравнении/сопоставлении контактирующих идиомов в целях коммуникативного взаимопонимания и межкультурного общения заинтересованных в нём носителей иных языков» (с. 20–21).

И в этой связи авторы предлагают пятиступенчатую лингвоакадемическую систему детерминант, отражающих базисные онтологические свойства потенциальной непереводимости, подробно аргументируя каждое из положений. В их числе: 1) различие типолого-генеалогической онтологии языков; 2) диахроническая и синхроническая системно-структурная асимметрия соответствующей рабочей пары языков; 3) несовпадение в концептуально-когнитивной организации ментальных пространств контактирующих языков; 4) лингвокультурологическое разнообразие языковых картин мира; 5) этнопсихолингвистические и символично-семиотические различия в манифестации языковых феноменов (с. 21–29).

Данные положения фактически находили своё отражение в работах многих учёных в различных видах аргументации.

В итоге авторы подкрепляют свою позицию авторитетным мнением Б.Л. Бойко, который недвусмысленно заявляет, что идея изъятия категории «непереводимости» из переводоведения нелогична и абсурдна, поскольку «непереводимость» как категория перевода предполагает существование своего антипода — категории переводимости (с. 34).

С другой стороны, авторы солидаризуются с мнением Н.В. Тимко, которая констатирует, что необходимо «разграничивать внутривидовые варианты собственно перевода с разными степенями культурнопрагматической адаптации и *извращённые* виды перевода: буквальный и вольный, которые не являются собственно переводом» (с. 40).

Таким образом, предлагается рассматривать так называемый “true translation — собственно перевод”, который трактуется Л.С. Бархударовым в качестве «закономерной переводческой деятельности», и, в противовес ей — «квазипереводческую деятельность», по выражению А.Д. Швейцера.

В целом следует вывод: «собственно перевод» и «квазиперевод» неразделимы в переводческой деятельности во всех её истинных и манипулятивных формах, преимущественно обеспечивающих гуманитарную межкультурную коммуникацию как на уровне официальных, так и повседневных форм устного и письменного общения различных этнокультурных социумов» (с. 45).

В главе II «Аргументация pro et contra» теоретической состоятельности концепции «непереводимость» сопоставляются различные точки зрения на данную проблему от полного её отрицания до признания необходимости её академического рассмотрения.

Авторы не призывают к «корриде» между сторонниками и противниками «непереводимости», и выступают против грубых высказываний некоторых «псевдоучёных» в адрес серьёзных исследователей независимо от их точек зрения, ибо подобное поведение является дурным примером некорректного научного общения для студентов и аспирантов (с. 47).

Как известно, во второй половине XX в. резко обострилось противостояние сторонников и противников корректности теории «переводимости — непереводимости», в ходе которого многие учёные и профессиональные переводчики с нескрываемым скептицизмом и иронией пафосно утверждали, что теории непереводимости как таковой в транслатологии не существует. Между тем, по наблюдениям авторов, статистика научных публикаций убедительно доказывает, что «количество работ с начала XXI столетия, проблематизирующих непереводимость, превосходит общее число трудов по этой проблеме за весь XX в.» (с. 46).

Основным аргументом для критиков теории непереводимости, пишут авторы, является правомерное утверждение о существовании великого множества прекрасных переводов В. Жуковского, А.С. Пушкина, М. Лозинского, В.Я. Брюсова, С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, Н. Галь, М.Л. Гаспарова, В. Набокова, Э. Фитцджеральда, П. Мериме, А. Поупа, Ж-Ф. Шампольона и др., которые сторонниками непереводимости игнорируются и предаются забвению.

Однако парадокс ситуации заключается в том, что однажды переведённое произведение рано или поздно, по утверждению

Н. Галь, непременно устаревает. А новые переводы нередко существенно отличаются от старых аналогов, при этом язык оригинала остался тем же! Налицо индивидуализированный личностно-манипулятивный подход к переложению ИТ, отражающий новое время, новые морально-нравственные устои, основанные на «новом языке эпохи», между тем как оригинал остаётся не менее привлекательным для читателя новой эпохи. В данном контексте авторы цитируют известного философа Г.Г. Гадамера, утверждающего, что если «отступать без боя стыдно», то сокрушаться по поводу потерь при переводе всё-таки приходится, ибо «там, где требуется перевод, там приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведённого на другом языке» (с. 49). Главное для переводчика-перелагателя — побудить читателя воспринимать предложенный перевод как «истинный слепок» с оригинала. Для примера можно сравнить подход прошлых и нынешних почитателей Шекспира к переводам его произведений А.И. Дружининым (1824–1864) и С.Я. Маршаком (1887–1964): «переводы» последнего (как считает, например, академик М.Л. Гаспаров (1935–2005)) рассматриваются критиками не как собственно переводы, а как самостоятельные литературные шедевры самого Маршака по мотивам поэтических произведений Шекспира.

Полагаем, что И.В. фон Гёте (видимо?) будет всегда прав в своём утверждении, что «при переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык» (с. 48).

Авторы установили, что «симулякр как переводческо-обходной феномен стал выдаваться за единственно верный, естественный оперативный путь решения проблемы <...> переводческое решение на преодоление онтологической непереводаемости — это сложный конгломерат различных трансформаций, манипулятивных уловок, механического отсечения труднопереводимых частей оригинала с намёком, что изъятое локально будет компенсировано контекстуально и т.п.» (с. 52–64).

Высокой оценки заслуживает стремление авторов не только теоретизировать по поводу обозначенной проблемы, но и обстоятельно иллюстрировать соответствующую проблематику различными типами текстами и их жанрами. Эта задача успешно решается в **главе III** «Апория «переводимости — непереводаемости» различных типов текстов и их жанров», в которой рассматриваются проблемы художественных поэтических и прозаических текстов, философских, религиозных, юридических, рекламных, фольклорных, а

также текстов, содержащих инвективную (обценную) лексику и фразеологию.

Касательно проблемы невозможности — возможности перевода поэзии существует великое множество самых противоречивых мнений. Так, на примере интерпретации знаменитого перевода М.Ю. Лермонтова «На севере диком», академик Л.В. Щерба показал, что «лермонтовское стихотворение является хотя и прекрасной, но совершенно самостоятельной пьесой, далёкой от своего quasi-оригинала». Дело в том, что «лейсбийский» перевод поэта о страданиях сосны о прекрасной пальме не был одобрен последующими переводчиками, в частности Ф. Тютчевым, З. Гиппиус, которые в своих переводах использовали образ Кедра, тоскующего по Пальме (с. 97–99).

Данный подход соответствует идее Е.Ю. Куницыной, которая считает, что «правила игры поэтического перевода предполагают определённую и даже намеренную свободу переводчика, и в этом заключается один из прекрасных парадоксов игры перевода». Но проблема как раз и состоит в том, что границы переводческой свободы, как пишут авторы монографии, при передаче непереводаемого в поэзии вызывают в научно-литературной среде особенно ожесточённые споры, о чём речь шла выше в связи с переложением шекспировских сонетов С.Я. Маршаком (с. 97–102).

Авторы солидарны с С.Ф. Гончаренко, призывавшим следовать главному диалектическому подходу к переводческой проблеме: неизбежные отклонения и добавления при стихотворном переводе должны быть по своему поэтическому достоинству равноценны точно воспроизведённым деталям подлинника, благодаря чему они не только не разрушают эстетическую концепцию автора, а напротив ... помогают целостному её воссозданию» (с. 100–101).

Не менее сложен вопрос с переводом и прозаических художественных текстов. Авторы подчёркивают, что нередко сами писатели считают, что их произведения переводят на разные языки крайне неудачно. В монографии приводится резко негативная оценка А.П. Чеховым (владевшим французским, немецким, английским и латинским языками) качества перевода его рассказов, в частности, на немецкий язык: «Видел я много переводов с русского — и в конце концов пришёл к убеждению, что переводить с русского не следует» (с. 87).

Авторы монографии, указывая на правомочность использования инструментария «переводимости — непереводаемости» при переводе художественных произведений, удачно синтезируют раз-

нообразные подходы теоретиков и практиков перевода в историческом и современном ракурсах. По нашему впечатлению, авторы больше склоняются в своём личном мнении к точке зрения известного испанского философа Ортеги-и-Гассета, утверждавшего, что «каждое произведение неповторимо, а перевод лишь орудие, приближающее нас к нему, то из этого следует, что один и тот же текст допускает несколько переводов. Невозможно, по крайней мере в большинстве случаев, приблизиться к оригиналу сразу во всех измерениях. Если мы хотим создать представление о его художественных качествах, мы должны отказаться почти от всей материи текста, чтобы передать его формальное изящество. Поэтому, вероятно, следует разделить работу и сделать несколько различных переводов одной и той же вещи в соответствии с теми гранями, которые мы хотели бы точно передать» (с. 100).

В подобном ключе авторы детально рассматривают проблемы перевода философских, религиозных, юридических и рекламных текстов.

Наряду с проблемами перевода «академических текстов» должное внимание авторы уделяют трудностям перевода и фольклорных произведений: сказок, паремий, анекдотов, каламбуров, частушек и др.

Учитывая, что в последние десятилетия в разных странах мира происходит резкое снижение культуры речи, авторы обратились к ненормативным типам «языковых (дискурсивных) игр», к которым относятся, как правило, некооперативные (конфликтные) формы речевого поведения сниженного стиля, с целью высмеять, оскорбить, унижить реципиента, используя манипулятивно-репрессивные ресурсы и функции языка и речи (с. 137 и далее).

Данная монография меньше всего похожа на сухой академический труд: авторский текст нередко сопровождается фотографиями выдающихся учёных, изображением скульптуры «пророка Моисея с рогами», иллюстрациями многоязычных звукоподражательных слов, рисунками «белочек» и «розовых слонов» (ассоциирующихся с лицами, злоупотребляющими алкоголем), а также юмористическими и ироническими высказываниями, что делает чтение работы интересным и захватывающим. Однако, по нашему мнению, насколько был бы нагляднее и репрезентативнее текст, если бы все иллюстративные материалы были представлены в цвете!

В главе IV «Когнитивно-герменевтические основы дискурсивно-игровой парадигмы перевода» авторы правомочно считают, что апория «переводимости — неперево́димости» является одной из

ряда парадигмально значимых проблем для построения базовой объединяющей парадигмы перевода, сочетающей в себе все положительные стороны самых разнообразных современных моделей перевода. Поиск такой синкретической конструкции привёл авторов к выводу, что дискурсивно-игровая парадигма², базирующаяся на современных философских и когнитивно-герменевтических постулатах, обеспечивает комплексный подход к осмыслению ИТ на всех лингвистических и экстралингвистических уровнях и его преобразование в ПТ в оптимально форенизированной или доместифицированной форме, обслуживающей двуязычную коммуникацию в межкультурном пространстве в зависимости от потребностей контактирующих социумов (с. 144–145).

Дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода сохраняет в своём составе «лингвистические модели перевода» для покрытия «зоны переводимости» и «верности» оригиналу путём отыскания словарно-контекстных «переводческих соответствий», а при вступлении в зону «непереводимого» и обнаружении конкретных ниш «переводческого непокрития» применяются собственно когнитивно-герменевтические манипулятивные методы толкования оригинала, обеспечивающие совместимость ИТ и ПТ путём соавторского порождения «вторичного текста».

Методологической базой для анализа дискурсивного когнитивно-герменевтического пространства перевода является разработанный авторами инновационный «Герменевтико-переводческий методологический стандарт», который представляет собой четырёхступенчатую матрицу, включающую в себя когниции предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения, обстоятельно описанный в вышеуказанной монографии авторов «Теория и методология перевода...».

Указанные когнитивные процедуры иллюстрируются соответствующими примерами, а собственно стандарт представлен в виде сводной таблицы (рис. 6, с. 149).

Полагаем, что довольно сложный метаязык описания соответствующих параметров и процедур переводческого процесса легче бы воспринимался читателем, если бы инновационные терминопонятия авторской концепции сопровождались бы более расширенным текстуально-смысловым комментарием.

² См.: Мишкоров Э.Н. О «дискурсивно-игровом повороте» в современной теории и методологии перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2021. № 3. С. 16–32.

Таким образом, авторы объективно как бы солидаризируются с идеей известного французского переводоведа Ж.Р. Ладмираля *“Au lieu d'être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion”*, т.е. будучи «дисциплиной знания», современное переводоведение приобретает статус «дисциплины рефлексии» (с. 148).

Итоги всестороннего обсуждения проблем соотношения «переводимого» и «непереводимого» в различных теоретических гипотезах подводятся в **главе V**, которая соответствующим образом синтезирует весь блок информации по искомой проблеме в её названии: «О дополнительной дистрибуции методологий «собственно перевода» и «квазиперевода» в поливариативных дискурсивных концепциях современного переводоведения».

Авторы высказывают предположение, что «так называемая «шкала уровней переводимости» — от «**эквивалентности**» в переводе как *максимальной степени переводимости*, «**адекватности**» как *оптимальной* степени переводимости, «**прагматики**» как *минимальной* степени переводимости, до «нулевой переводимости», которая компенсируется формами так называемого «**вольного / свободного переложения**», фактически подтверждает реальность существования **антиномии** «переводимость — непереводимость» как неотъемлемой онтолого-эпистемологической черты переводческого процесса» (с. 173–174). И далее эти положения иллюстрируются соответствующими многочисленными разноязычными примерами, которые сами по себе представляют значительный интерес.

В следующем разделе авторы констатируют объективное разделение знаменитых переводческих трансформаций на два класса, «первый из которых способствует достижению более высокого уровня эквивалентности и представляет собой изоморфные средства перевыражения единиц оригинала, соответствия которым наличествуют в целевом языке». К их числу они относят *перемещение, добавление и опущение лексических единиц, перестроение грамматических структур* и т.п. Ко второму классу трансформаций, который В.Г. Гак прямо называет квази-трансформациями, относятся, в частности, *транскрипция и транслитерация, калькирование и создание семантических неологизмов, конкретизация и генерализация, модуляция (смысловое развитие) и метонимическая замена, описание и переводческий комментарий* и пр. Они используются для нахождения обходных путей преодоления различных видов и типов непереводимостей в языках различного строя. Авторы констатируют, что посредствующим звеном между «переводимостью» и «непереводимостью» фактически является «прагматиче-

ский перевод» как предтеча «квазиперевода» в виде «вольного», «свободного» и т.п.

Мы вполне согласны с авторами, что «шкала уровней переводимости» имплицитно доказывает обязательное наличие непереводимости как неотъемлемой части в любой методологии перевода (с. 181).

Отдельного большого комментария заслуживают критические авторские обзоры ряда монографических и диссертационных исследований, в которых прямо отрицается аспект «непереводимости» в переводе, а в последующих разделах данных работ имплицитно «непереводимость» маскируется под удачные способы её манипулятивного преодоления переводчиками (с. 182–186 и др.).

Более «дипломатично» данную проблему микрирует Ю.М. Лотман своей нестандартной рефлексией, что «именно перевод непереводимого, требующий огромнейшего напряжения, создаёт предпосылки для взрыва смысла» (с. 187).

Важной составляющей теоретических построений авторов является постулат об обязательном наличии в новейших теориях перевода его *дискурсивной составляющей*. Такими, например, являются работы Е.Е. Калиш³, Т.А. Волковой⁴ и других авторов, которых ныне принято именовать «агентами дискурса» (см.: с. 188).

В **Заключении** авторы констатируют, что ныне предложенная ими **«дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода»** как интегрирующая матрица объединяет в себе ряд типологически сходных дискурсивных построений. Составной неотъемлемой частью данной матрицы является, в частности, триада в виде **переводоведческого, переводческого и переводного дискурсов** (с. 197).

Таким образом, в рецензируемой монографии предпринята плодотворная попытка обобщить опыт длительного изучения проблемы апории «переводимости — непереводимости» отечественными и зарубежными учёными от признания феномена непереводимости до полного его отрицания в практике перевода.

Мы считаем, что данная монография — это первый удачный опыт достичь кооперации между сторонниками и противниками апории «переводимости — непереводимости» и установить органи-

³ Калиш Е.Е. Реконструкция дискурса в целях перевода. Теоретические проблемы: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 151 с.

⁴ Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Мытищи, 2022. 35 с.

ческую связь между «собственно переводом» и «квазипереводом», «закономерными переводческими соответствиями» и «вольными переложениями» различных текстотипов и их жанров с исходного языка на целевой. Тем самым авторы пессимистическую формулу У. Эко «Translation is the art of failure! — Перевод — искусство невозможного!» предлагают трансформировать в более оптимистическое утверждение «Translation is the art of concordance! — Перевод — искусство взаимосогласия!».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лебедева Анна Александровна — доктор филологических наук, профессор: заведующий кафедрой лингвистики и культуры речи Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1; lebsuch@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anna A. Lebedeva — Doctor of Sciences (Philology), Professor: Head of the Department of Linguistics and Speech Culture; The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), bldg. 1, st. Azovskaya, 2, Moscow, Russia, 117638; lebsuch@yandex.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Хроника

УДК: 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-106-109

«НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО». МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Лариса Ивановна Чович

Панъевропейский университет «Апейрон», Босния и Герцеговина

Для контактов: covicb@mail.ru

“NEW AND TRADITIONAL IN TRANSLATION STUDIES AND TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE”. INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

Larisa I. Čović

Apeiron Pan-European University, Bosnia and Herzegovina

For contacts: covicb@mail.ru

12 и 13 апреля 2024 г. на филологическом факультете Панъевропейского университета «Апейрон» (г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина) состоялась традиционная международная научно-практическая конференция «Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного». Конференция регулярно проводится с 2015 г. и с каждым годом привлекает внимание всё большего количества специалистов-практиков и учёных из разных стран Западных Балкан, Европы и Азии, занимающихся проблемами теории и практики перевода, а также совершенствованием методик преподавания русского языка как иностранного.

© Чович Л.И., 2024

Организатором конференции традиционно выступал факультет филологических наук Панъевропейского университета «Апейрон» при поддержке надёжных партнёров: Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, Института русского языка имени А.С. Пушкина и Института славяноведения РАН.

Конференция имеет высокий статус среди учёных, переводчиков-практиков, преподавателей русского языка как иностранного и методистов. В текущем году на конференцию было заявлено свыше 80 докладов из 12 стран: Боснии и Герцеговины, Греции, Индии, Индонезии, Испании, Китая, Республики Сербской, России, Северной Македонии, Сербии, Турции и Узбекистана. Это позволяет говорить о конференции в будущем как о полноценном научном форуме.

Уже к открытию конференции был издан сборник научных трудов участников, в котором, по результатам рецензирования, были рекомендованы к публикации 42 научные статьи. Сборник включён в российскую научную базу данных РИНЦ.

На конференции обсуждались следующие темы:

1. Русский язык в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации:

- теоретические проблемы обучения русскому языку в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации;
- речевая культура переводчика: соотношение системы, узуса и нормы;
- современные методы обучения русскому языку как иностранному;
- опыт создания национально ориентированных словарей, учебников и учебных пособий;
- новые подходы к организации обучения русскому языку как иностранному.

2. Проблемы и перспективы обучения русскому языку как иностранному:

- современная лингводидактика и дистанционная форма обучения: проблемы и перспективы;
- обучение русскому языку как иностранному: новые идеи, проекты, подходы, ресурсы и технологии;
- принципы формирования современных учебников, словарей и учебных пособий по русскому языку как иностранному;
- синхронная и асинхронная коммуникация при обучении русскому языку;
- практика преподавания русского языка как иностранного в инославянской среде.

3. Перевод, язык и культура:

- общая теория и методология художественного перевода;
- лингвистические аспекты художественного перевода;
- перевод как интерпретация художественного текста;
- вопросы взаимодействия культур в художественном переводе;
- история переводоведения: традиции и инновации;
- переводоведение сегодня: от теории к практике;
- критика переводоведения;
- перевод как средство передачи научных знаний;
- теория и практика авторизованного художественного перевода.

Работа конференции широко освещалась в средствах массовой информации Республики Сербской.

На пленарном заседании конференции, которое проходило в гибридном формате, выступили известные учёные. Наибольший интерес у слушателей вызвали доклады директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, академика-секретаря Отделения образования и культуры Российской академии образования, академика РАО, доктора филологических наук, профессора Николая Константиновича Гарбовского на тему «Когнитивные исследования художественного перевода»; заведующей кафедрой лингводидактики и билингвизма МПГУ, начальника Управления образованием Центра международного сотрудничества Министерства просвещения РФ (ЦМС), профессора, доктора педагогических наук Елизаветы Александровны Хамраевой на тему «Современные технологии обучения и стратегии изучения русского языка»; Президента Союза переводчиков России, доцента кафедры общего языкознания имени И.Г. Добродомова Московского педагогического государственного университета, кандидата культурологии, доцента Ивановой Ольги Юрьевны на тему «Пространство художественного перевода (СССР, РОССИЯ, СНГ — XX–XXI вв.) новый проект Союза переводчиков России»; заместителя директора по научной работе, инновациям и международным научным связям Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова кандидата филологических наук доцента Ольги Игоревны Костиковой на тему «Культуротворческая функция перевода: гуманитарная перспектива», а также доклады заслуженных профессоров Панъевропейского университета (Республика Сербская, Босния и Герцеговина) Бранимира Човича и Радмилы Мароевича.

После пленарного заседания конференция продолжила двухдневную работу в трёх секциях: «Проблемы и перспективы изучения русского языка как иностранного»; «Перевод, язык и культура»; «Секция молодых учёных».

Доклады участников из разных стран были посвящены личному опыту работы, преподавания и научным исследованиям по разным направлениям, объединенным общей тематикой конференции.

В рамках работы конференции была организована секция для молодых учёных, где выступали с докладами магистранты, аспиранты и докторанты из Вьетнама, Индии, Испании, России, Сербии и Узбекистана. В секции была интересная и содержательная дискуссия по актуальным темам докладов.

ХРОНИКА

УДК: 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-110-114

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024 В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПЕРЕВОДА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ольга Игоревна Костикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: olga.kostikova@list.ru

LOMONOSOV COLLOQUIA — 2024 AT MSU HIGHER SCHOOL OF TRANSLATION AND INTERPRETING

Olga I. Kostikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: olga.kostikova@list.ru

С 20 марта по 3 апреля в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова прошла общеуниверситетская научная конференция «Ломоносовские чтения». В соответствии с Уставом Московского университета «Ломоносовские чтения» проводятся ежегодно для представления и обсуждения результатов научно-исследовательских работ по всем направлениям научных исследований, реализуемых в МГУ имени М.В. Ломоносова и подведения итогов деятельности научных подразделений. В этом году конференция приурочена к празднованию 270-летия Московского университета.

С момента своего образования в 2005 году Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени Ломоносова в рамках «Ломоносовских

чений» ежегодно организует работу секции «Теория и методология перевода», где обсуждаются результаты исследований, научные достижения и проекты кафедр факультета по приоритетным направлениям научных изысканий.

3 апреля 2024 года состоялось очередное заседание секции «Теория и методология перевода». В программе — пленарные доклады, тематические дискуссии и презентация научных и учебно-методических изданий факультета.

Работу пленарной сессии открыл доклад директора Высшей школы перевода (факультета) Московского университета, заведующего кафедрой теории и методологии перевода, академика РАО Николая Константиновича Гарбовского «Когнитивные исследования перевода». В докладе освещалась одна из ключевых проблем межъязыковой коммуникации — асимметрия логических структур дискурсивных моделей, лежащих в основе построения военных текстов на русском и французском языках. Её преодоление оказывается возможным благодаря установлению функциональной аналогии при помощи когнитивных реперов. Этот подход вкупе со статистическими методами исследования, частотным анализом и семантическим моделированием доказал свою эффективность в решении обозначенной проблемы.

Специфике новой лексики, появившейся за время коронавирусной пандемии в русском и французском языках, был посвящён доклад профессора Голубевой-Монаткиной Наталии Ивановны. Отмечалось, что коронавирусный лексикон в обоих языках отличается, с одной стороны, гетерогенность состава и высокая степень окказионализации, а с другой — тождественность приемов неологизации, свойственных лингвистической креативности в целом.

Заведующая кафедрой теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) Московского университета профессор Манерко Лариса Александровна рассказала о методах исследования терминов, терминологических систем и профессионального дискурса, сделав акцент на одном из ключевых исследовательских инструментов в лингвистике — когнитивном анализе, который позволяет получить представление о закономерностях мышления, вербализуемого в языковых знаках.

Профессор Миронова Надежда Николаевна в своём докладе обратилась к творческому наследию отца Павла Флоренского и его осмыслению на Западе. Перевод главных трудов Флоренского на европейские языки начался в середине 1970-х и вёлся особенно интенсивно с 1980-х годов; профессор Н.Н. Миронова сфокуси-

рвала внимание слушателей на частных случаях интерпретации смысловых искажений в современных переводах трудов отца Павла Флоренского.

Пленарное заседание завершил доклад доцента Костиковой Ольги Игоревны, в котором обосновывалось введение понятия «полиморфизм перевода» и соответствующего термина для обозначения одного из свойств перевода как явления — вариативности форм и видов. Понятие оказывается релевантным для науки о переводе, изучающей различными методами и приёмами структуру и закономерности, присущие всякому переводу независимо от сопоставляемой пары языков, от формы переводческой деятельности и условий её протекания, от содержания и функциональной направленности переводимых текстов; оно актуализируется при междисциплинарном подходе к исследованиям и является существенным для рассмотрения вопросов теории и истории перевода в аксиологическом ключе.

Заседание секции продолжилось в формате трёх круглых столов:

1. «Теория перевода и сопоставительное изучение языков».
2. «Переводческие технологии».
3. «Русский язык для специальных целей: вопросы подготовки переводчиков».

Дискуссии по вопросам сопоставительного изучения языков и переводческим технологиям были организованы вокруг основных докладов (см. далее). Обсуждения вопросов профессиональной подготовки по русскому языку специалистов межкультурной коммуникации, использующих русский язык в качестве основного рабочего, велись в нескольких направлениях: методы совершенствования коммуникативных компетенций обучаемых, осваивающих русский язык как иностранный; дискурсивные модели и стратегии, предопределяющие выбор переводчиком средств выражения в русском языке — языке А (родном рабочем); изменение дискурсивных норм русского языка под влиянием переводного дискурса; пути преодоления переводческой интерференции.

Заключительным пунктом повестки дня работы секции «Теория и методология перевода» стала презентация научных трудов преподавателей Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, изданных в конце 2023 — начале 2024 года.

К 270-летию Московского университета в серии «Классический университетский учебник» переиздан учебник Николая Константиновича Гарбовского «Теория перевода», посвящённый вопро-

сам общей теории перевода — «самая лаконичная и полная книга для такой обширной дисциплины», по мнению читателей. Первая версия учебника увидела свет в 2004 году и сразу стала лауреатом конкурса «Книга года» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в номинации «Учебник XXI века». С тех пор «интеллектуальный бестселлер XXI века» (Чайковский, с. 175) выдержал более 10 переизданий и выпусков (издательство Московского университета, издательство «Юрайт»), имеет несколько тысяч цитирований по данным РИНЦ. Рецензенты, эксперты и читатели отмечают универсальность и энциклопедичность этого научного труда, критический подход и системность в изложении материала, удачно подобранный обширный практический материал на разных языках, живой и образный научный язык автора, лишенный широко распространенной сегодня наукообразности. В новом издании учебника высказывается ряд новых положений, родившихся в ходе научных дискуссий последних десятилетий и существенных для понимания современного состояния науки о переводе. (Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский — 4-е издание, исправленное и дополненное. Серия классический университетский учебник. — Москва: Издательство Московского университета, 2023. — 591 [1] с.: ил. — Классический университетский учебник.)

В монографии профессора Мишкурова Эдуарда Николаевича (в соавторстве с Новиковой М.Г.), ориентированной на специалистов в области теории перевода и социально-гуманитарных наук, впервые в отечественном переводоведении описывается целостная теория апории «переводимости — непереводимости» как неотъемлемой части современной науки о переводе. Авторы вводят и раскрывают понятие авторского «когнитивно-герменевтического методологического стандарта» и показывают, как с его помощью в русле дискурсивно-игровой парадигмы перевода возможно реализовать любой вид межъязыкового посредничества. В качестве иллюстративного материала приводятся примеры переводов различных типов и жанров текстов на европейских и восточных языках. (Мишкуров Э.Н. Переводимость — непереводимость: Былое и думы... = Translatability — Untranslatability: Yesteryears and Thoughts... : монография / Э.Н. Мишкуров, М.Г. Новикова. М.: ФЛИНТА, 2024. 248 с.)

Новая книга доцента Батанова Константина Николаевича «Китай для бизнеса» о тонкостях взаимодействия с китайскими партнёрами и потребителями посвящена региональным особенностям Китая, где в каждой провинции есть важные культурные

нюансы, которые отражаются и на стиле ведения бизнеса. В книге собрана 101 история, где описываются реальные ситуации и даются ценные подсказки, как общаться с китайскими партнёрами и выстраивать рабочие процессы, на что обращать внимание, каких ошибок избегать. По мнению российских читателей, эта книга — «энциклопедия-путеводитель по основам культуры и этики», в которой содержится много полезных советов, «обязательных к прочтению для тех, кто не хочет приобретать опыт ценой исключительно собственных ошибок». Представители китайского делового сообщества также высоко оценили культурологический опус, где сочетаются «культура, история и менталитет, на основе которых образован и укреплён образ жизни китайского народа», что делает его интересным и полезным к прочтению не только читателями российскими, но и китайскими. (Батанов К.Н. Китай для бизнеса: Тонкости взаимодействия с китайскими партнерами и потребителями / К.Н. Батанов — Москва: Альпина Паблишер, 2023. — 484 с.)

В работе секции «Теория и методология перевода» приняли участие учёные, практики и студенты, заинтересованные в современных подходах к исследованию перевода, его теоретическим основам и практическим аспектам. В ходе обсуждений участники отметили важность:

- интеграции новых технологий в процесс перевода и обучения этому виду деятельности;
- исследования культурных контекстов для достижения положительных результатов в межкультурной коммуникации;
- разработки методик обучения переводчиков, соответствующих современным требованиям;
- междисциплинарного подхода и активного взаимодействия между исследователями и практиками для дальнейшего развития теории и методологии перевода.

Список литературы

Чайковский Р.Р. Теория перевода сегодня // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2008. № 1. С. 174–175.

ХРОНИКА

УДК: 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-115-118

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ»

**Александра Анатольевна Воюцкая,
Дарья Сергеевна Зигмантович**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: vaniteuse@inbox.ru; dashazigmantovich@mail.ru

ROUNDTABLE DISCUSSION “TRANSLATION AND INTERPRETING TECHNOLOGIES”

Alexandra A. Voyutskaya, Daria S. Zigmantovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: vaniteuse@inbox.ru; dashazigmantovich@mail.ru

3 апреля 2024 года в стенах Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках заседания секции Теории и методологии перевода ежегодной научной конференции «Ломоносовские чтения» была организована работа круглого стола «Переводческие технологии». Мероприятие привлекло большой интерес со стороны исследователей и преподавателей перевода.

На круглом столе обсуждались актуальные вопросы обучения речевой компрессии на начальном этапе освоения техники устного синхронного перевода. Модератором круглого стола выступила кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методологии перевода А.А. Воюцкая.

Основной доклад «Обучение речевой компрессии на начальном этапе освоения техники устного синхронного перевода: основные трудности и пути их преодоления» был представлен кандидатом

филологических наук, старшим преподавателем кафедры теории и методологии перевода Д.С. Зигмантович. Выбор темы доклада обусловлен наличием требований, предъявляемых к попадающим на рынок труда переводчикам, которые должны эффективно применять на практике целый ряд стратегий для осуществления полного и качественного синхронного перевода. К числу таких стратегий относится и речевая компрессия, обучению которой необходимо уделять особое внимание на занятиях по синхронному переводу в рамках подготовительного цикла. Актуальность выбранной темы обусловлена, в частности, заметным и значительным убыстрением темпа речи ораторов, выступающих на различного рода мероприятиях. Обучение компрессии на начальном этапе освоения техники синхронного перевода способствует развитию у студентов навыков сжатия информации и придания сообщению большей информационной плотности. Это особенно важно для последующей работы на занятиях в рамках тренировочного цикла, а также для реальной профессиональной практики. Д.С. Зигмантович рассказала об основных трудностях, с которыми сталкиваются сами студенты в процессе овладения навыком речевой компрессии при работе с текстом и звучащей речью как на родном, так и на иностранном языке, а также об основных путях их преодоления и о том, какие виды заданий в этой связи могут предлагать на занятиях преподаватели.

Доклад вызвал оживлённую дискуссию со стороны участников круглого стола. Преподаватели перевода в комбинациях «английский — русский», «испанский — русский», «китайский — русский», «немецкий — русский» поделились своими взглядами на проблему речевой компрессии в синхронном переводе. В частности, выступления Е.А. Васиной, Д.А. Кольцовой, Н.М. Кулешовой, А.М. Сударь, и Д.Ю. Шебаршиной привлекли внимание аудитории благодаря глубокому анализу сложностей и возможных путей их решения в данной области.

В заключение участники дискуссии отметили значительный вклад преподавателей Высшей школы перевода как в практическую подготовку переводчиков, так и в научное осмысление многих переводческих проблем. Заседание круглого стола стало значимым событием для научной жизни факультета, поскольку оно способствовало активному обмену мнениями и опытом между преподавателями перевода в различных языковых комбинациях и позволило выявить новые перспективы и подходы к обучению синхронному переводу.

Хроника

УДК 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-117-118

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ»

**Елена Михайловна Мешкова,
Виктория Юрьевна Немонежная**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: yemeshkova@mail.ru; vika.ne@mail.ru

ROUNDTABLE DISCUSSION “TRANSLATION THEORY AND CONTRASTIVE STUDY OF LANGUAGES”

Elena M. Meshkova, Viktoria Yu. Nemonezhnaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: yemeshkova@mail.ru; vika.ne@mail.ru

3 апреля 2024 года в Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова в формате круглого стола прошла дискуссия на тему «Теория перевода и сопоставительное изучение языков». Работа круглого стола была запланирована одним из пунктов программы заседания секции «Теория и методология перевода» в рамках ежегодной международной конференции «Ломоносовские чтения». Участники круглого стола: заведующая кафедрой теории и практики английского языка профессор Л.А. Манерко, профессор Н.И. Голубева-Монаткина, доцент В.А. Богородицкая, доцент Е.М. Мешкова, доцент В.Ю. Немонежная, ст. преподаватель К.В. Матаков, ст. преподаватель Е.Г. Петросова, преподаватель А.А. Зеленова, преподаватель М.О. Тобис, аспирант Я.Д. Айсен, аспирант Ла Чжати, магистр 1 курса И. Лотарева, аспирант Н. Немкина, аспирант

З.Б. Плиева, аспирант З.В. Снегур, аспирант Су Минцзэ, аспирант Чэнь Юйцюн.

Дискуссия была развёрнута вокруг основного доклада доцента кафедры теории и практики английского языка Е.М. Мешковой «Вклад А.И. Смирницкого в сопоставительное исследование грамматики английского и русского языков». Елена Михайловна подчеркнула в своём докладе значимость категориального подхода, разработанного Смирницким, для исследования особенностей грамматики английского языка, отличающих её от русской грамматики. Докладчик также сопоставила подход Смирницкого с подходом к сопоставительно-типологическому исследованию английского и русского языков, применённым В.Д. Аракиным.

После основного доклада состоялась общая дискуссия участников круглого стола по тематике доклада. Профессор Н.И. Голубева-Монаткина задала вопрос относительно универсальности категориального подхода по отношению к материалу разных языков и получила утвердительный ответ. Профессор Л.А. Манерко дополнила основной доклад рядом положений, актуальных для сопоставительных исследований и теории перевода.

В ходе дискуссии также выступили Е.Г. Петросова, В.Ю. Немонезная, В.А. Богородицкая, К.В. Матаков, М.О. Тобис, З. Снегур. В их выступлениях прозвучала мысль об актуальности типологосопоставительных исследований не только для развития теории языка и перевода, но для лингводидактики и дидактики перевода. Было высказано пожелание о подготовке спецсеминара по сопоставительной грамматике для студентов Высшей школы перевода. В частности, З.В. Снегур высказала мысль о том, что на занятиях мало времени уделяется теоретическим аспектам изучения грамматики и необходимость спецкурса или спецсеминара может быть продиктована нехваткой часов на изучение теоретических дисциплин. В заключение дискуссии модератор круглого стола доцент В.Ю. Немонезная кратко подвела итоги и выразила надежду на плодотворность научных разработок обсужденной темы и их практической реализации в преподавании иностранного языка и перевода.

ХРОНИКА

УДК 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-119-124

**ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА
НА XXXI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ЛОМОНОСОВ-2024»**

**Анисия Вячеславовна Алевич,
Александра Анатольевна Воюцкая,
Оксана Ивановна Лыткина,
Елена Михайловна Мешкова,
Виктория Юрьевна Немонежная**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: anisialevich@yandex.ru; vaniteuse@inbox.ru;
lytkinaoi@yandex.ru; yemeshkova@mail.ru; vika.ne@mail.ru

**THEORY, HISTORY AND METHODOLOGY
OF TRANSLATION AT THE 31ST INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE OF STUDENTS,
POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS
LOMONOSOV-2024**

**Anisiya V. Alevich, Aleksandra A. Voyutskaya,
Oxana I. Lytkina, Elena M. Meshkova,
Viktoria Yu. Nemonezhnaya**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: anisialevich@yandex.ru; vaniteuse@inbox.ru;
lytkinaoi@yandex.ru; yemeshkova@mail.ru; vika.ne@mail.ru

17 апреля 2024 года состоялось заседание секции «Теория, история и методология перевода» XXXI Международной научной кон-

© Алевич А.В., Воюцкая А.А., Лыткина О.И., Мешкова Е.М.,
Немонежная В.Ю., 2024

ференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Заслушано и обсуждено 54 доклада молодых учёных из 16 вузов России и зарубежья.

Конференция организована в рамках Международного научного молодёжного форума «Ломоносов-2024» Студенческим союзом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и подразделениями-участниками, она проходит в преддверии празднований 270-летия Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и 20-летия Высшей школы перевода МГУ.

На торжественном открытии секционного заседания с приветственным словом к участникам конференции обратилась заместитель председателя Оргкомитета секции «Теория, история и методология перевода», заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент Косикова Ольга Игоревна, а также члены экспертного жюри секции профессор Миронова Надежда Николаевна и профессор Манерко Лариса Александровна. Выступавшие подчеркнули значимость подобных мероприятий для развития творческого потенциала молодых учёных, апробации результатов научных исследований и обмена идеями. Обращает на себя внимание рост интереса к проблемам теории и методологии перевода, разнообразие географии участников секции: в этом году с выступлениями на конференцию приехали молодые учёные из Санкт-Петербурга, Красноярска, Тюмени, Саранска, Ростова-на-Дону, Челябинска, Нижнего Новгорода, общее количество докладчиков — 54 человека.

В рамках научно-популярной лектории Международного молодёжного научного форума «Ломоносов-2024» профессор Л.А. Манерко прочитала лекцию на тему «Концептуальная метафора и её изучение через призму мультимодальности современного дискурса». Лариса Александровна рассказала молодым учёным о том, как рассматривалась метафора, начиная с трудов Аристотеля вплоть до зарождения в конце XX столетия теории концептуальной метафоры. Основные положения лекции были проиллюстрированы примерами из английского и русского языков. Дискурс современности, специальный дискурс, структуры знания, метафора, преднамеренная метафора, языковые средства, мультимодальность — таковы основные понятия, с которыми ознакомились слушатели лекции.

Работа секции «Теория, история и методология перевода» была организована по следующим направлениям:

Общая теория, история и дидактика перевода (подсекция 1),
Методология перевода. Цифровые технологии в переводе (подсекция 2),

Художественный перевод: методы и критика (подсекция 3),
Сравнительная лингвистика и дискурсология (подсекция 4).

В рамках первой подсекции обсуждались следующие актуальные вопросы науки о переводе: междисциплинарность современной теории перевода, проблема переводимости — непереводимости, перспективы развития перевода в цифровую эпоху, типология видов перевода, типология переводческих ошибок, прямой и косвенный перевод, перевод антропонимов, стратегии перевода публичных выступлений и др. Экспертное жюри присудило первое место Тетеновой Марии Александровне (МГУ имени М.В. Ломоносова) за доклад «Бодлер-переводчик: «неуклюжий толмач» или «прозрачное стекло»?», второе — Кузнецовой Екатерине Дмитриевне (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва) за доклад «Феномен творчества в переводе: человеческий разум vs искусственный интеллект», третье — Ван Синьюань (МГУ имени М.В. Ломоносова) за доклад «Междисциплинарность современной науки о переводе».

На заседании подсекции 2 «Методология перевода» рассматривались вопросы изучения и развития современных методов перевода с использованием цифровых технологий. В работе подсекции приняли участие одиннадцать молодых учёных из Москвы, Ростова-на-Дону, Челябинска, Нижнего Новгорода, Тюмени и Красноярска.

Доклады, представленные на данной подсекции, охватывали широкий спектр тем: от анализа ошибок машинного перевода и проблемы политкорректности в нейросетевом переводе до использования нейронных сетей в оптимизации перевода развлекательного контента и лексических трудностей локализации компьютерных игр. Особое внимание было уделено исследованиям по использованию искусственного интеллекта в постпереводческом редактировании текста. Все представленные на подсекции доклады демонстрировали актуальность избранной проблематики и разнообразие задач, стоящих перед специалистами в области перевода. Экспертное жюри присудило первое место Сабаевой Юлии Сергеевне (Российский университет транспорта (МИИТ)), выступившей с докладом «Проблема перевода аббревиатур при помощи ИИ (на примере терминологии беспилотных летательных аппаратов)», второе место — Кузнецовой Анне Васильевне (Нижегородский

государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова) за доклад «Использование цифровых технологий при переводе учебного пособия “111 Lösungswege für das Reiten” с немецкого языка на русский», третье место – Шлычковой Елизавете Олеговне (Тюменский государственный университет), представившей доклад «Выявление ориентиров для перевода французского неопределённо-личного местоимения “on” с помощью модели искусственного интеллекта». Обобщая сказанное выше, можно заключить, что работа подсекции 2 на конференции «Ломоносов-2024» внесла определённый вклад в изучение и развитие методологии перевода с использованием цифровых технологий. Проведённые исследования позволили пристально взглянуть на современные вызовы и возможности, стоящие перед специалистами в области перевода; плодотворная научная дискуссия способствовала верификации полученных результатов и развитию диалога в данной области.

В рамках работы подсекции 3 «Художественный перевод: методы и критика» были представлены одиннадцать докладов, посвящённых вопросам перевода памятников мировой художественной литературы на русский, английский, китайский и ингушский языки. В работе подсекции приняли участие студенты, магистры и аспиранты МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов и Московского государственного областного университета. Руководство подсекцией осуществлялось членами экспертного совета, среди которых доктор филологических наук, профессор Н.Н. Миронова, кандидат филологических наук, доцент Л.А. Борис, кандидат филологических наук, старший преподаватель А.В. Алевич и кандидат филологических наук, доцент Е.М. Мешкова. По итогам обсуждения автором лучшего доклада подсекции стала аспирантка МГУ имени М.В. Ломоносова Плиева Залина Бекхановна («Особенности поэтического перевода стихотворения А.С. Пушкина «Утро» писателем С.И. Озиевым на ингушский язык»). Второе место было присуждено магистру Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова Афанасьеву Руслану Вячеславовичу («Место инвективной лексики в комедиях Бернарда Шоу и способы её перевода с английского языка на русский язык (на примере комедий «Пигмалион» и «Миллионерша»)), а третье место — студентке Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Крашенинниковой Марии Александровне («Когнитивная метафора как средство актуализации индиви-

дуально-авторской картины мира в переводе на английский язык «Поэмы Конца» М.И. Цветаевой»).

В работе подсекции 4 «Сравнительная лингвистика и дискурсология» приняли участие тринадцать докладчиков, представляющих три вуза: МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова. Больше всего было представлено докладов, посвящённых проблемам лексикографии: репрезентация российских персоналий в «Британской энциклопедии», микроструктура китайско-русских словарей, сохранение традиций во французских словарях «Малый Ларусс», особенности фразеологических словарей русского языка нового поколения; Е.И. Галенко был представлен проект русско-английского словаря кондитерской индустрии. Часть докладов была посвящена описанию лингвоконцептов, таких как «Любовь», «Великий шёлковый путь». В докладах Ван Янсинь и Ла Чжати поднимались проблемы особенностей языка и функционирования публицистических текстов в русском и китайском языках. Дискуссию вызвали доклад Сюй Яцзяо, посвящённый исследованию ласковых обращений в русском и китайском языках, и совместное выступление А.В. Просвировой и Д.А. Тимофеевой, посвящённое связи цветописи и звукописи. По итогам работы подсекции призовые места распределились следующим образом: первое место — Сюй Яцзяо (МГУ имени М.В. Ломоносова) с докладом «Ласковые обращения как репрезентация концепта «любовь» в русской и китайской лингвокультурах», второе место — Соленова Ирина Дмитриевна (МГУ имени М.В. Ломоносова) с докладом «Сохранение традиций во французских словарях: «Малый Ларусс» 1911, 1993, 2018 годов», третье место — Просвирова Алина Вячеславовна и Тимофеева Дарья Антоновна (Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова) с докладом «Связь цветописи и звукописи на примере стихотворений Б.Л. Пастернака и В.В. Маяковского».

На торжественном закрытии заседания секции «Теория, история и методология перевода» выступили заместитель председателя Оргкомитета секции «Теория, история и методология перевода», член экспертного жюри, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент О.И. Костикова, а также члены экспертного жюри профессор Н.Н. Миронova и заместитель директора Высшей школы перевода по учебной работе доцент С.Г. Ушаков. Они отметили высокий уровень докладов и пожелали участникам конференции дальнейших успехов в

научной работе. С кратким отчётом о работе подсекций выступили доцент В.Ю. Немонежная, доцент В.А. Богородицкая, старший преподаватель А.В. Алевич и доцент О.И. Лыткина. Заместитель председателя Оргкомитета секции О.И. Костикова и член экспертного жюри С.Г. Ушаков вручили участникам сертификаты и наградили грамотами победителей, занявших первое, второе и третье места в подсекциях. В завершение конференции Ольга Игоревна поблагодарила всех участников за плодотворную работу и пожелала им успехов в дальнейшей научной деятельности, а также выразила надежду на продолжение сотрудничества, пригласив к участию в ближайших научных мероприятиях Высшей школы перевода, включая Фестиваль науки в октябре текущего года и конференцию «Ломоносов» в следующем году.

ХРОНИКА

УДК: 80

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-125-130

XIV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА»

Дарья Сергеевна Зигмантович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: dashazigmantovich@mail.ru

14TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE REFLECTED IN TRANSLATION

Daria S. Zigmantovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: dashazigmantovich@mail.ru

С 25 по 28 апреля 2024 года в арт-отеле «Николаевский посад» (г. Суздаль, Владимирская область) состоялась XIV Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», посвящённая 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина и приуроченная к 270-летию Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Организаторы конференции — Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Российская академия образования.

Каким был Александр Сергеевич Пушкин как величайший национальный русский поэт, писатель и основоположник современного русского литературного языка? Был ли он связан с пере-

водческой деятельностью? Как воспринимают и интерпретируют творчество А.С. Пушкина в русской и мировой культуре? Кто, как и где переводит его произведения? Как преподаватели русского языка как родного и как иностранного используют творчество великого писателя и поэта на занятиях? Какую роль играл и играет до сих пор русский язык в мире науки и образования? С какими основными вызовами сегодня сталкиваются преподаватели русского языка как иностранного? Какие вопросы необходимо учитывать при подготовке устных и письменных переводчиков? Как сформировать «переводчика цифровой эпохи»? Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» традиционно выступила площадкой для поиска ответов на эти и многие другие вопросы, а также для обмена мнениями и опытом.

Участники конференции (учёные, практикующие переводчики, преподаватели и аспиранты) обсудили такие важные темы, как лингводидактика и дидактика перевода, переводческая деятельность в эпоху активного развития искусственного интеллекта, взаимодействие культур и особенности межкультурной коммуникации, роль русского языка как языка межнационального общения.

Международная научная конференция собрала более 100 участников — докладчиков и слушателей — специалистов в области теории, практики и дидактики перевода, лингвистики, межкультурной коммуникации, преподавания русского языка как иностранного. В конференции приняли участие специалисты из ряда стран — Австрии, Армении, Болгарии, Греции, Ирака, Италии, Казахстана, Китая, Таджикистана. Участники конференции также представляли учебные заведения и научно-исследовательские центры различных городов Российской Федерации: Армавира, Воронежа, Йошкар-Олы, Казани, Красноярска, Липецка, Луи, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Перми, Ростова-на-Дону, Рязани, Санкт-Петербурга, Саранска, Томска, Тюмени.

Работу конференции открыл сопредседатель организационного комитета, директор Высшей школы перевода (факультета), академик Российской академии образования, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Н.К. Гарбовский. В приветственном обращении он кратко рассказал участникам конференции об истории проведения предыдущих мероприятий и выразил надежду на плодотворную работу в нынешнем году. Н.К. Гарбовский подчеркнул, что нынешняя конференция представляет собой возможность всем участникам, прибывшим из разных уголков мира и России, поделиться своими мыслями, впечатлениями и представлениями

о том, какое значение имеет наследие А.С. Пушкина как для всей России, так и для всего мира; обсудить, какова роль переводчиков, передающих произведения поэта на разные языки в разных культурах.

Конференцию продолжило выступление театральной студии «Метаморфозы» Высшей школы перевода (факультета), которая представила литературно-музыкальную композицию «Любовь! Россия! Солнце! Пушкин». Зрители услышали стихи А.С. Пушкина и песни о великом русском поэте в исполнении студентов и преподавателей Высшей школы перевода (факультета). Гений и солнце русской поэзии предстал личностью многогранной — это друг, это поэт, это путешественник, это народ, это Россия.

Академик РАО Н.К. Гарбовский открыл первое пленарное заседание докладом «Переводчик — читатель Пушкина» о герменевтической составляющей творческого процесса в переводе. Он обратил внимание на целый ряд сложностей, с которыми сталкиваются переводчики при решении различного рода переводческих задач при передаче произведений великого поэта на другие языки. Особое внимание было уделено оппозиции мнений ряда специалистов, существующей в интерпретации творчества поэта.

Конференцию продолжил пленарный доклад профессора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова Э.Н. Мишкурова «О Пушкине — человеке, творце и переводчике». В докладе освещена деятельность А.С. Пушкина не только как великого поэта, но и как критика перевода и практикующего переводчика с иностранных языков на русский и наоборот.

Следующий пленарный доклад «Перевод в творчестве А.С. Пушкина», с которым выступила доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова О.И. Костикова, был посвящён описанию роли выполненных А.С. Пушкиным переводов и переложений на русский язык в его творчестве. Особое внимание О.И. Костикова обратила на выразительные возможности русского языка в произведениях великого русского поэта.

Заключительный пленарный доклад «Пушкинская лёгкость. Её значение, функция и передача в переводе» был представлен поэтом и переводчиком А.А. Ницбергом, который рассказал участникам конференции о легендарной пушкинской лёгкости, которую очень трудно передать на другие языки, и представил осмысление словесной гладкости А.С. Пушкина.

Профессор Е.А. Алексеева открыла второе пленарное заседание. Она представила доклад «О взаимодействии родного и ино-

странного языков в переводе», в котором подчеркнула, что в переводческой деятельности необходимо обязательно учитывать роль русского языка. Она дала развёрнутое описание алгоритма работы переводчика от этапа допереводческого анализа до осуществления перевода и анализа (самоанализа) качества его результата.

Со вторым пленарным докладом «Особенности терминологии концептосферы межкультурной коммуникации» выступила профессор Высшей школы перевода (факультета) Л.А. Манерко, которая обратила внимание на ключевые понятия межкультурной коммуникации, которые могут ассимилироваться, присваиваться, взаимодействовать и навязываться в процессе взаимодействия культур.

После пленарных докладов доцент О.И. Костикова сделала презентацию трудов Высшей школы перевода (факультета), опубликованных в 2023 и 2024 годах коллективом авторов факультета. Труды относятся к сфере переводоведения, культурологии, русского языка как иностранного и как родного, герменевтики и т.д.

Все пленарные доклады и презентация трудов факультета вызвали оживлённую дискуссию и заинтересовали всех участников научного мероприятия. Работу конференции продолжили заседания в рамках секций, организованных по предварительно определённым направлениям.

Центральными на конференции стали три научные секции: «Произведения А.С. Пушкина в переводах на языки мира», «Рцепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре», «Произведения А.С. Пушкина на занятиях по русскому языку как родному и как иностранному». Докладчики представили Александра Сергеевича как личность многогранную, описали опыт переводов его произведений на различные языки мира, рассмотрели, каким образом поэт и писатель предстаёт в русской и мировой культуре, а также поделились опытом использования произведений А.С. Пушкина на занятиях по русскому языку как в русскоязычной, так и иноязычной аудитории.

В рамках конференции также работали и другие научные секции: «Русский язык как инструмент обучения и объект изучения»; «Перевод как вектор научных знаний и культурных ценностей»; «Культурно-этические и социально-психологические аспекты многоязычной коммуникации»; «Традиции и инновации в современных концепциях обучения русскому языку как родному и как иностранному»; «Традиции и инновации в современных концепциях обучения иностранному языку и переводу». Доклады, пред-

ставленные в рамках перечисленных выше секций, каждый раз завершались широкими дискуссиями, что подтверждает актуальность и своевременность поднятых во время работы конференции проблем и вопросов.

После научных дискуссий гости конференции смогли принять участие в мастер-классе «Встречаем Пасху», организованном преподавателем Высшей школы перевода (факультета) В.В. Бондаренко. Во время мастер-класса студенты, аспиранты и преподаватели смогли самостоятельно изготовить ряд пасхальных подарков.

Модераторами работы научных секций выступили учёные и преподаватели Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова: академик РАО Николай Константинович Гарбовский, профессор Лариса Александровна Манерко, профессор Эдуард Николаевич Мишкурин, доцент Мария Николаевна Есакова, доцент Ольга Игоревна Костикова, доцент Евгений Георгиевич Торсуков, старший преподаватель Мария Владимировна Басова, старший преподаватель Дарья Сергеевна Зигмантович, старший преподаватель Галина Михайловна Литвинова, старший преподаватель Ирина Михайловна Щеголькова, преподаватель Валентина Васильевна Бондаренко, преподаватель Ринат Хакимович Мирзаянов. Модераторами были и гости конференции: профессор Людмила Ивановна Богданова и доцент Ирина Леонидовна Анастасьева (факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова).

За дни работы секций докладчики и слушатели из разных городов мира обменялись мнениями о творчестве А.С. Пушкина и его влиянии на многие поколения; поделились наблюдениями и размышлениями относительно прошлого, настоящего и будущего переводческой деятельности; рассмотрели историю и современное состояние русского языка, проблемы обучения русскому языку как иностранному и как родному; обсудили судьбы произведений русской литературы в мировом культурном пространстве; подняли актуальные вопросы дидактики перевода в современных условиях.

Итоги работы конференции подвели сопредседатель организационного комитета, директор Высшей школы перевода (факультета) академик РАО Н.К. Гарбовский, заместитель председателя организационного комитета, доцент М.Н. Есакова, а также модераторы научных секций. Они отметили широкую проблематику докладов, с которыми выступали начинающие и опытные исследователи, а также большой интерес всех участников конференции к актуальным вопросам, поднятым в выступлениях. Сопредседатель организа-

ционного комитета Н.К. Гарбовский выразил благодарность всем докладчикам и участникам конференции за интерес, неизменно проявляемый к данному мероприятию, а также поблагодарил Российскую академию образования в лице сопредседателя организационного комитета, президента РАО, профессора О.Ю. Васильевой за содействие в проведении конференции и всех членов организационного комитета за подготовку данного научного мероприятия: заместителей председателя оргкомитета доцента М.Н. Есакову и доцента О.И. Костикову, членов организационного комитета Е.М. Акишину, Н.И. Михайлову, Л.Г. Савенкову (Российская академия образования), М.В. Басову, Д.С. Зигмантович, К.Н. Ковалеву, В.Л. Литаренко, А.Л. Пака и В.Л. Попову (Высшая школа перевода).

На торжественном закрытии конференции также выступили профессор Э.Н. Мишуров (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия); доцент Л.Н. Дауренбекова (Евразийский гуманитарный институт имени А.К. Кусаинова, г. Астана, Казахстан); доцент М.Г. Новикова (Российский государственный университет правосудия); доцент А.Г. Хорошавина (Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, г. Казань, Россия); старший преподаватель Е.М. Солтанаева (Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан). Они выразили глубокую благодарность организаторам и участникам конференции и подчеркнули, что ежегодная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» является важным научным мероприятием и для преподавателей, и для переводчиков, и для филологов, и для лингвистов, и для всех тех, кому дороги русская культура и русский язык. Гости конференции выразили надежду на встречу на следующей XV Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода», которая пройдет в 2025 году и станет юбилейной.

ХРОНИКА

УДК: 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-131-138

«ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТКРЫТОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ». МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ CIUTI 2024

Ольга Игоревна Костикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: olga.kostikova@list.ru

RESHAPING THE T&I PARADIGM: OPENNESS AND INTEGRATION THE CIUTI INTERNATIONAL CONFERENCE 2024

Olga I. Kostikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: olga.kostikova@list.ru

28 и 29 мая 2024 года состоялась ежегодная научная конференция Постоянного международного совета университетских институтов подготовки переводчиков (CIUTI). CIUTI — это старейшая международная организация, объединяющая сегодня более 50 университетских институтов, факультетов и школ перевода из 20 стран мира. Основные задачи организации: оптимизация качества подготовки переводчиков, обмен передовыми технологиями и лучшими практиками в области научных исследований и преподавания различных видов перевода, развитие отношений с работодателями в сфере лингвистической индустрии, содействие объективности и добросовестности ведения научных разысканий и всеобщему доступу к полезным ресурсам.

Реализации этих задач способствует проведение ежегодных научных конференций CIUTI, цель которых — обеспечить представителям академического и профессионального сообщества платформу для свободного обмена идеями, ресурсами и компетенциями по междисциплинарной интеграции в области теории и практики перевода, укреплению инклюзивности и развитию форм и механизмов взаимодействия науки, образования и индустрии. Являясь глобальной ассоциацией научно-исследовательских и образовательных центров передовых достижений в области теории, методологии и дидактики перевода, CIUTI стремится содействовать научному осмыслению будущего переводческой деятельности в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

В 2024 году площадкой для проведения конференции был выбран Шанхайский университет международных исследований (SISU). Тема, предложенная организаторами: «Трансформация модели переводческой деятельности: открытость и интеграция» (Reshaping the T&I Paradigm: Openness and Integration). В ходе конференции планировалось осветить меняющуюся динамику в сфере перевода, рассмотреть возможные тенденции развития и задуматься о роли в будущем устных и письменных переводчиков как необходимых посредников коммуникации в условиях многоязычия, призванных устранять лингвистический дискомфорт и способствовать сохранению языкового многообразия в мире.

На открытии конференции гостей и участников приветствовали члены представительного президиума: председатель Учёного совета Шанхайского университета международных исследований профессор Инь Дунмэй, заместитель директора Шанхайского муниципального комитета образования Чжоу Ямин, президент CIUTI профессор Барт Дефранк, заместитель руководителя Государственного комитета КНР по делам высшего образования в области перевода Цзян Фэн, руководитель Отдела конференционного управления Отделения ООН в Женеве Рима Аль-Ших и др.

Работа конференции продолжилась в формате параллельных сессий и круглых столов.

В фокусе обсуждений участников — нарастающее влияние технологического прогресса на все сферы жизни, в том числе и на межъязыковую коммуникацию. Оно проявляется в том, что письменные переводчики некоторое время назад оказались в ситуации инновационной конкуренции в связи с появлением, внедрением и постоянным совершенствованием различных технологических ре-

шений для преодоления языковых барьеров. С недавнего времени эта ситуация коснулась и устных переводчиков.

Отмечается, что, с одной стороны, разработки в области языковых технологий сулят беспрецедентные широту и скорость доступа к многоязычной информации, которые вряд ли были бы возможны в условиях ограниченности перевода лишь человеческими усилиями. С другой стороны, бесконтрольное использование таких технологий сопряжено с серьёзными рисками, а значит, роль человеческого фактора в межкультурной коммуникации не может стремиться к нулю.

Основные тенденции развития переводческой деятельности видятся в усилении зависимости возможностей письменных и устных переводчиков от потенциала многоязычных технологий, а также в необходимости сопряжения усилий «в бинеме человек-машина»: взаимодействуя с технологиями, переводчик будет освобождаться от некоторых своих функций и одновременно постоянно расширять набор своих навыков. Активная интеграция технологий в переводческую деятельность позволяет спрогнозировать ещё один тренд: постепенное стирание границ между письменным и устным переводом, обусловленное возможностями технологий автоматического распознавания речи и преобразования устной речи в письменную.

Всего за два дня работы конференции было проведено 9 заседаний по следующим тематическим блокам:

- История перевода;
- Социология и наука о переводе: междисциплинарные связи;
- Наука о переводе и когнитивные функции человека;
- Технологии создания контента при помощи искусственного интеллекта и перевод;
- Устное языковое посредничество в социальной сфере и межкультурная медиация;
- Обучение переводу: инновации в аудитории и за её пределами;
- Обучение переводу: вопросы образования и воспитания;
- Обучение переводу: точка зрения студентов;
- Вопросы трудоустройства выпускников переводческих вузов.

В ходе работы конференции был заслушан и обсуждён 41 доклад.

Вопросы востребованности выпускников магистерских переводческих программ на рынке труда в Китае были освещены в

докладе Хуан Цюцзюй из Пекинского университета иностранных языков (КНР). Её коллега профессор Малайского университета (Малайзия) Амин Амирдаббаган представил новую магистерскую программу «MATIS: Магистр прикладного переводоведения», разработанную с учётом запросов работодателей в Малайзии. Тема перспективности отрасли была детализирована в докладе Хан Куи из Университета Нового Южного Уэльса (Австралия) — исследователь сконцентрировал внимание участников на профессиональном статусе судебных переводчиков в Австралии и на устойчивости профессии в целом.

О последствиях **сосуществования на рынке лингвистических услуг профессиональных и непрофессиональных переводчиков**, чьи ряды теперь пополнили ещё и переводчики, вовсе не принадлежащие к человеческому роду, предупредила в своём докладе профессор Эдинбургского университета Хериота Ватта (Шотландия) Клаудия Анджелелли. Ответом на поставленные исследователем тревожные вопросы «Как мы дошли до этого?» «Как это может быть?» прозвучал ряд докладов о границах и возможностях автоматического перевода и использования технологий больших языковых моделей. Кармен Валеро-Гарсес и Ху Лянцзянь из Университета Алькалы (Испания) поделились результатами эксперимента по изучению эффективности использования GPT технологий при переводе двусторонних договоров, а исследователи из Университета Малаги (Испания) Икбал Сингх Бейнс и Мария Грасия Торрес Диас проанализировали влияние искусственного интеллекта на практику и преподавание устного перевода. Выяснить, кто лучше передаёт чувства — переводчик-человек или автоматический переводчик — такая исследовательская задача стояла перед Ли Жуян из Шанхайского университета международных исследований (КНР), результаты сопоставительного анализа были озвучены в докладе. Хань Линтао и Хэ Чжунцзюнь из Пекинского университета языков и культур (КНР) продемонстрировали, каким образом можно расширить возможности больших языковых моделей, одно из свойств которых — обучаемость на больших корпусах текстов, через работу со студентами и их переводческий опыт.

Технологические инновации, внедряемые на занятиях по переводу, были представлены в серии докладов, где, в частности, шла речь об использовании цифровых платформ при формировании языковых и переводческих компетенций, использовании дистанционных методов обучения переводу и перспективах инициации к переводу на уровне дошкольного и школьного образования

в многоязычных группах обучающихся. Любопытное сочетание методик работы с языковыми корпусами, критического анализа и постредактирования при обучении переводу на примере устойчивых выражений предложила в своём докладе молодой учёный из Университета Монса (Бельгия) Манон Эйет. Доцент Шэньчжэньского университета Шан Сяоци поделился результатами исследования того, как визуальная опора, создаваемая при помощи систем распознавания голоса и автоматизации перевода, влияет на качество синхронного перевода у обучающихся.

Ещё одним дидактически ориентированным направлением работы конференции стало обсуждение **форм и результатов вовлечённости студентов в исследования** разнообразных аспектов переводческой деятельности. Профессор кафедры устного и письменного перевода Университета Аликанте (Испания) Аделина Гомес Гонсалес Ховер аргументировала теоретическую и практическую значимость для современного переводоведения изучения осмысления студентами таких ключевых умений, как креативность и критическое мышление. В докладе Джулианы Элены Гарцоне и Валентины Базелли из Миланского университета современных языков (Италия) освещались проблемы восприятия студентами дистанционного синхронного перевода и связанные с этим перспективы обучения. Профессор Университета Алакалы (Испания), писательница и переводчица Кармен Валеро-Гарсес поделилась результатами исследования оценки студентами и преподавателями использования инструментов ИКТ в устном переводе.

Разыскания в области истории перевода стали предметом отдельного обсуждения. Заведующая кафедрой переводоведения Университета Любляны (Словения) доцент Тамара Миколич Юзнич и её коллега профессор Нике К. Покорн в своём докладе обратили внимание на прерывистость переводческой практики и соответствующие пробелы в её осмыслении в контексте общей национальной истории художественного перевода. Исследователи из Университета Аликанте (Испания) Луис Ф. Бернабе-Понс, Пино Валеро-Куадра осветили отдельные культурно обусловленные аспекты переводческой деятельности испанских мусульман в XVI–XVII вв., а доцент университета Линнань (КНР) Ли Бо рассказал о прагматических аспектах перевода в Китае в конце XIX — начале XX в., когда в газетах активно рекламировались западные медицинские практики. Его коллега Сун Хэ посвятил свой доклад проблеме переосмысления культурных феноменов, проявившейся в ходе анализа английских субтитров популярного в Китае сериала

по мотивам одного из четырёх классических китайских романов — «Путешествие на Запад».

Обсуждение **соотношения «своего» и «чужого» в межкультурной многоязычной коммуникации** продолжилось в докладе заместителя директора Санкт-Петербургской высшей школы перевода Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена А.М. Антоновой, которая подняла вопрос об иноязычном описании культуры, где выявляются примеры семантической относительности и семантической аберрации. В свою очередь профессор Пекинского университета иностранных языков (КНР) Яо Бин придал дискуссии **деонтологическую направленность**: на примере практики, внедрённой в ПУИЯ, он поделился опытом обучения этике студентов-переводчиков в Китае.

Вопросы изучения перевода в контексте социальной реальности, **взаимосвязь перевода с общественными явлениями** и возможности **привлечения научного аппарата социологии** для изучения социального статуса перевода как общественно значимой деятельности были в центре внимания участников на протяжении двух дней работы конференции.

Исследователи из Малайского университета Тан Тук Мун, Сельваджоти Рамалингам и Амин Амирдаббагиан посвятили доклад проблемам кризисной коммуникации: они представили современное состояние и потребности в переводческих установках, практике межъязыковой коммуникации и обучении переводу в Малайзии. Докторантка Университета Нового Южного Уэльса (Австралия) Ван Чжэфэй представила результаты исследования профессионального поведения переводчиков на слушаниях по рассмотрению дел мигрантов и беженцев, особый интерес вызвала интегрированная в анализ точка зрения пользователей переводческих услуг. Доцент Сингапурского национального университета Ху Бэй рассказала, как решаются проблемы дистанционного видеоперевода в системе австралийского здравоохранения. Команда учёных Гентского университета (Бельгия) в составе Хелены Снек, Барта Дефранка, Мики Ванденбрукке поделилась практиками наблюдения за деятельностью профессиональных и непрофессиональных устных переводчиков на собеседованиях по поводу фиктивных браков.

Традиционно высоким оказался интерес к гендерным вопросам межъязыковой коммуникации. Профессор Университета Аликанте (Испания) Мария Лопес-Медель озаботилась проблемами гендерного равенства в эквивалентных соответствиях наименований профессий, представленных в терминологической базе данных

ООН. Доцент кафедры перевода Болонского университета (Италия) Элена Моранди представила методику выявления гендерных предубеждений в китайских онлайн-словарях и автоматических переводах и отчиталась о результатах контрастивного анализа в паре языков китайский — итальянский. Обсуждение гендерных предубеждений продолжилось в формате отдельного круглого стола, на котором группа учёных из университетов Аликанте (Испания), Триеста (Италия), а также Саарского университета (Германия) представила совместный научный проект по этой теме.

Релевантность **междисциплинарной проблематики** в современных исследованиях была подчёркнута в докладе доцента кафедры международного права и бизнеса Сычуаньского университета международных исследований (КНР) Цзян Тяньминя, который предложил перейти от социологии перевода к социологии переводоведения и рассмотреть основные вехи социологического поворота в науке о переводе.

Вектор междисциплинарности науки о переводе был поддержан обсуждением докладов, сфокусированных на **когнитивных аспектах, лежащих в основе переводческой деятельности** — сложных психофизиологических процессах восприятия, переработки, накопления, воспроизведения, преобразования и передачи информации.

Исследовательница из австралийского Университета Маккуори Ян Шуаншуан, на основе методик нейропсихологического тестирования доказала корреляцию между исполнительными функциями, понимаемыми как система высокоуровневых процессов, позволяющая планировать текущие действия в соответствии с общей целью, изменять реакцию в зависимости от контекста, и результативностью синхронного перевода. Её коллега из австралийского Университета Монаша поделилась результатами лонгитюдного сопоставительного исследования качественных характеристик устного перевода в международных и национальных судебных органах, подтвердив достоверность полученных результатов межэкспертной надёжностью и конгруэнтной валидностью.

Системный подход к рассмотрению взаимной обусловленности развития цифровых технологий, когнитивных функций человека и перспектив лингводидактики и дидактики перевода предложили в своём докладе представлявшие на конференции Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова директор Высшей школы перевода (факультета) академик РАО Николай Константинович Гарбовский и заместитель директора Высшей

школы перевода (факультета) по научной работе доцент Ольга Игоревна Костикова. Исследователи отметили, что возможность делегировать искусственному интеллекту ряд функций по работе с информацией и освободить человеческий разум от осуществления некоторых когнитивных операций влечёт за собой коренные изменения в структуре переводческой деятельности, что необходимо учитывать при обучении переводу. При этом в процессе изучения иностранных языков — базиса для подготовки переводчиков — коммуникативная ценность уступает место развитию именно когнитивных способностей: таким образом, подтверждается известный тезис о том, что человеческий язык — это не только и не столько коммуникация, а инструмент, средство организации мышления (Н. Хомский). В таком случае перевод оказывается необходимым для освоения иного и осознания своего как на уровне языковых систем, речевых предпочтений, так и на уровне культур и сложных текстовых структур. У человека, осваивающего иностранный язык с таких позиций, возникает внутренняя потребность переводить. Это приводит к формированию индивидов с особым складом ума, для которых процесс перевода оказывается неотъемлемой интеллектуальной деятельностью.

Два дня работы конференции, в которой приняло участие более 100 человек, было представлено 42 университета из 17 стран мира, оказались плодотворными, прошли в конструктивной атмосфере и подарили участникам удовольствие от научного обмена на семи рабочих языках — английском, арабском, испанском, китайском, немецком, русском и французском — благодаря слаженной и исполненной профессиональной ответственности работе синхронных переводчиков с естественным человеческим интеллектом.

Корректор А. В. Игумнов. Компьютерная верстка В. Н. Кокорев

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.

Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 26.07.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,19.

Тираж 50 экз. Изд. № 12711. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23;

e-mail: zakaz@msupress.com. Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru